НАУКА РУССКОГО ЯЗЫКА

научный журнал

- Языкознание (филология)
- Всеобщая история, отечественная история
- Теория литературы и текстология
- Культурология и история мировой культуры

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

№4-2024

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: шесть раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Голикова Татьяна Александровна
Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела факультета, бизнес-технологий РОСНОУ, член союза переводчиков России

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук , профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Мапельман Валентина Михайловна

Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Павлова Елена Касимовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова МГУ (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в

Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

Шкунов Владимир Николаевич

Доктор исторических наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель школы Российской Федерации, Член Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Golikova Tatyana Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Publishing, Faculty of Business Technologies, ROSNOU, member of the Union of Translators of Russia

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Zyablova Olga Alexandrovna Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna
Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna
Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna
Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Mapelman Valentina Mikhailovna
Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Pavlova Elena Kasimovna, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for the Humanities, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Alexander Dmitrievich Pokhilko
Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich
Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

Shkunov Vladimir Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the School of the Russian Federation, Member of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, Leading researcher at the Volga branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Горелова Ольга Владимировна
ВАРИАНТЫ ЛИЧНЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ИМЕН В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ **13**

Лин Чэнь
ПОДГОТОВКА КОМПЕТЕНТНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕСТНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ ХЭЙЛУНЦЗЯН **20**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Вишнягова Евгения Павловна, Король Елена Витальевна
ДИСФЕМИЗМ КАК ПРИЕМ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ) ***27***

Горбулич Ирина Степановна, Смолина Ольга Владимировна
СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ О ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ ***35***

Зяблова Ольга Александровна
КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ***47***

Зяблова Ольга Александровна
КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ ***53***

Киселёва Ирина Дмитриевна
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РОМАНЕ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА ДЖ. К. РОУЛИНГ "TROUBLED BLOOD" ***59***

Павлова Елена Касимовна
СОДЕРЖАНИЕ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «РОДИНА» И «ПАТРИОТИЗМ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЛИДЕРОВ РОССИИ И КИТАЯ ***69***

Перепелицына Юлия Ростиславовна, Хатагова Светлана Викторовна, Желябова Ирина Викторовна
Экспрессивные функции сочинительных рядов словоформ в произведениях А. Яшина ***79***

Сушко Виктория Вадимовна
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОВОРОВ XII В ***85***

Чэн Вэньянь, Ли Цици
НЕСКОЛЬКО ПРОБЛЕМ В ПЕРЕВОДЕ ТАНСКОЙ ПОВЕСТИ ЧУАНЬЦИ – НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ПОВЕСТЬ ОБ ИН-ИН» ***92***

ИСТОРИЯ

Балбеко Роман Евгеньевич, Билашенко Екатерина Вениаминовна, Зуев Андрей Вячеславович
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ УЧЕБНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В РОССИИ В X-XII ВЕКАХ ***99***

Масляков Владимир Владимирович, Полиданов Максим Андреевич, Нефедова Эльвира Алексеевна, Ксенофонтов Леонид Михайлович, Павленко Артём Игоревич
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОБЫТИЙ В ХИРОСИМЕ И НАГАСАКИ: ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И СОЦИУМ ***105***

Петухова Татьяна Николаевна
К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ ***112***

ФИЛОСОФИЯ

Вань Гуанфу
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ «МОРАЛЬ» И «ЭТИКА» В СОЗНАНИИ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ ***117***

*****

CONTENT

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Gorelova Olga Vladimirovna
VARIANTS OF PERSONAL CALENDAR NAMES IN THE FAR EASTERN METRIC BOOKS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: MORPHOLOGICAL ASPECT **13**

Lin Chen
TRAINING OF COMPETENT RUSSIAN LANGUAGE TRANSLATORS AT LOCAL UNIVERSITIES OF THE HEILONGJIANG FREE TRADE ZONE **20**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Vishnyagova Evgenia Pavlovna, King Elena Vitalievna
DYSPHEMISM AS A TECHNIQUE OF SPEECH MANIPULATION IN ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING DISCOURSE (BASED ON THE MATERIAL OF SOCIAL ADVERTISING TEXTS) ***27***

Gorbulich Irina Stepanovna, Smolina Olga Vladimirovna
STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A SOMATIC COMPONENT ***35***

Zyablova Olga Alexandrovna
CONSTITUTIVE FEATURES OF DIPLOMATIC AND POLITICAL DISCOURSES: FEATURES OF INTERACTION ***47***

Zyablova Olga Alexandrovna
COMMUNICATIVE FEATURES OF THE DISCURSIVE PRACTICE OF DIGITAL DIPLOMACY ***53***

Kiseleva Irina Dmitrievna
LINGUISTIC FEATURES OF THE REPRESENTATION OF GENDER STEREOTYPES IN J. K. ROWLING'S NOVEL OF THE DETECTIVE GENRE “TROUBLED BLOOD” ***59***

Pavlova Elena Kasimovna
THE CONTENT AND LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF "HOMELAND" AND "PATRIOTISM" IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE LEADERS OF RUSSIA AND CHINA ***69***

Perepelitsyna Yulia Rostislavovna, Khatagova Svetlana Viktorovna, Zhelyabova Irina Viktorovna
EXPRESSIVE FUNCTIONS OF THE COMPOSITIONAL SERIES OF WORD FORMS IN THE WORKS OF A. YASHIN ***79***

Sushko Victoria Vadimovna
MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE RED ENGLISH LANGUAGE: BASED ON THE MATERIAL OF CONSPIRACIES OF THE XII CENTURY ***85***

Cheng Wenyan, Li Qiqi
SEVERAL PROBLEMS IN THE TRANSLATION OF THE TANG STORY CHUANQI – ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN TRANSLATION OF "THE TALE OF YING YING" **92**

HISTORY

Balbeko Roman Evgenievich, Bilashenko Ekaterina Veniaminovna, Zuev Andrey Vyacheslavovich
THE EMERGENCE OF THE EXPERIENCE OF DEVELOPING EDUCATIONAL HISTORICAL CONTENT IN RUSSIA IN THE X-XII CENTURIES ***99***

Maslyakov Vladimir Vladimirovich, Polidanov Maxim Andreevich, Nefedova Elvira Alekseevna, Ksenofontov Leonid Mikhailovich, Pavlenko Artem Igorevich
THE HISTORICAL ASPECT OF THE EVENTS IN HIROSHIMA AND NAGASAKI: THE IMPACT OF THE CONSEQUENCES ON THE ENVIRONMENT AND SOCIETY ***105***

Petukhova Tatyana Nikolaevna
ON THE QUESTION OF THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY ***112***

PHILOSOPHY

Wan Guangfu
THE CONCEPTUAL CONCEPTS OF "MORALITY" AND "ETHICS" IN THE MINDS OF THE CHINESE AND RUSSIAN PEOPLES ***117***

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 81.373.23

ВАРИАНТЫ ЛИЧНЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ИМЕН В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Горелова Ольга Владимировна
Доцент, ФГБОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет»
SPIN-код: 8150-5594
E-mail: gorelovaolvl@mail.ru

В статье проведен анализ развития вариативности личных календарных имен во второй половине XIX века в дальневосточном регионе. Автор описывает факты морфологической вариативности личных календарных имен на территории Дальнего Востока второй половины XIX века. Описаны примеры языковой адаптации антрополексем в рамках русской ономастической системы, описаны причины вариативности личного календарного имени. Указаны особенности употребления антропоформантов личного календарного имени в дальневосточных метрических книгах, а также словообразовательные особенности: приведены примеры основных антропоформантов и охарактеризована их грамматическая и стилистическая роль в документе делового жанра второй половины XIX века. Автором предлагается обширный словник, иллюстрирующий явление вариативности в области личного календарного имени в дальневосточном регионе.

***Ключевые слова**: ономастика, антропонимика, личное имя, форма личного имени, вариант личного имени, фонетический вариант, морфологический вариант.*

VARIANTS OF PERSONAL CALENDAR NAMES IN THE FAR EASTERN METRIC BOOKS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: MORPHOLOGICAL ASPECT

Gorelova Olga Vladimirovna
Associate Professor, Pacific State University
SPIN-код: 8150-5594
E-mail: gorelovaolvl@mail.ru

The article analyzes the development of variability of personal calendar names in the second half of the XIX century in the Far Eastern region. The author describes the facts of morphological variability of personal calendar names in the territory of the Far East in the second half of the XIX century. Examples of linguistic adaptation of anthropolexemes within the framework of the Russian onomastic system are described, the reasons for the variability of the personal calendar name are described. The features of the use of anthropoformants of a personal calendar name in Far Eastern metric books are indicated, as well as word-formation features: examples of the main anthropoformants are given and their grammatical and stylistic role in the business genre document of the second half of the XIX century is characterized. The author offers an extensive dictionary illustrating the

phenomenon of variability in the field of personal calendar names in the Far Eastern region.

Keywords: *onomastics, anthroponymy, personal name, personal name form, personal name variant, phonetic variant, morphological variant.*

*****

Личное календарное имя, функционировавшее в русском языке с момента появления христианства на Руси, было заимствовано, как указывает Б.А. Успенский, у южных славян [1, С. 51] и подвергалось различным изменениям, подчиняясь фонетической и грамматической системе. В первую очередь календарные личные имена, попавшие на русскую почву, подвергались различным фонетическим изменениям [2, С. 64]. Многие изменения повлияли на звуковую структуру антрополексемы, в результате появилось немало фонетических вариантов основных форм имени: каноническая, документальная, народная, разговорная формы. В процессе исторического развития личных календарных имен, зафиксированных в дальневосточных метрических книгах второй половины XIX в., изменился и морфологический состав антрополексем. Н. В. Комлева при исследовании вологодской антропонимии указывала на тот факт, что при освоении иноязычной ономастической лексики наибольшее влияние оказывает не столько язык, сколько сложившиеся на базе данного языка ономастические системы [3], поэтому, на наш взгляд, появление морфологических вариантов полных календарных имен можно прежде всего объяснить типологическими особенностями русской антропонимической системы. Однако представляет интерес и региональная специфика онима, т.к. «ономастической пространство представляет собой полевую структуру с ядерными и периферийными конституентами» [4, С. 7]. Кроме того, возможность структурного варьирования личных имен в народной среде поддерживается наличием среди церковных имен значительного числа разнооформленных образований, возникших по разным причинам в процессе длительного функционирования христианских имен (*Аполлоний/Аполлос, Артема/Артемий, Евсевий/Евсевон* и др.). С процессом морфологической адаптации иноязычных имен связано такое явление, как обнаружение в полной основе календарных личных имен формантов, сходных с русскими аффиксальными именными морфемами. По мнению А. Н. Мирославской, происходило «осмысление конечных звуков календарных имен как суффиксов названий лиц» [5, с. 76]. Стремление антропонимической системы подвести вновь осваиваемые личные имена под определенные сложившиеся типы осуществляется разными способами. В данной статье проанализируем морфологические или грамматические варианты, которые различаются прежде всего категориальными и формальными показателями при одновременном сохранении лексического тождества [6, С. 189], [7, С. 171], [8, С. 130], [9, С. 63]. Эти изменения в документах дальневосточных метрических книг второй половины XIX в. можно свести к следующим.

Материалы метрических книг содержат достаточное количество антрополексем, образованных путем усечения, либо усложнения основы по аналогии с именами, имеющими форманты *-ий*, *-ей*, *-ия*, *-ая*. По мнению И. М. Ганжиной, «живая антропонимическая картина прошлого широко отражает процесс аналогии в системе псевдоформантов» [10, С. 169]. В результате наращения основы появлялись гиперкорректные формы личных календарных имен, а также образованных от них отчеств (первые имея в рядах относятся к исконным календарным, зафиксированным в святцах):

Валент/Валентей: *Козакъ Ст. Петровой Валентій Казимировъ Карловскій и законная жена его Феодосія Иванова мужъ каталическаго исповhданія жена православнаго вhроисповhданія* (11 л. 10 об.).

Домника/Домникия: *<…> поселенца Хабаровскаго Поста Луки Гладышевскаго жена Домникія Ульянова* (11, л. 13).

Зотик/Зотий: *Дочь козака Усурийскаго пѣшаго баталіона, ст. Кедровой Никиты Зотѣева Колодова …<…>* (12, л. 45).

Иустина/Иустиния: *сынъ козака усурійскаго козачьяго пѣшаго баталіона, ст. Будоговской, Даниила Парѳентьва Литвинцова и законной жены его Іустиніи Харламовой, оба православнаго исповѣданія* (12, л. 47 об.); *<…> дочь козака станицы Луговой Вонифатія Каменщикова дѣвица Іустина* (11, л. 6 об.); *Штатный почталіонъ Хабаровскаго Почтоваго отделенія Афонасій Козьминъ Бѣгединъ и законная жена его Іустина Ульянова, оба православнаго исповѣданія* (11, л. 17 об.).

Климент/Климентий: *Сынъ козака усурійскаго П. К. Баталіона, ст. Вѣнюковой, Климент Лончакова отрокъ Василей* (12, л. 74 об.); *Женихъ крестьянинъ Софійскаго округа Малышевского селенія Клементій Ивановъ Пчелинъ Православнаго исповѣданія первымъ бракомъ* (12, л. 22 об.); *Крестьянинъ Малышевского селенія Клементій Ивановъ Пчелинъ <…>* (11, л. 14); *Крестьянинъ Софійскаго округа Воронежскаго Селеніифонъ Клементьевъ Косныревъ <…>* (11, л. 11 об.).

Кондрат/Кондратей: *Рядовой Хабаровской постовой команды Кондратей Тарасовъ Ильинъ <…>* (12, 28 об.*); Поручители по женихѣ козак Евграфъ Алексѣевъ Терпуговъ и Матѳей Бѣлокрыловъ, а по невестѣ козаки Никита Кондратьевъ Божорниковъ и Назарий Силверстьевъ Деревцовъ* (12, 63–63 об.).

Параскева/Параскевия: *Жена Охотской команды казака Ивана Попкова Параскева* (1, л. 12 об.); *Козакъ Уссурійскаго поста Станицы Васильевой Никодимъ Григорьевъ Ожеговъ и законная жена его Параскева Козьмина, оба православнаго исповѣдания* (11, л. 8 об.); *Параскевія, дочь козака Николая Григорьева Кучина <…>* (12, л. 84).

Савел/Савелий: *Невѣста дочь козака Уссурийскаго баталиона Станицы Шереметьевой, Савелея Лопатина дѣвица Ирина православнаго испов. первымъ бракомъ* (12, л. 18 об.); *<…> Дочь Казака Ст. Шереметьевой Савелея Лопатина, Дѣвица Ирина* (12, л. 35 об.); *Дочь козака усурійскаго баталіона, станицы Корсаковой, Савелія Анисимова Сунгурова <…>* (12, л. 57 об.).

Это привело к усложнению основ полных форм имени, непроизводные основы стали производными, возникли усеченные и неусеченные варианты имен.

Оба варианта имени присутствуют в тексте дальневосточных метрических книг второй половины XIX в. При этом формы имени на *-ия* чаще воспринимались как близкие каноническим формам, а формы на *-ей* как усеченные варианты, более близкие разговорному языку.

В тексте документов метрических книг второй половины XIX в. были найдены следующие пары усеченных и неусеченных форм календарного имени, которые одновременно бытовали на территории Дальнего Востока.

Авраамий/Авраам: *Сынъ козака усурійскаго баталіона, ст. Киселевой, Анисима Маркинтанчука, младенецъ Авраамій* (12, л. 70 об.); *Сынъ козака усурійскаго П. К. Баталіона, ст. Киселевой, Онисима Маркинтанчука, младенецъ Авраамій* (12, л. 74 об.); *Гот. роду Стар. Семена Аврамова родовичи Алексей Громовъ* (13, л. 8).

Антоний/Антон: *Сынъ козака усурійскаго пѣшаго баталіона, ст. Козакевичевой, Марцына Павловского, младенецъ Антоній* (12, л. 70 об.*); Сынъ крестьянина Воронежскаго селенія Антона Косныревa, Феодоръ Антоновъ* (11, л. 4); *Унтер Офицер Кадровой роты Амурскаго Флотскаго Экипажа Антонъ Ивановъ Лобановъ* (12, л. 46).

Власий/Влас*: <…> и дочь Козака Власа Каменщикова дѣвица Акилина* (12, л. 46 об.); *Дочь Казака Усурійскаго пѣшаго Казачьяго Баталіона Станицы Трехъ-Святительской, Константина Власьева Каменщикова* (12, л. 38 об.*); <…> козакъ <…> Власій Ильинъ Федорѣевъ <…>* (12, л. 83 об.).

Евфимий/Евфим: *Евфимій (незаконнорожденный), Сынъ Водворяемлрабочей Софійскаго Округа Мирейаны Безъпрозванія провославнаго вѣроисповѣданія* (12, л. 5 об.); *Рядовые Хабаровской пост. команды Иванъ Поповъ <…> Евфимій Коневъ* (12, л.

28 об.); *Сынъ козака усурійскаго пѣшаго казачьяго баталіона ст. Кедровой, Евфима Сергѣева Патрина* <…> (12, л. 55 об.); *Близнецы Дѣти Козака усурійскаго пѣшаго казачьяго баталіона ст. Козакевичевой, Ефима Іосифова Мурашова* <…> (12, л. 47 об.).

Епифаний/Епифан: *Безсрочно отпускной рядовой Новгородской Постовой команды Епифанъ Фоминъ Мельчаковъ* <…> (12, л. 6); *Дочь козака* <…> *Епифана Илларіонова Чистихина* <…> (12, л. 86 об.).

Исаакий/Исаак: *Невѣста дочь уволенного отъ работъ ссыльнаго Михаила Исакова дѣвица Надежда православнаго вѣроиспов ѣданія первымъ бракомъ* (12, л. 17 об.); *Козакъ того же баталіона и станицы Иванъ Исааковъ Жеребцовъ* <…> (12, л. 51); <…> *жена козака Павла Князева Афанасія Исакова* (12, л. 57).

Макарий/Макар: *Рядовой Линейнаго № 1го баталіона 1й роты Макарій Субботинъ* <…> (12, л. 47); *Дочь Козака усурійскаго пѣшаго казачьяго Баталіона ст. Будоговской, Макара Галактіонова Самохвалова* <…> (12, л. 43 об.); *Дочь козака усурійскаго П.К. баталіона, ст. ТрезСвятительской, Макара Филиппова Семенова* <…> (12, л. 56 об.).

Назарий/Назар: *Поручители* <...> *поневѣсте* <…> *Назарей Сильверстьевъ Деревцовъ* (12, л. 62); *Сынъ козака усурійскаго пѣшаго козачьяго баталіона станицы Вѣнюковой Назара Севѣрьянова Деревцо ва* <…> (12, л. 53 об.); *Невеста жена умершаго Козака тогоже баталіона и станицы Назара Федорѣева вдова Афанасія Исакова православнаго вѣроисповѣданія вторымъ бракомъ* (12, л. 59 об.).

Парфений/Парфен: *Матросъ тогоже экипажа Алексей Парфеновъ Парфеновъ* <…> (12, л. 6*); Козакъ тогоже баталіона и станицы Мелентій Парфентьевъ Литвинцовъ* <…> (12, л. 53).

Патапий/Потап: *Казакъ того же Баталіона и Станицы Патапей Стефановъ Субботинъ* <…> (12, л. 40); <…> *жена безсрочно отпускноаго рядоваго № 3го Восточно-Сибирскаго линейнаго баталіона Потапа Шустова Іустина Пимонова* (12, л. 6); *Дочь козака тогоже баталіона Ст. Луговой Ивана Потапова Носкова* <…> (11, л. 14 об.).

Пахамий/Пахом: *По женихъ:* <…> *Почталіонъ Иванъ Похомовъ* <…> (12, л. 20); *Дочь козака тойже Станицы Феодора Яковлева Дымченко и законной жены его Александры Пахомовой, оба православные* (12, л. 9 об.*); Козакъ тогоже баталіона и станицы Гурій Пахомовъ Костроминъ* (12, л. 51).

Софония/Софон: <…> *жена козака станицы Луговой Андрея Морозова Елена Софонова* (12, л. 8).

Софроний/Софрон: *Козакъ тогоже баталіона Станицы Луговой Софроней Ефимовъ Вараксинъ* <…> (11, л. 10 об.); *Дочь козака того же баталіона и Станицы Хрисанфа Степанова Кузнецова и законной жены его Марфы Софроновой* <…> (12, л. 7 об.); *Сынъ козака усурійскаго пѣшаго козачьяго баталона, станицы Козакевичевой, Софрона Шереметьева Константинъ* (12, л. 66 об.).

Тарасий/Тарас: *Козак того же баталіона и станицы Тарасій Гавріиловъ Чучуевскій* (12, л. 98.); *Рядовой Хабаровской Постовой Команды Кондратей Тарасовъ Ильинъ* (12, л. 28 об.); *Сынъ козака усурійскаго пѣшаго козачьяго баталона, станицы Козакѣвичевой, Константина Тарасьева Чебыкина* (12, л. 57 об.).

Ульяния/Ульяна: <…> *жена козака той же Ст. Льва Савельева Ульянія Николаева* (12, л. 15); <…> *жена Фельдшера Іосифа Зинченко Ульянія Феодорова* (12, л. 48); *Дочь поселки Селения Хабаровки Анастасіи Колесниковой младенецъ Ульяна* (12, л. 27 об.).

Устиния/Устина: *Дочь казака усурійскаго пѣшаго козачьяго баталиона ст. Трехсвятительской Макара Николаева Хорина и законной жены его Устиніи Николаевой, оба православн. исповѣданія* (12, л. 44); *Дочь казака усурійскаго пѣшаго козачьяго баталіона ст. Невельской Кузьмы Аранина, младенецъ Устина* (12, л. 67 об.); *Дочь казака усурійскаго пѣшаго козачьяго баталиона ст. Киселевой Ивана Номоконова, младенецъ Устиния* (12, л. 67 об.).

Харалампий/Харлам: <…> *дочь козака ст. Видной, Хоролампія Балябина дѣвица Анастасія* (12, л. 49); *Дочь казака усурійскаго пѣшаго козачьяго баталиона, ст. Трехсвятительской, Харлампія Никифорова* <…> (12, л. 46 об.); *Сынъ казака*

усурійскаго пѣшаго козачьяго баталиона ст. Кукелевой, Александра Иванова Новикова и законной жены его Вассы Харламовой, оба православнаго исповѣданія (12, л. 46 об.).

Формы мужских имен на *-ия* были непопулярны в России, где формант *-ия* являлся продуктивным для форм женского рода, отсюда стремление избавиться от форманта *-ия* в формах мужского рода. Формант либо опускался, как в формах типа *Захария/Захарий/Захар*, либо происходила редукция [и], как в форме *Илия/Илья*:

Захария/Захарий/Захар: *Захарій, [отец] Козакъ Амурскаго пѣшаго козачьяго баталіона, Станицы Забѣловой, Дмитрій Львовъ Гавриловъ* (11, л. 12 об.); *Козак того же баталіона и станицы Захаръ Алексѣевъ Седельниковъ* (12, л. 84.*); Козак того же баталіона и станицы Алексѣевъ Сідельниковъ* (12, л. 86.).

Илия/Илья: *Илія, у поселки слѣдующей на водворение въ Г. Николаевскъ Приморской области Вост. Сибири Евдокиі Матвеевой Марфиной незаконнорожденный* (11, л. 10 об.); *Сынъ Козака Амурскаго пѣшаго баталіона Станицы Луговой Хрисанфа Кузнецова Илія* (12, л. 26 об.); *По женихѣ и по невестѣ: козаки Уссурійскаго пѣшаго баталіона Никита бочкарниковъ, Илья Филиповъ и Василий Поваровъ* (12, л. 21); *Сынъ умкршаго козака тогоже баталіона и станицы Ильи Зимина Кузьма Ильин* <…> (12, л. 51).

От полной канонической формы могли быть образованы документальные и народные формы. Формант *-ий* часто воспринимался как книжный, в документах метрических книг часты варианты календарных имен с формантом *-ей*, одновременно изменялся акцентный характер антрополексем:

Авдий/Авдей: *Козакъ тогоже баталіона и станицы Авдій Прокопіевъ Мирсаловъ* (12, л. 81); *Сынъ козака усурійскаго пѣшаго Козачьяго Баталіона, ст. Козакевичевой, Петра Николаева Пилѣгалова и законной его жены Гликеріи Авдѣевой оба православнаго исповѣданія* (12, л. 42 об.).

Алексий/Алексей: *Алексій, Сынъ рядоваго № 5го Восточно-Сибирскаго Линейнаго баталіона Егора Иванова Иванова и законной жены его Анастасіи Ивановой оба православнаго вѣроисповѣданія* (12, л. 3 об.); *Дочь козака тойже станицы Тимоѳея Ануфріева Кудрина и законной жены его Дарьи Алексіевой, оба православнаго исповѣданія* (12, л. 10 об.); *Алексѣй, Сынъ козака усурійскаго пѣшаго Козачьяго Баталіона, ст. Дьяченковой, Василья Кузьмина Костромина* <…> (12, л. 55 об.).

Анастасия/Анастасея: <…> *козака Маркелла Кузнецова жена Анастасія Семенова* (11, л. 13); *Дѣвица Анастасія Сергеева (бывшая Духовникова) Падчерка Козака усурійскаго пѣшаго Козачьяго Баталіона, станицы Козакевичевой, Андрея Минарскаго, православнаго вѣроисповѣданія* (11, л. 19 об.); <…> *жена рядового Хабаровской Постовой команды Якова Мѣдведева Анастасея Яковлева* (12, л. 12).

Аркадий/Аркадей: *Лейтенантъ Амурскаго флотскаго Экипажа Аркадій Васильевъ Плотниковъ* <…> (12, л. 55); *Поженихъ и невѣстѣ Инженеръ Механиекъ Прапорщикъ Акадей Пятаковъ* <…> (12, л. 22).

Афанасий/Афанасей: *Штатный почталіонъ Хабаровскаго Почтавого отделенія Афанасій Козьминъ Бѣдегинъ* <…> (11, л. 17 об.); *Афанасій, Сынъ рядоваго № 1го Восточно-Сибирскаго Линейнаго баталіона Ивана Никитина* <…> (12 л. 2об.); (*Жена козака того же баталіона, станицы Корсаковой, Аѳанасея Оверина, Марія Егорова* (12, л. 44); <…> дочь Козака Аѳанасея Чупрова дѣвица Анисія (12, л. 49).

Василий/Василей: *Той же команды Урядника Василія Кудьярова дочь дѣвица Агрипина прав. испов. 11ракомъ* (1 , л. 6 об.); *Василій, Сынъ урядника тогоже баталіона, Станицы Петровой, Алексея Петрова Подойницына* <…> (12, л. 7 об.); *Фельдшеръ тогоже баталіона Василей Васильевъ Сулавка* <…> (12, л. 8); *Гот. роду Гнрасима Шумилова родовичь Василей Шумиловъ вторымъ бракомъ* (1, л. 7 об).

Викентий/Викентей: *Безсрочно-отпускной, Старший Качегаръ Амурскаго Экипажа Вецентій Векентичь Каменский* <…> (11, л. 21 об.); *По женихъ рядовой Хабаровской постовой команды Викентей Кондратовичь* <…> (12, л. 18).

Гордий/Гордей: *Сынъ незаконнорожденный Пачерицы Казака Усурійскаго Баталіона, Ст. Казакевичевой, Гордея Иванова Гусака <…>* (12, л. 36 об.*); Козак тогоже баталіона и станицы Василій Ивановъ Гордѣевъ <…>* (12, л. 54).

Григорий/Григорей: *Дочь поселенца Селенія Хабаровки Григорія Михаілова Возныхъ <…>* (12, л. 5 об.); *Сынъ крестьянина Вятскаго Селенія Григорія Яковлева Шмакова <…>* (12, л. 10 об.); *Сынъ крестьянина тогоже селениія Григорея Наумова Павелъ <…>* (12, л. 8); *… по невѣстѣ того же баталіона Унтеръ Офицеръ Викулъ Ивановъ Раздавиловъ и рядовой Григорей Никитинъ Быстровъ* (12, л. 18).

Дементий/Дементей: *Рядовой № 1го ВосточноСибирскаго линейнаго баталіона Дементій Іудовъ Юдинъ <…>* (12, л. 6); *По женихъ: Унтеръ Офицеръ № 5го Восточно-Сибирскаго Линейнаго баталіона Диментей Тимофеевъ <…>* (11, л. 20).

Дмитрий/Дмитрей: *Горбиканскаго роду Поликарпа Погадаева родовичь Михаилъ Ивановъ и Дмитрій Погадаевъ* (1, л. 9); *Дмитрій, Сынъ козака усурійскаго пѣшаго коз. баталіона, ст. Вѣнюковой Адріана Поликарпова Козлова <…>* (12, л. 52 об.); *Пелегія, незаконнорожденная <…> Урядника Усурійскаго пѣшаго коз. баталіона, ст. Невельской, Димитрея Смирнова дѣвки Ирины, православнаго исповѣдан.* (12, л. 54 об.).

Евгения/Евгенея: *Сынъ козака усурійскаго пѣшаго козачьго баталіона, ст. Будоговской Мелентія Герапонтова и законной жены его Евгеніи Андреевой, оба правос. испов*. (12, л. 54 об.); *Козакъ Уссурійскаго пѣшаго баталіона, ст. Корсаковой Николай Михаиловъ Лончаковъ и законная жена его Евгенія Иванова, оба православные* (11, л. 4 об.); *Жена Подпорудчика № 3го Восточно-сибирскагоЛинейнаго баталіона Евгенея Григорьева Екатерина Платонова* (12, л. 23 об.).

Игнатий/Игнатей*: По женихъ: <…> Хабаровской постовой команды Унтеръ-Офицеръ Ингатій Терскій* (11, л. 20); *Сынъ отставнаго Унтеръ_офицера № 3го Восточно-Сибирскаго линейнаго Баталіона Игнатія Тимоѳеева Крылова <…>* (12, л. 10 об.); *Тогожъ рода Старосты Василія Громова родовичь Игнатей Соколовъ прав. вторымъ брак.* (13, л. 9 об.*); Уяганскаго роду Старосты Игнатѣя Громова Ивана Громова дѣвица Марія* (13, л 7 об.).

Иннокентий/Иннокентей: *Тогожь родовича Иннокентій (1, л. 10 об.); <…> а по невѣстѣ Ревизоръ того же Телеграфа Степанъ Иннокентіевъ Котольниковъ <…>* (11, л. 22); *Охотской команды казака Иннокентея Тюшева жена Варвара <…>*(13, л. 11 об.).

Корнилий/Корнилей: *Женихъ сынъ козака усурійскаго пѣшаго козачьяго баталіона, станицы Козакевичевой, Сидора Турова, Корнилій православнаго исповѣданія, первымъ бракомъ* (12, л. 61 об.); *Козакъ усурійскаго баталіона, ст. Кукелевой, Корнилей Игнатьевъ Евфременко <…>* (12, л. 74 об.).

Лаврентий/Лаврентей*: Киллярскаго роду Старосты Лаврентія Осенина родовичь Никифоръ Блиновъ вторымъ бракомъ* (1, л. 8 об.); *Дочь Казака Усурійскаго Баталіона Станицы Казакевичевой, Лаврентія Осипова Рифъ <…>* (12, л. 39 об.); *Козакъ усурійскаго пѣшаго козачьяго баталіона Лаврентей Чуркинъ* (11, л. 26 об.).

Леонтий/Леонтей: *Ссыльно-каторжной женки Анфисы Коршуновой незаконно-рожденный сынъ Леонтій* (11, л. 26 об.); *Козакъ тогоже Баталіона Станицы Забѣловой Леонтій Алексеевъ Лѣсковъ <…>* (13, л. 10); *<…> а по невестѣ козаки Амурскаго пѣшаго баталіона Станицы Забѣловой Леонтей Лесковъ и Маркуллъ Кузнецовъ* (11, л. 22).

Мелентий/Мелентей: *Уяганскаго старосты Мелентія Громова родовича Кириллы Дехтерева дочь Ульяна православная первымъ бракомъ* (13, л. 7 об.); *<…> безсрочно отпускнаго фельдфебеля Александра Андреева Мелентіева жена Ксенія Филиппова* (11, л. 10); *Козакъ тогоже баталіона и станицы Мелентей Парфентьевъ Литвинцовъ <…>* (12, л. 53).

Назарий/ Назарей: *<…> а по невѣстѣ козаки Никита Кондратьевъ Божорниковъ и Назарей Сильверстьевъ Деревцовъ* (12, л. 64 об.).

Пелагия/Пелагея: *Крестьянинъ Хабаровскаго поста Иванъ Петровъ Губановъ и законная жена его Пелагія Никифорова, оба православные* (11, л. 9 об.); *Казакъ того же Баталіона и Станицы Патапей Стефановъ Субботинъ и Дочь Казака Ильи*

Щетинина, Дѣвица Пелагія (12, л. 40); *Козакъ тогоже Батал. Степановой ст. Константинъ Ивановъ Киманъ и дочь козака ст. Луговой Федора Кузнецова дѣвица Пелагея* (12, л. 16); <…> *жена Сигналиста Амурскаго Телеграфа Михаила Сизыхъ Пелагея Макарова* (12, л. 45).

Прокопий/Прокопей: *Тогожъ роду родовичи Василій и Прокопій Громовы* (1, л. 10); *Дочь унтеръ-офицера № 1 Восточно-сибирскаго Линейнаго баталіона Иліи Ермолпева Коковихина и законной жены его Евдокіи Прокопіевой, оба православнаго вѣроисповѣданія* (12, л. 3 об.); *Тогожь рода родовича Прокопея Васильевъ пр. пер. бракомъ* (12, л. 9 об.); *По женихѣ крестьяне Хабаровскаго Селенія Прокопей Короваевъ* <…> (12, л. 20).

Савел/Савелий/Савелей: *Дочь козака усурійскаго баталіона, станицы Корсаковой, Савелія Анисимова Сунгурова* <…> (12, л. 57 об.*); Козакъ тогоже баталіона и станицы Саввелій Николаевъ Елтнъ* <…> (12, л. 93); *Невѣста дочь козака Уссурійскаго баталіона Станицы Шереметьевой Савелея Лопатина дѣвица Ирина православнаго испов. первымъ бракомъ* (12, л. 15 об.); <…> *Дочь Казака Ст. Шереметьевой Савелея Лопатина, Дѣвица Ирина* (12, л. 36).

Сергий/Сергей: *Козакъ тойже Станицы Иванъ Андреевъ Казанковъ и козака Сергія Михаилова Шекшуева дочь дѣвица Ирина* (12, л. 13); *Дочь Крестьянина Селенія Хабаровки Сергія Яковлева Кровикова* <…> (12, л. 2 об.*); Россійско-Американской кампаніи Начальникъ Телеграфа ПодъПолковникъ Сергей Абаона* <…> (13, л. 7*); Безсрочно-отпускной рядовой 3го Восточно-сибирскаго Линейнаго баталіа Иванъ Сергеевъ Орловъ* <…>(11, л. 1 об.).

Феодосий/Феодосей: *Дочь поселенца селенія Хабаровки Михаила Петрова Климакова и законной жены его Евдокіи Феодосіевой, обаправославнаго испов.* (12, л. 12 об.); *Невѣста дочь умершаго козака пѣшаго Баталіона Станицы Головиной Феодосея Тихонкова дѣвица Февронея православнаго исповѣданія первымъ бракомъ* (12, л. 20 об.).

Феврония/Февронея: *Дочь козака усурійскаго П.К. Баталіона, ст. Вѣнюковой Анисима Распопова младенецъ Февронія* <…> (12, л. 72 об.); <…> *Февронея православнаго исповѣданія первымъ бракомъ* (12, л. 20 об.).

В документах метрических книг, таким образом, представлено достаточно большое количество морфологических вариантов, что, безусловно, говорит о развитии и становлении антропонимикона на территории Дальнего Востока во второй половине XIX в. Кроме того, документы метрических книг отражают поступательное движение антропонимов, т.е. приобретение именами их современного звукового состава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Московского университета. – 1969. – 334 с.

2. Никонов В. А. Русская адаптация иноязычных имен / В. А. Никонов // Ономастика. – М. : Наука, 1969. – С. 54–78.

3. Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI-XVII веков / Н. В. Комлева : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Вологда, 2004. – 221 с.

4. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его хужожественно-эстетический потенциал / В. И. Супрун. – Волгоград : Перемена, 2000. – С.7–17.

5. Мирославская А. Н. К истории развития русских личных имен / А. Н. Мирославская // Калинингр. пед. ин-т. / Учен. зап. Калининград, 1959. – Вып. 6. – С. 363–389.

6. Никольская Т. Е. Ассоциативное поле личного имени / Т. Е. Никольская // Семантика языковых единиц: докл. VI Междунар. конф. : В 2-тт – Т.1 – М., 1998. – С. 188–190.

7. Суперанская, А. В. Структура имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1969. – 207 с.

8. Филин Ф. П. Очерки по истории языкознания / Ф. П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 286 с.

9. Ганжина И. М. Развитие официальной системы именования лица периода её становления. Способы именования помещиков (по материалам Тверских писцовых книг XVII века) / И. М. Ганжина // Вопросы изучения среднерусских говоров. – Тверь: ТГУ, 1992. – С. 39–47.

10. Ганжина И.М. Реструктуризация христианских личных имен в преднациональный период / И. М. Ганжина // Вопросы ономастики, 2015. – № 1 (18). – С. 165–174.

11. Метрическая книга Хабаровской церкви Святой Марии Магдалины (г. Хабаровск) 1870, на 30 листах (И-85, фонд 44, дело 11).

12. Метрическая книга церквей Хабаровского края (Хабаровской церкви Святой Марии Магдалины, Усть-Уссурийской Петро-Иннокентиевской церкви, Средне-Уссурийской Михаило-Архангельской часовни, Верхнее-Уссурийской Илиинской часовни, Гольдской миссии) на 305 листах (И-85, фонд 44, дело 12).

13. Метрическая книга Охотской церкви за 1867 год (на 13 листах) (И-85, фонд 44, дело 1).

УДК 811.161.1

ПОДГОТОВКА КОМПЕТЕНТНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕСТНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ ХЭЙЛУНЦЗЯН[1]

Лин Чэнь
Старший преподаватель,
Институт международного образования хэйхэского университета,
город Хэйхэ, Китай
E-mail: li0451-0451@yandex.ru

Статья посвящена вопросам подготовки квалифицированных переводчиков русского языка в университетах зоны свободной торговли Хэйлунцзян в контексте активно развивающегося сотрудничества между Китаем и Россией. Целью исследования является анализ методов и стратегий обучения переводчиков, применяемых в университетах Хэйлунцзяна, с акцентом на выявление направлений для их оптимизации и повышения конкурентоспособности выпускников на международном рынке труда. Работа основана на анализе опыта ведущих учебных заведений региона (Хэйлунцзянский университет, Харбинский политехнический университет и Даляньский университет иностранных языков). Статья предоставляет комплексный обзор состояния и перспектив развития переводческого образования в зоне свободной торговли Хэйлунцзян.

Ключевые слова: обучение переводу, русско-китайский перевод, подготовка переводчиков в КНР, Хэйлунцзянский университет, компетентный переводчик.

TRAINING COMPETENT RUSSIAN LANGUAGE TRANSLATORS IN LOCAL UNIVERSITIES IN THE HEILONGJIANG FREE TRADE ZONE

Ling Chen
Lecturer, Institute of International Education, Heihe University,
Heihe City, China
E-mail: li0451-0451@yandex.ru

The article is devoted to the issues of training qualified Russian language translators at universities in the Heilongjiang Free Trade Zone in the context of actively developing cooperation between China and Russia. The purpose of the study is to analyze the methods and strategies for training translators used in universities in Heilongjiang, with an emphasis on identifying areas for their optimization and increasing the competitiveness of graduates in the international labor market. The work is based on an analysis of the experience of leading educational institutions in the region (Heilongjiang University, Harbin Polytechnic University and Dalian Foreign Studies University). The article provides a comprehensive overview of the state and prospects for the development of translation education in the Heilongjiang Free Trade Zone.

Keywords: translation training, Russian-Chinese translation, training of translators in the PRC, Heilongjiang University, competent translator.

---

[1] Данная статья публикуется в рамках ключевого проекта (гранта) «Исследование режима подготовки студентов-переводчиков в местных университетах в контексте зоны свободной торговли Хэйлунцзян» (GJB1422657)

*****

В условиях углубления международного сотрудничества между странами, в частности в рамках инициативы «Один пояс – один путь», значимость подготовки квалифицированных переводчиков возрастает многократно [6]. Активное развитие экономических, культурных и политических связей Китая и России создает необходимость в профессионалах межъязыковой коммуникации. В этом контексте подготовка переводчиков, способных эффективно работать с русским и китайским языками, становится важной для успешного развития двустороннего сотрудничества.

Зона свободной торговли Хэйлунцзян, основанная в 2019 году, включает города Харбин, Суйфэньхэ и Хэйхэ. Зона была создана с целью стимулирования торговли, привлечения инвестиций и укрепления экономических связей между Китаем и Россией. Географическое положение провинции Хэйлунцзян делает ее стратегически важным мостом для экономических и культурных обменов между двумя странами, поэтому подготовка талантливых специалистов в области русско-китайского перевода в этом контексте имеет большое значение [4].

Целью настоящего исследования является анализ опыта подготовки компетентных переводчиков русского языка и развития их талантов в университетах зоны свободной торговли Хэйлунцзян. Работа выполнена в рамках гранта «Исследование режима подготовки студентов-переводчиков в местных университетах в контексте зоны свободной торговли Хэйлунцзян» (GJB1422657) и направлено на описание основных методов и стратегий обучения, а также на определение путей оптимизации подготовки переводчиков для повышения их профессионального уровня и конкурентоспособности на международном рынке.

Подготовка переводчиков в Китае обладает сравнительно недавней историей, однако уже прошла через значительные этапы развития. Исторически перевод занимал важное место в китайской культуре, особенно в периоды активных культурных и экономических обменов с другими странами. Тем не менее, организованное и официальное обучение переводчиков начало развиваться лишь в последние десятилетия.

В 2005 году Министерство образования КНР официально утвердило программы бакалавриата по переводу (BTI), а в 2007 году были введены программы магистратуры (MTI) для подготовки профессиональных переводчиков [3].

Программы были разработаны с целью профессионализации и стандартизации обучения переводу для удовлетворения растущих потребностей Китая в высококвалифицированных специалистах в области межъязыковой коммуникации. Программы BTI и MTI в Китае направлены на подготовку высококвалифицированных переводчиков с глубоким знанием иностранных языков и специализацией в различных областях, таких как компьютерная информатика, медицина, СМИ, юриспруденция и бизнес [13].

С момента своего основания программы BTI и MTI быстро развиваются, и на сегодняшний день в Китае существует более 259 университетов и институтов, предлагающих эти программы [14].

Анализ научной литературы свидетельствует о значительном интересе китайских и русских исследователей к проблемам подготовки переводчиков, анализу образовательных программ и методам обучения в данной области.

Лю В. в своей работе «Обучение переводу в Китае на современном этапе» анализирует развитие программ подготовки переводчиков в Китае и подчеркивает важность государственного стандарта и централизованного планирования в этом процессе. Автор отмечает, что программы MTI и BTI характеризуются не только бурным развитием, но и централизованным подходом к обучению, что обеспечивает высокий уровень подготовки специалистов [3].

Гарбовский Н. К. в своей книге «О переводе» уделяет внимание методикам, используемым в обучении переводу, и подчеркивает важность применения комплексного подхода, включающего как теоретические, так и практические

аспекты. Он отмечает, что успешная подготовка переводчиков требует систематического подхода и взаимодействия между учебными заведениями и профессиональными сообществами [1].

Ц. Сунь акцентирует внимание на важности синхронного перевода и его специфике [8]. Ч. Вэйхэй и Ж. Чэн подчеркивают, что подготовка синхронных переводчиков требует особых методик и условий обучения, включая специализированные лаборатории и постоянную практику [10].

Кроме того, исследования показывают, что для успешной подготовки переводчиков важно не только обучение теоретическим аспектам перевода, но и практика в реальных условиях. Например, стажировки в международных организациях и участие в реальных переводческих проектах помогают студентам применить полученные знания на практике и приобрести необходимый опыт [3].

Таким образом, подготовка переводчиков в Китае развивается быстрыми темпами благодаря государственным инициативам и активному взаимодействию с международными партнерами. Исследования китайских и русских ученых указывают на важность комплексного подхода к обучению переводу.

Зона свободной торговли Хэйлунцзян является важным образовательным и культурным центром, активно готовящим специалистов в области перевода с русского языка. Университеты, расположенные в этой зоне, выделяются специализированными программами и сотрудничеством с российскими вузами.

Образовательные программы в области переводческого образования в Хэйлунцзяне ставят перед собой ясные цели: подготовка высококвалифицированных специалистов, обладающих не только глубокими знаниями в сфере перевода, но и развитыми моральными, деловыми и межкультурными компетенциями. Выпускники должны свободно владеть целевым языком, обладать развитым логическим мышлением, широким кругозором в области международных отношений и профессиональной этикой. Особое внимание уделяется пониманию культурного контекста перевода [15].

Хэйлунцзянский университет является одним из наиболее престижных учебных заведений в регионе и предлагает программы подготовки переводчиков с русского языка. Университет активно сотрудничает с такими ведущими российскими университетами, как Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургский государственный университет. Основное внимание уделяется практическим навыкам перевода, межкультурной коммуникации и изучению культурного контекста.

Харбинский политехнический университет также играет значительную роль в подготовке специалистов по переводу с русского языка. В университете действуют разнообразные программы, включающие курсы по техническому и научному переводу, что отражает его инженерную направленность.

Даляньский университет иностранных языков, имея филиал в Харбине, предоставляет качественное обучение в области перевода с русского языка. Программы включают как теоретические аспекты перевода, так и практическую подготовку, уделяя особое внимание развитию языковых компетенций и интеграции в культурный контекст.

Основными направлениями в подготовке переводчиков являются развитие практических навыков перевода, культурная адаптация, межкультурная коммуникация и сотрудничество с ведущими российскими вузами.

В университетах Хэйлунцзян долгое время применялись грамматико-переводные методы обучения, фокусирующиеся на изучении грамматики и синтаксиса целевого языка через перевод текстов [9]. Однако данный подход ограничен в своей эффективности из-за игнорирования культурных и контекстуальных различий между языками, что может привести к ошибкам и недопониманию при переводе.

В настоящее время в университетах наблюдается переход к современным методикам, таким как коммуникативный метод и метод полного погружения. Эти

подходы нацелены на развитие навыков межкультурной коммуникации и понимание культурного контекста переводимых текстов [11].

Интерактивные методы, такие как ролевые игры, симуляции и работа в малых группах, также находят широкое применение в университетах Хэйлунцзян. Эти методы способствуют развитию критического мышления, умения работать в команде и навыков межкультурной коммуникации. Примером может служить «Мастерская перевода», где студенты работают над реальными переводческими проектами [7].

Участие преподавателей в конференциях, публикация научных статей и сотрудничество с коллегами из других университетов способствует профессиональному росту преподавателей и улучшению качества обучения студентов [5].

Несмотря на значительные достижения, обучение переводу в университетах Хэйлунцзян сталкивается с рядом проблем.

Базовый уровень знаний студентов, поступающих на специальность «Русский перевод», часто оказывается недостаточным для эффективного усвоения учебного материала. Это связано с тем, что в начальных и средних школах преимущественно преподают английский язык, что приводит к тому, что студенты приходят в университеты с минимальными знаниями русского языка. Как следствие, они испытывают трудности при изучении сложных грамматических конструкций и терминологии, что негативно сказывается на их успеваемости и качестве перевода [11]. Кроме того, многие студенты не имеют достаточного уровня владения китайским языком для выполнения сложных переводческих задач [9].

В рамках программ бакалавриата студенты часто сталкиваются с недостатком времени для углубленного изучения как теоретических, так и практических аспектов перевода. Это ограничение приводит к необходимости выбирать между детальным изучением языка и развитием практических переводческих навыков, что негативно сказывается на общей компетенции выпускников [9].

Обозначим главные шаги на пути к оптимизации подготовки переводчиков для повышения их профессионального уровня и конкурентоспособности на международном рынке.

Важным направлением развития переводческого образования в Хэйлунцзяне является активное взаимодействие между университетами с разным уровнем подготовки. Университеты, обладающие более развитой инфраструктурой и богатым опытом в подготовке переводчиков, могут выступать в роли наставников для менее опытных образовательных учреждений. Такое сотрудничество может предусматривать организацию краткосрочных стажировок и обменных программ для преподавателей и студентов. Например, Хэйлунцзянский университет мог бы реализовать совместные курсы и практические семинары с другими вузами региона, предоставляя возможность студентам и педагогам изучить новейшие методики и техники перевода.

Популяризации русского языка и мотивации студентов к его углубленному изучению может способствовать введение специализированных курсов по русской культуре и литературе. Важно также развивать программы двойных дипломов и стажировок в российских университетах, что повысит интерес студентов к изучению русского языка и культуры. Организация культурных мероприятий, таких как дни русского языка, фестивали русской культуры, кинофестивали и выставки, помогут популяризировать русский язык и культуру среди студентов и широкой общественности. Взаимодействие с российскими культурными центрами и организациями может стать важным элементом в этом процессе.

Следующим шагом в оптимизации подготовки переводчиков является развитие реальных и виртуальных платформ для обмена опытом и ресурсами. Реальные платформы – это лаборатории синхронного перевода, учебные центры и конференц-залы, оборудованные для проведения тренировочных сессий и симуляций реальных условий перевода. Виртуальные платформы играют не менее важную роль в современном образовательном процессе [2]. Создание и развитие

онлайн-курсов, вебинаров и видеоконференций позволит обеспечить непрерывное обучение и взаимодействие между университетами, независимо от их географического расположения. Например, можно создать общую базу данных с лекциями, учебными материалами и записями мастер-классов, к которой студенты и преподаватели всех университетов Хэйлунцзяна будут иметь доступ.

Современные переводческие инструменты, такие как CAT-системы (Computer-Assisted Translation) и электронные словари, играют незаменимую роль в обучении будущих квалифицированных переводчиков. Эти инструменты не только облегчают процесс перевода, но и позволяют студентам овладеть навыками работы с профессиональным программным обеспечением, что является важным требованием на современном рынке труда [12]. Использование таких инструментов в учебном процессе поможет студентам развивать навыки эффективного поиска информации, автоматизированного перевода и редакторской работы.

Интеграция информационных технологий в образовательный процесс также позволит существенно расширить доступ студентов к учебным материалам и улучшить качество обучения. Платформы MOOC (Massive Open Online Courses) или iCourse предоставляют доступ к курсам ведущих университетов мира, что позволяет студентам изучать передовые методики и подходы к переводу. Платформы для видеоконференций, такие как ZOOM, Tencent Meeting, DingTalk позволяют проводить онлайн-лекции и семинары, что особенно актуально в условиях ограниченного времени на аудиторные занятия.

Преподаватели должны быть готовы к применению современных методик и технологий в учебном процессе. Для этого необходимо проводить регулярные тренинги и курсы повышения квалификации, на которых преподаватели смогут ознакомиться с новейшими подходами к обучению переводу, узнать о последних разработках в области переводческой теории и практики, а также адаптировать свои методы преподавания в соответствии с современными требованиями.

Необходимо активное участие работодателей в образовательном процессе, создание условий для прохождения студентами практики и стажировок. Приглашение экспертов с предприятий для проведения лекций и мастер-классов позволит студентам получить представление о текущих требованиях рынка труда, узнать о практических аспектах работы переводчика и задать вопросы профессионалам. Такое взаимодействие поможет студентам лучше подготовиться к будущей профессиональной деятельности и установить контакты, которые могут быть полезны в дальнейшем.

Исследование показало, что университеты зоны свободной торговли Хэйлунцзян, в частности Хэйлунцзянский университет, Харбинский политехнический университет и Даляньский университет иностранных языков, активно участвуют в подготовке переводчиков. Университеты предлагают программы, акцентирующие внимание на практических навыках перевода, межкультурной коммуникации и изучении культурного контекста. Особое внимание уделяется сотрудничеству с ведущими российскими вузами, что позволяет студентам получить ценную практическую подготовку.

Несмотря на успехи, система подготовки переводчиков сталкивается с рядом проблем, таких как недостаточный уровень базовых знаний русского языка студентов при поступлении и ограниченное время для углубленного изучения всех аспектов перевода. Для решения этих проблем важно развивать взаимодействие между университетами с различным уровнем подготовки, внедрять специализированные курсы по русской культуре и литературе, а также использовать современные переводческие инструменты и информационные технологии.

Оптимизация подготовки переводчиков в Хэйлунцзяне требует активного внедрения современных методик и интеграции информационных технологий в образовательный процесс, что позволит расширить доступ студентов к учебным материалам и улучшить качество обучения.

Таким образом, успех подготовки талантливых и компетентных переводчиков в зоне свободной торговли Хэйлунцзян во многом зависит от комплексного подхода,

включающего теоретическое и практическое обучение, сотрудничество с международными партнерами и использование современных технологий, что будет содействовать подготовке высококвалифицированных специалистов, способных эффективно работать на международном рынке и способствовать дальнейшему развитию сотрудничества между Китаем и Россией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарбовский Н. К. О переводе / Н. К. Гарбовский. – Москва: Форум, 2016. – 752 с.
2. Гимадеева Э. Н. Возможности технологии WebQuest в обучении иностранным языкам / Э. Н. Гимадеева, Э. Н. Гилязева // Современное профессиональное образование: опыт, проблемы, перспективы: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Ростов-на-Дону, 22 марта 2021 года. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), «Издательство ВВМ», 2021. – С. 182-185.
3. Лю В. Обучение переводу в Китае на современном этапе / В. Лю // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2022. – № 4(222). – С. 155-167.
4. Лю С. Хэйлунцзянская пилотная зона свободной торговли в Китае / С. Лю // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 1(114). – С. 575-578.
5. Лю Цзея. Развитие международного научно-образовательного сотрудничества Китая и России в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Молодой ученый. 2017. № 47. С. 65-69.
6. Симонова А. И. «Один пояс – один путь» как глобальный китайский экономический проект / А. И. Симонова // Восточная аналитика. – 2017. – № 3. – С. 52-53.
7. Синь На. «Мастерская перевода» для обучения переводчиков в рамках магистратуры по письменному и устному переводу в Хэйлунцзянском унивреситете / Синь На // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 2. – С. 27-31.
8. Сунь Ц. Особенности синхронного перевода / Ц. Сунь // Начала Русского мира. – 2024. – № 1. – С. 97-102.
9. Сунь Ц. Подготовка русско-китайских переводчиков в КНР: актуальные тенденции / Ц. Сунь // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 6. – С. 154-158.
10. Ч. Вэйхэй, Жан Чэн. Синхронный перевод. – Пекин: Обучение и исследования иностранных языков, 2015. – 349 с.
11. Чжан Яо, Ли Сюэвэй. Проблемы и решения в подготовке русскоязычных переводчиков в Хэйлунцзяне // Педагогический журнал. – 2023. Т. 13. № 4А. – С. 781-786.
12. Kovalevskaia N. Impact of digital services of hybrid cloud-based learning environment on efficiency of education / N. Kovalevskaia, E. N. Gilyazeva, O. Lobazova [et al.] // Revista Tempos e Espaços em Educação. – 2021. – Vol. 14, No. 33. – P. 15297.
13. 中华人民共和国教育部. Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A22/moe_833/200703/t20070330_82704.html
14. 全国翻译专业学位研究生教育指导委员会. Официальный сайт Китайского государственного комитета по обучению письменному и устному переводу. URL: http://cnti.gdufs.edu.cn/info/1017/1955.html
15. 教育部高等学校翻译专业教学协作组著. 高等学校翻译专业本科教学大纲（试行版）. 高等教育出版社, 2012 [Программа обучения по специальности «Перевод в колледжах и университетах» Министерства образования. (Пробная версия Higher Education Press). Пекин: Изд-во «Высшее образование», 2012].

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811

ДИСФЕМИЗМ КАК ПРИЕМ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ)

Вишнягова Евгения Павловна
Аспирант, Сургутский государственный университет
г. Сургут, Россия
SPIN-код 7499-9301
E-mail: vishnyagova_ep@surgu.ru

Король Елена Витальевна
Доцент кафедры лингвистики и переводоведения,
кандидат филологических наук, доцент
Сургутский государственный университет
SPIN-код 4290-0516

В настоящей статье рассматривается функционирование дисфемизма как приема речевого манипулирования в текстах англоязычной социальной рекламы. В статье анализируются конкретные примеры англоязычных рекламных текстов, демонстрирующие использование дисфемизма для воздействия на аудиторию и формирования определенного отношения к объекту рекламы. С помощью семантического и компонентного анализа авторы показывают, что дисфемизм является одним из основных средств стратегий манипулирования сознанием адресата, а также, что стилистический эффект исследуемого тропа может проявляться не только на семантическом, но и контекстуальном уровне в тесной связи с видеоконтентом.

Ключевые слова: рекламный дискурс, социальная реклама, вербальный и визуальный контент, эвфемизм, дисфемизм

DYSPHEMISM AS A TECHNIQUE OF SPEECH MANIPULATION IN THE TEXTS OF ENGLISH-LANGUAGE SOCIAL ADVERTISING

Vishnyagova Evgeniya Pavlovna
Postgraduate student, Surgut State University, Surgut, Russia
SPIN code: 7499-9301
E-mail: vishnyagova_ep@surgu.ru

Korol Elena Vitalievna
Associate Professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Surgut State University
SPIN code: 4290-0516

The article examines functioning of dysphemism as a technique of speech manipulation in the texts of English-language social advertising. The article analyzes specific examples of English advertising texts demonstrating the use of dysphemism to influence the audience and form a certain attitude towards the object of advertising. Using semantic and component analysis, the authors show that dysphemism makes one of the main means of strategies for manipulating the addressee's consciousness, and also that the stylistic effect of the trope under study can appear not only through verbal semantics, but also at the contextual and extra linguistic levels closely intertwined with video content.

Keywords: advertising discourse, social advertising, verbal and visual content, euphemism, dysphemism

*****

Реклама, как социальное явление, играет огромную роль в современном обществе, влияя на формирование предпочтений потребителей, корректируя их поведение, привлекая внимание к рекламируемым продуктам и услугам. Такие особенности рекламы вызывают интерес к ее изучению у исследователей из разных областей науки. Реклама рассматривается с точки зрения философии, психологии, лингвистики, экономики, культурологии и других направлений.

В словаре С. И. Ожегова рекламе дается следующее определение – «оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей, а также объявление с таким оповещением» [словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова]. Согласно Федерального закона «О рекламе», реклама – это «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.» [Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 23.04.2024) "О рекламе" Статья 3].

С точки зрения лингвистики важно рассмотреть понятие «рекламного дискурса». Е. Л. Доценко определяет рекламный дискурс как «завершенное сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку (привлечение внимания к предмету рекламы), сочетающее дистинктивные признаки устной речи и письменного текста с комплексом семиотических (пара- и экстралингвистических) средств» [Доценко, 1997, с. 115].

В свою очередь А. В. Олянич рассматривает рекламный дискурс как «составляющую социального взаимодействия, охватывающую многие сферы жизни современного социума и, таким образом, связанную с разнообразными видами человеческой деятельности». Согласно А. В. Олянич рекламному дискурсу свойственны следующие цели:

1. информационная;
2. воздействующая;
3. социальная;
4. экономическая [Олянич 2011, с. 11-12].

Исходя из представленных определений и целей рекламного дискурса стоит отметить, что язык рекламы – это всегда словесные средства, с помощью которых передается содержание рекламного текста и подкрепляется визуальный образ (при наличии видеоряда). При этом эффективный рекламный текст должен соответствовать ряду определённых требований, к которым относятся: лаконичность, оригинальность, образность. Авторы рекламы также должны учитывать потребности психики потребителя, специфику речи аудитории, обращать внимание на психологию восприятия рекламы в разных рекламных средствах. Таким образом,

рекламный текст должен быть минимальным по объему, но при этом содержать максимум смысла/информации.

Эффективность рекламного дискурса зависит от удачного сочетания всех составляющих его компонентов. В рекламный дискурс входят провокационное изображение, зачастую образное, содержащее визуальную метафору, понятную широкому кругу адресантов; образа, формируемого при сочетании текста и изображения, особая верстка рекламного текста; и непосредственно вербальной канвы, состоящей из всех применяемых лексических\стилистических приемов. Вместе с тем, исследователи отмечают первостепенную важность именно вербального компонента рекламы – словесного текста. [Куликова, 2008]

Для достижения высокой эффективности рекламного дискурса, авторы рекламных текстов прибегают к применению ряда языковых манипуляций. Т. Г. Добросклонская делит языковые средства манипулирования на лексические, синтаксические, грамматические и стилистические [Добросклонская, 2005]. В свою очередь Х. С. Шагбанова утверждает, что «Языковые средства манипуляции лексикой можно по праву назвать самыми популярными и широко используемыми среди остальных инструментов речевого воздействия. Выбор слова является субъективно-оценочным актом, поскольку через лексическое значение становятся доступны сведения об объекте сообщения и о коммуникантах.» [Шагбанова, 2020] При этом ряд языковых манипуляций достаточно широкий. К ним относят: «номинализацию, эвфемизмы, дисфемизмы, метонимию, метафору, конверсивы, «слова-амебы», неологизмы, прецедентные феномены, перифразы и уточнения, дейктики, использование слов с оценочной коннотацией, софистицизмы, варваризмы» [Виноградова, 2010]. При этом необходимо обратить внимание на кардинальные целевые отличия текстов коммерческой и социальной рекламы, что в конечном счете будет отражено и в функционировании всех перечисленных стилистических средств создания рекламных текстов.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть функционирование эвфемизмов и дисфемизмов в процессе языковой манипуляции в рекламном дискурсе на материале текстов социальной рекламы.

«Эвфемия – это косвенная коммуникативная стратегия мелиоративной направленности, которая предполагает использование как лингвистических, так и экстралингвистических средств (эвфемизмов) с целью не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта (то есть с целью табуирования, вежливости, эстетизации, смягчения, вуалирования, искажения информации)» [Якушкина, 2009, с. 8]. Главная цель использования эвфемизмов – это замещение слов, которые могут быть восприняты как грубые или неуместные [Арапова,1990, с. 4].

Для коммерческой рекламы характерно создание положительного впечатления о рекламируемом товаре или услуге. «Коммерческая реклама – публичное предоставление сведений о товаре или услугах с помощью художественных, технических и психологических приемов с целью пробуждения спроса и осуществления продажи. В зависимости от целей различают следующие виды К.р.: первоначальная, конкурентная, охранная. [Большой экономический словарь, 1997]. Это связанно с главной целью коммерческой рекламы – успешно продать товар/услугу потребителю с целью получения выгоды. Таким образом, в текстах торговой рекламы эвфемизмы используются для составления благоприятного образа описываемого товара или услуги, даже если это не вполне соответствует действительности.

Однако, социальная реклама ставит перед собой совершенно другие цели. Г. Г. Николайшвили определяет их следующим образом: «Социальная реклама – вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и к его нравственным ценностям» [Николайшвили, 2008]. Также
М. И. Пискунова представляет социальную рекламу, как «информацию, представляющую интересы общества или государства, которая направлена на достижение благотворительных целей, при этом оформлена таким образом, чтобы

оказать направленное воздействие на массовое, корпоративное и индивидуальное сознание, и преследующая цель вызвать запланированную реакцию целевой аудитории» [Пискунова 2004, с. 189]. Таким образом, главной целью социальной рекламы можно назвать освещение проблем общества. Исходя из этого, можно сказать, что использование дисфемизмов в текстах социальной рекламы представляется более эффективным методом, чем использование эвфемизмов. Социальная реклама стремится показать существующие в социуме проблемы и подвести реципиента к их решению. Эти проблемы могут относиться к разным сферам жизни общества, например, экологические катастрофы, семейное насилие, пагубные привычки и другие. Соответственно, гораздо эффективнее представлять факты о существующих проблемах правдиво или даже усилить их в негативную сторону, что в языковом выражении соответствует функции дисфемизма.

В словарях Т. В. Матвеевой дисфемизм характеризуется как «резкая форма выражения эмоциональной оценки, замена стилистически нейтрального слова или выражения сниженным, грубым» [Матвеева, 2010 с.64]. Представим еще одно определение: «дисфемизм – это троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым» [Иванов, 2003, с.137]

Дисфемизмы эффективно используются в социальной рекламе, так как акцентируют внимание на проблеме, используя вербальные единицы с отрицательной и даже резко негативной коннотацией, проявляющейся как в семантической структуре единицы, так и в контекстуальном окружении. Такой троп вызывает сильные эмоции и заставляет реципиента задуматься над проблемой. Также использование более резких и агрессивных вербальных формулировок помогает подчеркнуть серьезность и важность освещаемой ситуации. Не стоит забывать и тот факт, что шок – это достаточно сильная эмоция, оставляющая в сознании реципиента яркое впечатление/образ, который стимулирует мысленную образную реакцию реципиента, что, возможно, приведет его к осознанию проблемы и желанию поучаствовать в ее решении.

Рассмотрим несколько примеров использования дисфемизмов в текстах социальной рекламы. Анализ выполнялся на основе англоязычных текстов и изображений баннерной социальной рекламы, поднимающей экологические проблемы.

Источник: www.behance.net

Рисунок 1 – Примеры использования дисфемизмов в текстах социальной рекламы.

Представленная реклама (Рисунок 1) актуализирует проблему загрязнения воздуха как в языковом, так и в визуальном. В тексте рекламы автор прибегает к использованию коллокации "*silent killer*" внутри предложения "air pollution – the silent killer". Представленная коллокация является метафорой и используется в функции дисфемизма, создавая ментальный образ по средствам языкового и визуального контента, акцентируя внимание на проблеме загрязнения воздуха. Отрицательная коннотация лексемы "*killer*" заключена в самой структуре языковой единицы, которая выделяется и повторяется в толковании единицы в аутентичном словаре: "*someone who kills, or a disease, substance, or animal that kills*" [Cambridge Dictionary]. Автор

стремится создать в сознании реципиента концептуальную связь: загрязнение воздуха является смертельно опасным. При этом в сочетании с лексемой "*killer*" (*«убийца»*) используется эпитет "*silent*" (*«безмолвный»*), который подчеркивает, что серьезное/смертельное влияние на здоровье реципиента происходит незаметно, без очевидных сигналов. Рассмотренная коллокация ассоциируется у реципиента с серьезными проблемами: проблемы здоровья, чувство неизвестности и неожиданности, что порождает реакцию тревоги на языковой стимул.

Образ, созданный текстом рекламы, подкрепляется видеорядом. На баннере изображены легкие, где левое представлено зеленым лесом (что ассоциируется со здоровой окружающей средой), а правое представлено промышленным районом (что является основной причиной загрязнения воздуха). Так изображение серого задымленного легкого отражает образ серьезных заболеваний, таких как пневмония или онкологическое заболевание. Это подкрепляет ассоциацию "*air pollution – the silent killer*", таким образом, становится очевидными когнитивно-семантические связи вербального контекста и видеоряда. Эта связь отражена и в цветообозначении текста, через ассоциации: зеленый – жизнь, серый – смерть.

Следующая реклама, включающая видео и вербальный контенты, направлена на запрет курения в местах общественного питания.

Источник: ru.adforum.com

Рисунок 2 – Реклама, включающая видео и вербальный контенты, направлена на запрет курения в местах общественного питания

В тексте анализируемой рекламы (Рисунок 2) автор прибегает к глаголу "*stink*", который обладает отрицательной семантикой. Электронный толковый словарь MerriamWebster дает следующее определение этому глаголу: " *to emit a strong offensive odor*" и "*to be extremely bad or unpleasant*" [MerriamWebster]. В семантической структуре рассматриваемого глагола "*stink*" присутствуют языковые репрезентации, которые имеют резко негативную коннотацию, он буквально означает «*вонять*» или «*быть отвратительным*».

Глагол "*stink*" выступает в качестве дисфемизма в предложении "*Your food stinks*", при чем негативное значение глагола усиливается именно контекстуальным окружением: воняет *ваша* еда. Как известно, потребность в еде является базовой физиологической потребностью. Для человека пища является жизненно важным ресурсом, поэтому важно, чтобы пища была хорошего качества (имела приятный внешний вид, вкус, запах). Oxford Collocation Dictionary предлагает сочетать следующие глаголы с лексемой "*food*" в структуре noun+verb: "*taste*", "*to be in short supply*", "*to run out*". Из этого следует, что про вкус еды принято говорить "*food tastes…*" (*«еда на вкус…»*) [OXFORD Collocation Dictionary]. Стоит отметить и то, что в анализируемой рекламе уже сформированный вербальный образ эффективно закрепляется в сознании реципиента в сочетании с видео рядом. На рекламном постере изображен гамбургер, который составлен из окурков, образ которых ассоциируется с очень неприятным запахом застарелых остатков сигарет, который может окружать не только курильщика, но и переходить на тех, кто рядом. Так когнитивно-семантическая связь вербального и невербального элемента рекламы

показывает реципиенту, что в ресторанах, где разрешено курение, для остальных гостей, которые невольно становятся пассивными курильщиками (“*secondhand smoke*”), еда становится непривлекательной и даже отвратительной.

В представленной рекламе автор усиливает уже созданный негативный образ, используя глагол “*ruin*” вместо коннотативно нейтрального глагола “*spoil*” в предложении “*Secondhand smoke is* ***ruining*** *the experience for some of your guests*.” Рассматриваемый глагол можно отнести к дисфемизмам, исходя из его толкования: “*ruin*” – “*to damage irreparably*” («нанести непоправимый ущерб»), “*to subject to frustration, failure, or disaster*” («подвергаться разочарованию, неудаче или катастрофе») [MerriamWebster]. Так с помощью лексического значения приведенного глагола рекламный текст создает ассоциацию: разрешенное курение в зале ресторана приводит к полному разочарованию в этом общественном месте.

Исходя из темы, можно предположить, что главными адресатами данной социальной рекламы выступают владельцы мест общественного питания. Поэтому автор рекламы прибегает к дополнительному вербальному стимулу, говоря «*That’s costing you money*». Так автор рекламы выстраивает ассоциативную цепочку: курение в *вашем* ресторане приводит к испорченному впечатлению о *вашем* заведении, а значит *вы* теряете клиентов и доход. Таким образом, реклама призвана убедить владельцев заведений общественного питания в негативном воздействии курения на их бизнес и стимулировать действия по созданию безопасной и приятной атмосферы для всех посетителей.

В тексте анализируемой рекламы отрицательно окрашенные глаголы, выполняя функцию дисфемизмов, создают негативный образ курения в заведениях общественного питания. С помощью вербальных образов, закрепленных визуально, реклама показывает, что курение может существенно повлиять на восприятие еды и общей атмосферы места.

Рассмотрим следующую рекламу, направленную на защиту водоемов от загрязнения.

Источник: superegoworld.com

Рисунок 3 – Реклама, направленная на защиту водоемов от загрязнения

В тексте представленной рекламы автор использует прилагательное “*fatal*”, которое выполняет функцию дисфемизма в предложении “*Your waste fatal*”. Cambridge Dictionary определяет прилагательное “*fatal*”, как “*A fatal accident or illness causes death*” («*смертельный, роковой*») и “*Fatal actions have very bad effects*” («*роковой, губительный*») [Cambridge Dictionary]. Само значение лексемы “fatal” указывает на непоправимые последствия загрязнения водоемов. Это вызывает ассоциации со смертью, опасностью и крайне негативными последствиями, что создает сильное негативное впечатление у реципиента, которого призывают осознать крайнюю важность освещаемой проблемы. В настоящем контексте

прилагательное “fatal” является дисфемизмом, вызывающим глубоко отрицательные эмоции, что может усилить влияние на аудиторию и привести к более глубокому пониманию срочности решения серьезной проблемы.

Чтобы усилить эффект вербального элемента рекламы, автор также прибегает к особому структурному оформлению текста. В анализируемом предложении “*Your waste fatal*” представлен стилистический прием эллипсис, а именно, здесь опущен глагол “*to be*”; что приводит к сокращению синтаксической структуры, аналогично текстовым заголовкам. А. О. Юсупова утверждает, что «для привлечения внимания читателя к основной мысли сообщения в заголовках, как правило, опускается глагол to be. Этот приём позволяет сделать заголовок более информативным.» [Юсупова, 2016] Таким образом, структурное оформление текста рекламы играют важную роль в создании эффективного воздействия на реципиента за счет усиления негативной реакции дисфемизма. Опущение глагола-сказуемого выдвигает на первый план освящаемую проблему, что создает более лаконичный и информативный текст рекламы. В целом, такие приемы помогают усилить воздействие вербального элемента в рекламе, делая ее более шокирующей и запоминающейся для аудитории.

Исходя из приведенных примеров, можно сказать, что эффективной формой воздействия на реципиента является та, которая резко активизирует внимание и создает сильный эмоциональный отклик. С использованием дисфемизмов социальной рекламе эффективно удается вызывать сильные эмоции и чувства у реципиента, тем самым привлекать внимание к важным общественным проблемам.

Манипулятивная стратегия в приведенных образцах социальной рекламы направлена на усиление восприятия серьезности и важности сообщения, делая его более запоминающимся и эффективным. Применение дисфемизмов в таких случаях играет особую роль, вызывая резко негативный отклик на языковые единицы с отрицательной коннотацией, создавая основу для сильного эмоционального воздействия на аудиторию, акцентируя внимание на проблеме или ситуации, которую реклама ставит в центр внимания. Поэтому, использование дисфемизмов в социальной рекламе является важным стилистическим приемом, который способствует усилению воздействия рекламного текста. Подобная языковая манипуляция в сочетании с провокационным видео рядом усиливает эффект воздействия рекламного контента, что способствует успешной реализации цели создания социальной рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой экономический словарь. – М.: Институт новой экономики. А.Н. Азрилиян. 1997
2. Виноградова С.А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. No 2. – С. 95–101.
3. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). Изд. 2–е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
4. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко // М.: Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
5. Иванов Л.Ю., Сковородников А.П., Ширяев Е.Н. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с: 137
6. Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестник Нижегородского ун-та им.Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. Искусствоведение, 2008. – № 4. – С. 197 – 205.
7. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.: 64

8. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: теория и практика / Г. Г. Николайшвили. – Москва: Аспект Пресс, 2008 – 191 с: ил. + цв. вклейка. – Текст: непосредственный

9. Олянич А. В. Рекламный дискурс и его конститутивные признаки [Текст] / А. В. Олянич // Рекламный дискурс и рекламный текст. – М.: Флинта, 2011. – С. 10-37.

10. Пискунова М. И. Социальная реклама как феномен общественной рефлексии / М. И. Пискунова // Паблик рилейшнз и реклама в системе коммуникаций. – М., 2004. – С. 171-194.

11. Шагбанова Х.С. Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. No 5А. С. 72-80.

12. Юсупова, А. О. Эллипсис в заголовках англоязычных СМИ и особенности его перевода на русский язык / А. О. Юсупова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8-2(62). – С. 183-185.

13. Якушкина К.В. Лексико-грамматические средства эвфемии в языке газет Испании: Автореферат дис. канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 2009. 25 с, с. 8

14. Cambridge Dictionary / Cambridge University Press [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 13.05.2024)

15. Merriam-Webster's dictionary/ Encyclopædia Britannica, Inc. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 25.05.2024)

16. Online OXFORD Collocation Dictionary / Oxford University Press [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.freecollocation.com/search?word=give+a+hand (дата обращения: 15.05.2024)

17. FUTURE DESERVE THE GREEN [Электронный ресурс] – режим доступа: https://www.behance.net/gallery/120877485/World-Environment-Day?tracking_source=search_projects|airpollution+ads&l=3 (дата обращения 02.06.2024)

18. Your food stinks [Электронный ресурс] – режим доступа: https://ru.adforum.com/creative-work/ad/player/34482832/your-food-stinks/department-of-state-health-services (дата обращения 02.06.2024)

19. Your waste fatal [Электронный ресурс] – режим доступа: https://superegoworld.com/blogs/the-world/10-of-the-most-creative-powerful-environmental-ads

УДК 811.111

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ О ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Горбулич Ирина Степановна
Доцент кафедры иностранных языков,
кандидат исторических наук
Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия
ORCID.ORG/0000-0001-9352-8928
E-mail: igorbulich@yandex.ru

Смолина Ольга Владимировна
Заведующий кафедрой иностранных языков,
кандидат филологических наук, доцент,
Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6961-4842

В статье рассматриваются структурные и семантические особенности англоязычных фразеологизмов с соматическим компонентом, отобранные методом сплошной выборки из словарей фразеологизмов английского языка.

Особая сложность перевода соматических фразеологических единиц, представляющих собой, в основном, образованные на основе метафорического или метонимического переноса обороты речи, продолжает стимулировать интерес исследователей, тем более что соматизмы являются достаточно обширной и продуктивной группой в корпусе фразеологии. В настоящем исследовании акцент делается как на изучении структурного и компонентного состава фразеологических единиц, так и на выявлении особенностей значения, передаваемого фразеологизмом. Важной составляющей проведенного анализа является сопоставление семантики фразеологизмов с соматическим компонентом и рассмотрение особенностей английской языковой картины мира. Материалы и основные положения работы могут использоваться, в курсе лекций по лексикологии; в лексикографической практике, в практике преподавания английского языка.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, соматический компонент, антропоцентризм, языковая идентичность, английский язык, денотат, культура.

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A SOMATIC COMPONENT

Gorbulich Irina Stepanovna
Associate Professor of the Foreign Languages Department
PhD (History)
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
Saint-Petersburg, Russia
ORCID.ORG/0000-0001-9352-8928
E-mail: igorbulich@yandex.ru

Smolina Olga Vladimirovna
Head of the Foreign Languages Department
PhD (Philology), Associate Professor
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping
Saint-Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0001-6961-4842

The article examines the structural and semantic features of English phraseological units with a somatic component, selected by a continuous sampling method from dictionaries of English phraseological units.

The particular difficulty of translating somatic phraseological units, which are mainly figures of speech formed on the basis of metaphorical or metonymic transfer, continues to stimulate the interest of researchers, especially since somatisms are a fairly large and productive group in the corpus of phraseology. In this study, the emphasis is placed both on the study of the structural and component composition of phraseological units, and on identifying the features of the meaning conveyed by phraseological units. An important component of the analysis is the comparison of the semantics of phraseological units with the somatic component and consideration of the features of the English language picture of the world. The materials and main provisions of the work can be used in lexicographic practice when compiling dictionaries of phraseological units; in the course of lectures on lexicology; in the practice of teaching English.

Keywords: phraseological unit, semantics, somatic component, anthropocentrism, linguistic identity, English language, denotation, culture.

*****

Одним из важнейших аспектов лингвистических исследований является фразеология – наука, изучающая фразеологические обороты (ФО), представляющие собой высоко информативные единицы, устойчивые по составу и структуре, лексически неделимые и целостные по значению словосочетания, выполняющие функцию отдельной лексемы [1, 147]. Дословный перевод этих языковых универсалий невозможен, их воспринимают переосмыслено, что усиливает эстетическую составляющую языка. «С помощью идиом, как с помощью различных оттенков цветов, информационный аспект языка дополняется чувственно-интуитивным описанием нашего мира» [2, с. 8]. Фразеологизмы, обогащая речь, делают ее не только образней и многогранней, но и отражают историю народа, своеобразие его быта и культуры, особенности мышления и мировосприятия [3, с. 12], во многом выступая как фактор, обеспечивающий языковую идентичность народа [4, с. 109], [5, с. 42].

Наиболее частотным компонентом фразеологизмов являются соматизмы (от греч. σομα – тело), одним из компонентов которых является название части тела человека или животного. Например, one's head swells – (кто-то) много о себе мнит, слишком задается. Это одна из достаточно обширных и продуктивных групп в корпусе фразеологии, представляющая собой рефракцию мироощущения народа. В английской лингвистике для определения фразеологических единиц используется более размытый термин «set expression».

Человек образно воспринимает и встраивает в языковую систему не только окружающее пространство, но и самого себя [6, с. 412]. Антропоморфизм в составе фразеологических оборотов является одним из важнейших источников национально-специфичных фразеологизмов [7, с. 51], подчиняясь общим законам развития средств номинации в языке [8, с. 146]. Тем самым, обращение к изучению структурных и смысловых особенностей фразеологизмов с соматическим компонентом в английском языке представляет собой важную и актуальную исследовательскую задачу.

Фразеологизмы достаточно широко изучены, тем не менее, интерес к ним в научной литературе не ослабевает, поскольку язык как система многоаспектен, а комплексное исследование феномена фразеологизмов позволяет более полно и, в то же время, более детально рассмотреть его природу.

Изучение устойчивых словосочетаний в нашей стране началось еще в 20–х годах XX века (работы Е. Д. Поливанова, С. И. Абакумова, Л. А. Булаховского). Но в качестве отдельной лингвистической дисциплины фразеология стала рассматриваться только с 40–х гг. XX в. в связи с возникновением школы В. В. Виноградова, сформулировавшего основные понятия фразеологии и поставившего вопрос о её объёме и задачах [9, с. 39]. Теоретические предпосылки фразеологии были заложены в трудах А. А. Потебни, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, Й. О. Есперсена, Ш. Балли и др. И. Е. Аничков, относившийся резко критически к теории Балли – Виноградова, разрабатывал свою, оригинальную концепцию фразеологии.

С конца 50–х гг. и до настоящего времени наблюдается системный подход к проблемам фразеологии, осуществляются попытки описать структурно-семантическую организацию фразеологических единиц, разрабатываются специальные методы исследования объектов фразеологии, уделяется внимание сравнительно–типологическому изучению фразеологического состава, развитию фразеографии. На первый план выходят такие ученые как А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, В. Л. Архангельский, Н. Н. Амосова, В. П. Жуков, А. В. Кунин, М. Т. Тагиев, Н. М. Шанский, В. Г. Гак, В. Н. Телия и многие другие.

К сожалению, западными учеными не ставится вопрос о фразеологии как о лингвистической науке. В английском языке нет даже названия для данной дисциплины. Этим объясняется относительно небольшое количество работ в иностранной литературе, специально посвященных теории фразеологии. Но даже и в самых значительных работах зарубежных авторов (А. Маккея, У. Вейнрейха, Л. П. Смита) не поднимаются такие фундаментальные вопросы, как научно обоснованные критерии выделения фразеологизмов, соотношение фразеологических единиц и слов, системность фразеологии, фразеологическая вариативность, методы изучения фразеологии и т.п. [10, с. 10].

Если рассматривать фразеологические обороты как «матрицу» мышления народа в рамках определенной культуры [11, с. 710], то картина мира в лингвистических исследованиях понимается как ментальное образование, которое, на основе существующей языковой структуры, отражает принципы восприятия реальности, характерные для этой культуры [12, с. 37]. Фразеологическая картина мира характеризуется образностью и яркостью, она сформирована за счет языковых единиц, обладающих стилистической экспрессивностью и эмоциональным компонентом, на основе языка как системы и способа выражения реальности [13, с. 52].

Фразеологическая картина мира обладает общими признаками, такими как универсальность (фразеологизмы представлены во всех языках, они имеют сходные структурные и стилистические признаки, выполняют сходные функции) [14, с. 91], антропоцентризм (фразеологические обороты являются результатом человеческого мышления, поскольку, основываясь на собственном опыте, люди переосмысливают реальность, формируя фразеологическую картину мира в целом [15, с. 102], экспрессивность (существенный выразительный потенциал фразеологизмов объясняет их широкое использование в повседневной речи, литературе и публицистике [16, с. 76].

До сих пор ученые не выработали единого мнения о составе фразеологизмов, а это влечет за собой и неоднозначный подход к классификации ФЕ. Было предпринято несколько попыток создать классификацию фразеологизмов, но ни одна из них не является оптимальной.

Наиболее известными являются классификации В. В. Виноградова (по грамматико–семантическому принципу), И. В. Арнольд (по структурному принципу),

А. И. Смирницкого (по структурно–семантическому типу ФЕ) и А. В. Кунина (по функциональному типу ФЕ) [17, с. 51-52].

В качестве предмета изучения предлагается рассмотреть особенности структуры и содержания фразеологических единиц с соматическим компонентом. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

– выявить фразеологизмы с соматическим компонентом;

–распределить выбранные соматизмы в соответствии с тематическими категориями;

–проанализировать выбранные фразеологизмы в соответствии с разными видами классификаций;

–установить типы ФЕ;

–установить роль и количественное соотношение ФЕ при лексическом словообразовании.

Источниковой базой для проведения непосредственного анализа структурных и смысловых особенностей фразеологизмов английского языка с соматическим компонентом послужили англоязычные лексикографические источники – Oxford Dictionary of Idioms [18] и McGraw-Hill's Dictionary of American Idioms [19]. Было выявлено 60 примеров фразеологических оборотов с компонентами *arm, back, chest, elbow, finger, foot, hand, head, heart, knee, leg, lung, nail, neck, shoulder, stomach, throat, toe, tongue, tooth*.

При решении задач применены следующие методы исследования:

1. метод выборки соматических фразеологических единиц;
2. описательный метод;
3. семантико–стилистический метод;
4. метод эксперимента;
5. количественный метод.

Анализ семантики выявленных фразеологизмов позволил выделить следующие тематические категории, выделяемые по семному составу значений: фразеологизмы, описывающие эмоциональное состояние человека; поведение и действия человека; характер и умственные способности человека.

Фразеологизмы, описывающие эмоциональное состояние человека:

With open arms. Фразеологизм выражает чистосердечие, искреннюю радость. Фраза символизирует отсутствие оружия в руках человека и, тем самым, демонстрирует отсутствие недобрых намерений с его стороны.

Get something off one's chest. Оборот означает «излить душу», рассказать о чем-то сокровенном, символизирует высшую степень доверия.

Cross your fingers. Приведенный фразеологизм описывает надежду человека на лучшее. В целом, речь идет о позитивных эмоциях человека. Этот образ основан на бытовой традиции скрещивать пальцы в надежде на исполнение желания. Данный пример напрямую соотносится с английской лингвокультурой, с привычками поведения людей.

Have (or put) one's finger (hand) in the pie. Фразеологизм выражает заинтересованность человека в определенном вопросе. Подчеркивает жадность человека и неразборчивость в средствах, используемых для достижения желаемого.

Get your feet under the table. Семантика этого фразеологизма подразумевает спокойствие и ощущение безопасности. Образ человека, сидящего за столом положен в основу значения рассматриваемого фразеологического оборота. Этот фразеологизм обозначает отсутствие излишней эмоциональности.

Bite (or snap) someone's head off. Этот фразеологизм описывает ярость человека, его стремление ответить обидчику. Образность фразеологизма основана на компоненте «head», что говорит о желании «оторвать голову» и подразумевает стремление нанести серьезный ущерб тем или иным образом. Выражаемая эмоция – ярость, гнев.

Lose your head. Этот оборот представляет собой семантическую противоположность предыдущему, он описывает человека, который потерял контроль над собой, над своими эмоциями. Весь смысл заключен в глаголе, в то

время как переносное значение компонента «head» отражает мыслительный процесс, рациональность, разумность. Выражаемая эмоция – гнев или горе, в зависимости от контекста употребления.

Go (or drive) somebody) off one's head. Это выражение, означающее «сбить с толку, свести с ума» подразумевает негативное воздействие одного человека на психику другого человека, заставляя его вести себя глупо или неразумно.

Make head or tail of. Рассматриваемый оборот подразумевает осознание человеком ситуации, события и т.д. Образность этого фразеологизма основана на переносном значении компонентов «head» и «tail»: они представляют собой две наиболее далеко расположенные друг от друга части тела животного, то есть, человек имеет целостное представление об описываемой ситуации или феномене. Выражаемая эмоция – стремление к рационализации.

With your head in the clouds. При анализе рассматриваемого примера было установлено, что данный фразеологизм обозначает эмоции радости, расслабленности. Этот образ основан на употреблении компонента «head», обозначающего здесь умственные способности, внимание, с компонентом «clouds», который подразумевает уход от реальности, мечтания и т. д.

A heart-to-heart talk. Значение денотата *«heart»* относится к спланхнонимической лексике, служащей для номинации внутренних органов человеческого тела. Приведенный фразеологизм означает высокую степень искренности между людьми.

In one's heart of hearts' (at heart). В этом фразеологизме речь идет о самых сокровенных чувствах, о том, в чем человек порой и себе не признается.

A heart of gold. Дескрипторами этого соматизма являются благородство, доброта, мягкосердечие человека, легко сопереживающего чужой боли. *A heart of stone*. Этот фразеологизм является антонимом предыдущего. Он характеризует жестокосердного человека, неспособного к сочувствию.

Weight on one's heart. Семантика данного соматизма демонстрирует перенос физических явлений на эмоциональное состояние человека. Разумеется, ничто не давит на сердце человека, кроме тяжелых мыслей или неясных, депрессивных ощущений.

Not having a leg to stand on. Идиома означает, что человек не имеет поддержки. Его мнение или идею никто не разделяет.

Bed of nails. Данный фразеологический оборот описывает эмоционально сложную ситуацию, в которой оказался человек. Образность оборота построена на семантике компонента «nails»: он отражает твердость и жесткость, что в контексте рассматриваемого фразеологизма как раз и привносит отрицательные коннотации в значение этой лексической единицы. Этот оборот обладает высокой образностью, у него метафорическая природа и поэтому он применяется для создания ярких образов.

Butterflies in one's stomach. Рассматриваемый фразеологизм отражает переживания человека, этот образ построен на описании необычных ощущений человека, вызывающих у него беспокойство, которое происходит по разным причинам, как приятным, так и наоборот.

A lump in one's throat. Соматизм свидетельствует о грустных или горьких чувствах, переполняющих человека

On smb's toes. В данном обороте, означающем «больно задеть чьи-либо чувства», используется метонимия.

Фразеологизмы, описывающие поведение и действия человека.

Give an arm and a leg for... Данная идиома образно говорит о высокой значимости чего-то для человека, настолько, что он готов отдать за это руку и ногу, т.е. часть самого себя.

A stab in the back. Отрицательная коннотация этого выражения характеризует коварное, жестокое поведение.

At smb's elbow. Выражение означает необходимость постоянного нахождения важной вещи в зоне доступа. В аналогичном выражении на русском языке используется соматизм «рука».

Up to elbows in. В рассматриваемом фразеологическом обороте отражена идея активной работы человека над решением определенной задачи. Образность этого оборота основана на переносном значении компонента «elbow», который в сочетании с употребленными предлогами как раз и отражает вовлеченность в некий процесс.

Be rushed off one's feet. Фразеологизм применяется, когда надо указать на активные поиски кого-то или чего-то.

Not to let the grass grow under one's feet. Приведенный соматизм призывает не прокрастинировать, то есть делать необходимое, не теряя времени.

Point the finger. Фразеологизм означает разоблачение кого-то, кто совершил что-то нехорошее или постыдное.

Shoot yourself in the foot. При анализе рассматриваемого примера выявлено, что он применяется для обозначения сложной ситуации, которая была создана самим человеком. Образность, присущая данному фразеологизму, построена на переносном значении компонента «foot».

Bang (or knock) your head against a brick wall. Рассматриваемый фразеологизм описывает безрезультатное напрасное действие. Это значение выводится на основании того, что биться головой о кирпичную стену, по меньшей мере, бесполезно.

Head will roll. Негативное выражение. В настоящее время имеет переносное значение и означает, что кого-то уволят, будут кадровые перестановки.

Keep your head above water. Приведенный фразеологический оборот описывает человека, который уверенно чувствует себя в различных обстоятельствах. Этот образ соотносится с тем, как человек плавает: он держит голову над водой, то есть, он может дышать и жить. Семантика данного фразеологизма напрямую соотносится с особенностями окружающего мира.

In a heartbeat. Выражение означает очень быстрое, без всяких сомнений действие.

Bring to smb's knees. Фразеологизм описывает ситуацию, при которой один человек находится во власти другого, целью которого является насилие и унижение зависимого человека.

A leg man. Приведенный фразеологизм дает представление о занятии и социальном уровне человека.

Pull one's leg. Значение этого фразеологизма скрыто под метафоричным оборотом, означающим «обман человека».

At the top of one's lungs. Данный фразеологизм имеет аналог на русском языке и означает человека, который очень громко кричит. Однако в русском варианте используется соматизм «горло».

Break one's neck. У выражения есть прямое и переносное значение. Фразеологизм означает «свернуть себе шею».

Breathe down smb's neck. Выражение означает «осуществлять постоянный контроль». Ему созвучен русский фразеологизм «стоять над душой».

Win by a neck. Фразеологизм означает «немного опередить», выиграть.

Yoke around someone's neck. В рассматриваемом примере описывается человек, который своими действиями излишне надоедает другому человеку, причиняя ему тем самым дискомфорт и беспокойство. Стилистическая выразительность этого фразеологизма основана на переносном значении компонентов «yoke» и «neck», которые отражают особенности формируемого образа.

Put your shoulder to the wheel. Данный фразеологический оборот описывает начало активной деятельности человека. Смысл заложен в компонентах «shoulder» и «wheel». В переносном значении, они позволяют соотнести начало работы человека над какой-либо задачей с началом работы механизма.

Bare one's teeth. Соматизм «зубы» подчеркивает смысл выражения и означает «показать свое истинное лицо». Схожий смысл имеет выражение «выпустить коготки».

Фразеологизмы, описывающие характер и умственные способности человека.

Elbow one's way. Фразеологизм символизирует упорство, смелость, способность преодолевать трудности, иначе не «пробить себе дорогу».

Firm hand. Рассматриваемый фразеологический оборот применяется для обозначения жесткого руководителя, что выражено в семантике прилагательного «firm». При этом, компонент «hand» представляет собой результат метонимического переноса: с целого – человека – на часть – «hand».

Have clean hands. Метонимичный оборот, означающий неподкупного, честного человека или невиновного человека.

An iron hand in a velvet glove. Анализ этого фразеологизма также показывает метонимический перенос при употреблении компонента «hand». Яркость образа фразеологизма в целом имеет выраженную метафоричность, в том числе и за счет использования существительного «glove» в переносном значении. Этот оборот описывает человека, который, несмотря на свою внешнюю мягкость, на самом деле жесткий по характеру.

A safe pair of hands. Данный соматизм характеризует надежного человека, рядом с которым можно чувствовать себя в безопасности.

Soil one's hands. Фразеологизм соответствует русскому выражению «замарать руки» и имеет переносное значение «совершить какое-то преступление».

A deadhead. Речь идет о скучном человеке, зануде.

Head and shoulders above. Приведенный фразеологизм описывает человека, который уверен в себе и находится на шаг впереди прочих людей. Этот образ основан на восприятии человека с лидерскими качествами: он высоко держит голову, у него прямая осанка. Кроме того, это выражение может характеризовать физическую особенность человека: он на голову выше кого-то.

Not to have the heart to do something. Здесь речь идет о неспособности человека быть твердым или достаточно жестокосердным, чтобы сделать что-то. Обычно употребляется с отрицательной коннотацией.

Hard as nails. Компонент «nails» применяется для подчеркивания твердости. Поскольку структурно рассматриваемый фразеологический оборот является адъективным, признак твердости передается семантически и за счет прилагательного, и за счет существительного.

A pain in the neck. Образное выражение, описывающее характер человека – зануды.

A rubberneck. Здесь речь идет также о свойстве характера. Соматизм имеет отрицательную коннотацию, быть зевакой – не лучшее качество человека.

The cold shoulder. Семантический анализ рассматриваемого фразеологического оборота показывает, что он обозначает недружелюбного человека. Здесь компонент «shoulder» является метонимическим переносом, речь идет о человеке, и эта идея выражается как целое через его часть. Негативные коннотации данного фразеологизма выражены в прилагательном «cold».

A shoulder to cry on. Данное выражение описывает характер человека, способного сопереживать, выслушать и понять чувства другого человека.

A ready tongue. Приведенный фразеологизм характеризует дерзкий характер и острый ум человека.

A silver-tongued orator. Выражение означает, что человек обладает талантом красноречия.

Bite one's tongue. Образное выражение означает «промолчать».

A sweet tooth. Приведенный фразеологизм указывает на пристрастие человека к сладостям.

В таблице 1 представлено процентное соотношение фразеологизмов по результатам проведенного семантического анализа.

Таблица 1

Разделение англоязычных фразеологизмов с соматическим компонентом по семантическим группам

Наименование семантической группы фразеологизмов	Количество фразеологизмов	Процентное соотношение
Фразеологизмы, описывающие эмоциональное состояние человека	20	33,3%
Фразеологизмы, описывающие поведение и действия человека	22	36,7%
Фразеологизмы, описывающие характер и умственные способности человека	18	30,0%

Источник: Составлено автором

Количественный анализ показывает, что все выделенные в рамках исследования семантические группы фразеологизмов с соматическим компонентом представлены в англоязычной фразеологической картине мира. Наиболее часто соматизмы в структуре фразеологизма позволяют формировать семантику, описывающую поведение, действия человека. В свою очередь, и описание эмоций, и описание характера, а также умственных способностей человека могут быть реализованы за счет использования компонента–соматизма в структуре фразеологического оборота.

Далее рассмотрим структурные особенности английских фразеологизмов с соматическим компонентом и некоторые их закономерности. В первую очередь приведем классификацию в соответствии с распространенностью компонентов–соматизмов при формировании фразеологических единиц.

Таблица 2

Продуктивность компонентов–соматизмов при формировании фразеологизмов в английском языке

Компонент	Количество	Пример фразеологизма
arm	2	with open arms
back	1	a stab in the back.
chest	1	get something off your chest
elbow	3	give someone the elbow
finger	3	point the finger
foot	4	shoot yourself in the foot.
hand	5	have clean hands
head	10	head and shoulders above
heart	7	in a heartbeat.
knee	1	bring someone or something to their knees
leg	3	give an arm and a leg for
lung	1	at the top of one's lungs.
nail	2	hard as nails
neck	6	win by a neck
shoulder	3	shoulder to shoulder
stomach	1	not able to stomach someone or something
throat	1	a lump in one's throat.
toe	1	on smb's toes
tongue	3	a ready tongue.
tooth	2	a sweet tooth

Источник: Составлено автором

Результат анализа, представленный в Таблице 2, дает информацию о количестве фразеологических оборотов, а также примеры использования компонентов–соматизмов в их структуре. Анализ показывает, что наиболее продуктивными компонентами для формирования англоязычных фразеологизмов с соматизмами являются компоненты «head» (10 случаев), «heart» (7 случаев). Подобное распределение отражает особенности восприятия человека и частей его тела в английской лингвокультуре. Важно отметить, что они преимущественно употребляются в переносном значении, формируя либо метафорический, либо метонимический перенос, так как они используются для описания человека как такового, его действий, физического или эмоционального состояний.

Далее соотнесем отобранный материал с классическим подходом, характеризующим классификацию В. В. Виноградова, и выявим некоторые особенности англоязычных фразеологизмов с соматическим компонентом. В. В. Виноградов разделял фразеологические обороты на три категории: сращения, единства и сочетания. Результат анализа представлен в Таблице 3, в которой приведена информация о количестве фразеологических единиц в каждой из групп, а также представлены примеры фразеологизмов.

Таблица 3

Классификация фразеологизмов с соматическим компонентом (по В. В. Виноградову)

Тип фразеологизма	Количество	Пример фразеологизма
Фразеологическое сращение	5	make head or tail of
Фразеологическое единство	37	soil one's hands
Фразеологическое сочетание	18	shoulder to shoulder

Источник: Составлено автором

Из приведенной таблицы становится очевидным, что наиболее распространенной категорией фразеологических оборотов с соматизмами в английском языке являются фразеологические единства, что отражает метафорическую, образную составляющую оборотов этого типа в английском языке. Для рассматриваемых лексических единиц характерна образность, основанная на переносе значения, что находит свое подтверждение в значительном количестве фразеологических единств в рассмотренных примерах.

Теперь обратимся к классификационному подходу, сформулированному А. И. Смирницким и охарактеризуем структурные особенности фразеологизмов с соматизмами на основании их компонентного состава, по количеству знаменательных слов, «вершин», входящих в их структуру.

Результаты анализа представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Структурные особенности фразеологизмов с соматическим компонентом (по А. И. Смирницкому)

Тип фразеологизма	Количество	Пример фразеологизма
Одновершинные фразеологизмы	7	head in
Двухвершинные фразеологизмы	23	neck and neck
Трехвершинные фразеологизмы	18	head and shoulders above
Многовершинные фразеологизмы	12	bang (or knock) your head against a brick wall.

Источник: Составлено автором

Проведенный мониторинг указывает на то, что наиболее характерным количеством компонентов в структуре фразеологизмов с соматическим компонентом является наличие двух знаменательных слов. В свою очередь, количество трехвершинных фразеологических оборотов также значительно.

Выделенные структурные группы позволяют в полной мере выразить смысл и коннотации, заложенные во фразеологизме.

Наконец, в таблице 5 представлены результаты систематизации грамматических особенностей рассматриваемых англоязычных фразеологизмов с соматизмами на основе смысловой классификации, предложенной А. В. Куниным. В рамках этого подхода выделяются субстантивные, адъективные, адвербиальные, предложные, глагольные, междометные, модальные фразеологизмы. Междометные и модальные фразеологизмы нам не встретились из-за ограниченности материала, обусловленного тесными рамками статьи. Представлены как количественные показатели, так и примеры фразеологических оборотов. В данный анализ не включены пословицы и поговорки ввиду спорности вопроса об их принадлежности к ФЕ (20, 559).

Таблица 5

Классификация фразеологизмов с соматическим компонентом по грамматическим признакам (по А. В. Кунину)

Тип фразеологизма	Количество	Пример фразеологизма
Субстантивные фразеологизмы	15	shoulder to shoulder
Адъективные фразеологизмы	9	hard as nails
Адвербиальные фразеологизмы	2	with open arms
Предложные фразеологизмы	8	under the heel of
Глагольные фразеологизмы	26	rub shoulders with someone

Источник: Составлено автором

Результат исследования высветил существенное преобладание глагольных фразеологизмов над всеми прочими категориями фразеологических оборотов с соматическим компонентом. Обороты этого типа служат для выражения различных семантических категорий, описывая и характер, и действия, и эмоции людей. Подобное количественное преобладание глагольных фразеологизмов отражает особенности выражения коннотаций и ассоциаций, связанных с частями тела, в английской лингвокультуре и фразеологической картине мира.

Таким образом, фразеология как часть лингвистики изучает особенности функционирования фразеологизмов в языке. Важной характерной чертой фразеологизмов является тот факт, что им присуще значение, не вытекающее из значений компонентов, а формирующееся в процессе переосмысления всей структурной целостности [21, с. 57]. Кроме того, для фразеологизмов характерно отсутствие семантической свободы, им свойственно воспроизведение в готовом виде, устойчивость смыслового наполнения, а также выраженная экспрессивность и стилистическая образность [22, с. 41]. В рамках фразеологии рассматриваются структурные, семантические и стилистические особенности фразеологических оборотов, их роль в языке, литературе и культуре в целом. Языковая картина мира представляет собой субъективный образ объективного мира, она включает в себя черты человеческого способа познания мира, то есть антропоцентризма, которым наполнен язык. Поскольку каждый человек является проводником своей культуры, то фразеологизмы как часть фразеологической картины мира являются также и маркером национальной картины мира, которая также формируется в рамках антропоцентрической парадигмы.

Практическое исследование показало, что фразеологизмы с соматическим компонентом соотносятся с особенностями быта и повседневного поведения людей. Кроме того, рассмотренные критерии ФЕ подчеркивают, что их семантика может быть основана на ассоциациях, которые сформированы в англоязычной культуре в рамках восприятия частей тела человека. Преобладающими по количеству компонентами являются «head» и «heart», тем не менее, значительное количество разнообразных компонентов – частей тела указывает на важность этой группы лексических единиц во фразеологической картине мира в английском языке.

Анализ семантики фразеологизмов с соматическим компонентом также показал, что все эти лексические единицы могут быть разделены на три категории, обозначающие эмоции человека, его характер и способности, а также поведение и действия. По сути, фразеологические единицы, рассмотренные в ходе настоящего исследования, в подавляющем большинстве случаев используются для обозначения человека и определенных аспектов его деятельности.

Проведенное структурное исследование продемонстрировало, что фразеологические обороты с соматическим компонентом также характеризуются значительной степенью употребления метафор и метонимий, что нашло свое отражение в преобладании фразеологических единств, которым свойственна образная выразительность.

Далее, исследование позволило установить, что наиболее продуктивной структурой фразеологизмов с соматизмами в английском языке являются двухвершинные и трехвершинные обороты. Указанное количество знаменательных слов в составе фразеологизма позволяет в полной мере выразить суть, заложенную в эти обороты.

Наконец, изучение структурно–грамматических особенностей английских фразеологизмов с соматическим компонентом указывает на значительное преобладание глагольных фразеологизмов, которые встречаются во всех семантических группах и обладают высокой фразообразовательной активностью, обусловленной рядом интра– и экстралингвистических факторов, в том числе наличием идентичных первоисточников: Библии, французских фразеологизмов, литературных произведений знаменитых писателей, цитат, высказываний исторических личностей и т.д.

Английские фразеологические единицы с соматическим компонентом обладают такими типическими особенностями как фразеологические сращения, единства и сочетания, причем единства значительно преобладают.

Подводя итоги, можно сказать, что повышенная эквивалентность фразеологизмов с соматическим компонентом объясняется тем, что ядра ФЕ (наименования частей тела) входят в исконную лексику как английского, так и других европейских языков, включая русский, что сближает мироощущение носителей этих культур и, обогащая языковую картину мира, представляет собой необозримое поле деятельности для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Издательство: Школа «Языки русской культуры» (Язык. Семиотика. Культура). М.: 2006.

2. Аничков И. Е. Труды по языкознанию/ Аничков И. Е. – СПб.: Наука, 1997.

3. Курбакова С.Н. Этнокультурные особенности функционирования фразеологизмов в речи. М.: НТС, 2019. 135 с.

4. Григорьева Е.Я. Язык и коммуникации в контексте лингвокультурологии и лингвострановедения. М.: Ruscience, 2022. 209 с.

5. Mollica F. Contrastive Phraseology: Languages and Cultures in Comparison. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2020. 596 p.

6. Гарипова А.Н. Фразеологизмы с соматическим компонентом в современном английском языке // МНКО. 2022. №3 (94). С. 411-413.

7. Yuldashev M. Somatic Phraseological unit // Sciences of Europe. 2019. №45-5 (45). PP. 51-52.

8. Вендина Т. И. Фразеологизмы. М.: Высшая школа, 2006. С. 146.

9. Беляева И.В. Интерпретирующая функция фразеологизмов с компонентом-зоонимом в языковой картине мир: на материале русского, английского и французского языков: диссертация ... кандидата филологических наук. Тамбов, 2020. 239 с.

10. Gairns Ruth, Redman Stuart. Word Skills: Idioms and Phrasal Verbs (Intermediate). Oxford University Press, 2011. – 192 p.

11. Шукурова М.А. Фразеологизмы как концептуализация языковой картины мира // Academic research in educational sciences. 2022. №10. С. 707-713.

12. Хожиева З.Б. Фразеологические средства выражения национально-культурной картины мира в художественном тексте // Архивариус. 2020. №5 (50). С. 36-39.

13. Люльчева Е.М. Когнитивные основания выбора и функционирования фразеологизмов в англоязычном кинодискурсе: на материале британских детективных сериалов: диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2021. 204 с.

14. Лиджиева А.С. Семантика соматизмов в составе фразеологизмов: на материале калмыцкого языка и языка ойратов Китая: диссертация ... кандидата филологических наук. Элиста, 2021. 261 с.

15. Яхин М.А. Лексико-семантические и лингвокультурологические аспекты антропоцентрических фразеологизмов: на материале разноструктурных языков: диссертация ... кандидата филологических наук. Уфа, 2021. 489 с.

16. Еремина Е.С. Фразеологическая картина мира: ее особенности и признаки (на материале современной американской поэзии) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. №4. С. 72-81.

17. Белая Е.Н. Комплексный подход к исследованию национально-культурной специфики английских, французских и русских фразеологических единиц. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2021. 240 с.

18. John Ayto: Oxford Dictionary of Idioms. Fourth Edition, Oxford Publishing, 2020, 429p.

19. Richard A. Spears McGraw-Hill's dictionary of American Idioms and phrasal verbs. McGraw-Hill Education, 2006. 1104 p.

20. Fellbaum C. How flexible are idioms? A corpus-based study // Linguistics, Vol. 57, issue 4, 2019. PP. 53-67.

21. Александрова Е.В. Лингвокультурные основания метафоризации фразеологизмов. Казань: Бук, 2019. 70 с.

22. Judith Siefring. The Oxford Dictionary of Idioms. L., 2005.

УДК 81

КОНСТИТУТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России
кафедра европейских языков
Российская Федерация, г. Москва
E-mail: oaziablova@mail.ru

Стремительно изменяющиеся стандарты жизни мирового сообщества сопровождаются изменением культурных ценностей, межгосударственных и межличностных отношений. Под давлением развивающихся цифровых коммуникационных технологий, формируются новые культурные идентичности и глобальные вызовы, приводящие к структурным сдвигам в двух наднациональных политических системах: мировой политической системе мира и системе международных отношений. Безусловно, решение задач, декларируемых новой формацией, требует мультидисциплинарного объединяющего подхода специалистов и экспертов разных областей знания, затрагивает в том числе и лингвистов. Вопрос о дипломатическом и политическом дискурсах становится чрезвычайно актуальным.

В настоящей статье предложен анализ основных конститутивных признаков политического и дипломатического дискурсов, рассматриваемых в качестве специфических видов институциональной коммуникации.

Выявление характерных признаков специфических видов дискурса, отражающих особенности взаимодействия и целей коммуникантов – приоритетная и востребованная задача, декларирующая целесообразность применения методов исследования отдельного языкового явления одновременно с когнитивных, коммуникативных и аксиологических аспектов, позволяющих изучать языковую личность человека и его профессиональную деятельность с позиций современной интегральной парадигмы лингвистики, в основе которой лежит междисциплинарный подход, объединяющий воедино различные аспекты изучаемого явления, открывающий новые перспективы лингвистических исследований.

Ключевые слова: дипломатия успеха, конфигурации будущего миропорядка, внешняя политика, политика и дипломатия, коммуникативное событие, когнитивная лингвистика, инструментальная функция языка, дискурсивная практика, профессиональный дискурс, институциональный дискурс.

CONSTITUTIVE FEATURES OF DIPLOMATIC AND POLITICAL DISCOURSES: INTERACTION FEATURES

Zyablova Olga Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Department
of European Languages
Russian Federation, Moscow
E-mail: oaziablova@mail.ru

The rapidly changing standards of life of the world community are accompanied by changes in cultural values, interstate and interpersonal relations. Under the pressure of developing digital communication technologies, new cultural identities and global challenges are being formed, leading to structural shifts in two supranational political systems: the global political system of the world and the system of international relations. Of course, solving the tasks declared by the new formation requires a multidisciplinary unifying approach of specialists and experts from different fields of knowledge, including linguists. The issue of diplomatic and political discourses is becoming extremely relevant.

This article offers an analysis of the main constitutive features of political and diplomatic discourses, considered as specific types of institutional communication.

Identification of characteristic features of specific types of discourse reflecting the peculiarities of interaction and goals of communicants – a priority and in-demand task that declares the expediency of using research methods for a particular linguistic phenomenon simultaneously with cognitive, communicative and axiological aspects that allow us to study a person's linguistic personality and his professional activity from the standpoint of the modern integral paradigm of linguistics, which is based on an interdisciplinary approach that combines various aspects of the phenomenon under study, opening up new prospects for linguistic research.

Keywords: diplomacy of success, configurations of the future world order, foreign policy, politics and diplomacy, communicative event, cognitive linguistics, instrumental function of language, discursive practice, professional discourse, institutional discourse.

*****

Современные вызовы в отношении устойчивости и стабильности внешней политики усиливают многополярную роль дипломатии как важнейшего ресурса осуществления внешней политики государства. Дипломатия успеха – это одна из особенных технологий, которая играет ключевую роль в процессе обеспечения мирного взаимодействия между государствами, защиты интересов своей страны, поиска компромиссных решений и урегулирования конфликтов.

В этом смысле политика и дипломатия образуют единый узел, совокупность действий и взаимосвязей элементов которого влияет на создание внешнеполитической обстановки, проводимой как отдельными государствами, так и группами государств (например, «коллективный запад»). Неоспорим тот факт, что в отличие от ряда иных областей профессиональной деятельности, успех во внешнеполитической и дипломатической деятельности достигается преимущественно с помощью лингвистической составляющей, где язык служит «потаенным источником власти» [1, С.192], посредством функционального потенциала которого достигается результат в каждом конкретном акте коммуникации – воздействовать на ход событий, влиять на принятие внешнеполитических решений, формировать в сознании представителей разных континентов, политико-экономических систем, дипломатических миссий и общественном сознании новое видение международной конфигурации будущего миропорядка с содержанием таких ценностных понятий как справедливость, социальная ответственность, уважение к традиционным культурно-историческим и этическим ценностям, межнациональному достоинству человека, не допуская использования этих ценностных понятий в качестве инструмента геополитического доминирования в международной политике. В этом контексте важно отметить неоспоримое преимущество дипломатического дискурса как ключевого инструмента, репрезентируемого совокупностью языковых средств, используемых специалистами для однозначно интерпретируемой коммуникации, связанной с профессиональной деятельностью, в официальных ситуациях общения [2]. Собственно речь идет о специфическом виде междисциплинарного явления профессионального дипломатического и политического дискурсов, как в широком, так и узком понимании, характеризующихся лингвокоммуникативными,

лингвокогнитивными и лингвоаксиологичесими особенностями, наличием собственных терминологических систем, занимающих особое место среди терминологических систем других общественных наук – являясь не только областью знания, но и деятельности. Дипломатия и политика так или иначе затрагивают практически всех членов международного сообщества.

Анализ дискурсивной практики участников и акторов «глобального сообщества» позволяет сделать выводы о широкой распространенности политической и дипломатической терминологии за пределами профессиональной среды, жанровом многообразии текстов, взаимовлиянии, взаимопроникновении лексических единиц терминологических систем политики и дипломатии в обыденную жизнь, что естественным образом находит отражение на системе национального языка.

Специфические виды дискурса, отражающие особенности различных групп, слоёв, взаимодействия и целей коммуникантов, привлекают пристальное внимание исследователей не только сферы языкознания, но и других гуманитарных и общественных наук. Особый интерес вызывает профессиональный дискурс, выявление принципов изучения которого – приоритетная и востребованная задача, декларирующая, что каждое языковое явление целесообразно было бы изучать одновременно с когнитивных и коммуникативных и аксиологических позиций; вытекающая же из этой методологии социальная когниция – отражение наиболее современных подходов в изучении человека и его деятельности в языке [3].

Новый подход к изучению дипломатического дискурса предполагает выявление основных характеристик этого типа институционального диалога и его специфических отличий от коммуникативных событий в иных областях профессиональной сферы, так или иначе совпадающих по отдельным параметрам с дипломатической.

Выскажем некоторые соображения о дискурсе. В исследованиях докогнитивного периода толкование термина «дискурс» сводилось для обозначения устного текста в момент его порождения и дальнейшего развития. Возникновение когнитивной науки изменило такой подход – термин «дискурс» приобрел новое понимание и сущностные характеристики, позволяющие относить его к устному и письменному виду, однако с точки зрения пространства и времени понятие «дискурс» обозначает деятельностное отношение к тексту в процессе коммуникации. Поворот в лингвистической науке в сторону функционализма, попытка осмыслить язык как важнейший инструмент категоризации мира, как важнейшее средство выражения и отражения когнитивной деятельности человека определили новый подход к определению дискурса [4, С. 222]. Сегодня дискурс рассматривается научной средой «как сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста экстралингвистические факторы (знание о мире, мнения, установки, цели адресата), аксиологические (связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности) необходимые для понимания текста» [5].

Некоторые исследователи придерживаются убеждений, что определение сущностной природы дискурса предполагает наличие двух параметров: 1) специфики агента социального действия [6]; 2) интенциональной базы дискурса [6.]. Такой подход определяет место дипломатического дискурса как одного из видов институционального дискурса, основывающегося на двух системообразующих признаках: цель и участники общения. Каждый отдельный вид институционального дискурса характеризуется своей соотносительностью статусных и личностных компонентов. В дипломатическом дискурсе доля личностного компонента незначительна.

В.И. Карасик определяет институциональный дискурс «как общение в заданных рамках статусно-ориентированных ролей», т.е. говорящий – слушающий – цель [7].

В работе «Семантико-семиотические аспекты дипломатического дискурса» Беляков М.В. отмечает, что «феномен политического и дипломатического дискурса

пока не поддается однозначному определению, так как сама категория политики в настоящее время не имеет четкой дефиниции». В качестве основных свойств дипломатического дискурса автор выделяет «тематическую связанность, ситуативную обусловленность, динамичность, социальную ориентацию, неоднородную структурированность и недискретность» [8].

Краткое логическое определение, устанавливающее существенные отличительные признаки термина «дипломатия» дано в Дипломатическом словаре Министерства иностранных дел СССР: «Дипломатия – принципиальная деятельность глав государств, правительств и специальных органов внешних сношений по осуществлению целей и задач внешней политики государства, а также по защите прав и интересов государства за границей [Дипломатический словарь 1971: 479]. Подобные определения содержатся и в других отечественных и зарубежных лексикографических изданиях [см.: Oxford English Dictionary 2004; Macmillan English Dictionary 2006; Longman English Dictionary 1995; Словарь иностранных слов 1988 и т.д.].

Сравнительный анализ дефиниций подтверждает, что «дипломатия – это наука международных отношений и искусство ведения переговоров руководителями государств и специальными органами внешних сношений: министерствами иностранных дел, дипломатическими представительствами, участие дипломатов в определении курса внешней политики страны и ее проведении в жизнь мирными средствами. Главная ее цель и задача – защита интересов государства и его граждан.

В лингвистической теории политический дискурс представлен как разноаспектное и многоплановое явление, как комплекс компонентов, составляющих единое целое, реализованный в конкретной институциональной ситуации: заседания правительства, сессии парламента, съезды политических партий.

Дипломатический и политический дискурс взаимодополняемы, однако коммуникативные акты каждого проявляют свои специфические особенности, цели этих видов дискурсивных практик значительно различаются. Целью политического дискурса является борьба за власть [6.], в то время как из общего определения дипломатии следует, что, помимо задач информирования и согласования интересов, в функции дипломатической коммуникации входит защита национальных интересов страны и ее граждан. Важно отметить, что дипломатический дискурс в современной международной повестке носит не отвлеченный характер, а содержит базовые сценарии по преодолению конфликтов и противоречий, накопившихся за последнее время.

Цель политического дискурса – достижение выполнения задач доминирующих позиций. Коммуникативные события политического дискурса адресованы в большей степени не к отдельным личностям, а к массам. По мнению Д.Б. Гудкова: «Диалог происходит по схеме «вождь – толпа», причем вождь может быть и коллективным (например: газета, телевизионный канал и т.п.)» [9, С. 141]. С точки зрения когнитивной лингвистики содержание понятия «политический дискурс» включает «знания, способные влиять на порождение и восприятие речи; другие тексты, политические взгляды автора и его задачи, а также политическую ситуацию» [8].

Цель инструментального дипломатического дискурса – нахождение компромиссного консенсуса без доминирующего давления и навязывания воли одной из сторон. Вербализация дипломатической коммуникации в этом смысле происходит с использованием специальных маркеров, эксплицитно, через идеологические коннотации внешнеполитической терминологической лексики, определение дискурсивной тональности, аккуратный и тщательный выбор оценочной лексики. Инструментальная функция языка дипломатии предполагает 1) формирование у реципиента перспективного видения реальности; 2) мобилизация реципиента к деятельности.

Международная турбулентность, происходящая в современном мире вносит определенные коррективы как в само определение, так и в функциональный

инструментарий дипломатического и политического дискурсов, сближая и взаимодополняя анализируемые виды дискурсивных практик с другими типами коммуникации. Зачастую в научных трудах исследователей отмечается о сближении лексических систем политического и дипломатического дискурсов с иными видами: медийным дискурсом, правовым, внешнеэкономическим, конфессиональным и др. Такие специфические особенности характерны в том числе для публичной формы дипломатической коммуникации, цифровой дипломатии.

На современном этапе развития дипломатический дискурс непосредственно связан с геополитическими изменениями, произошедшими и происходящими в мировом пространстве: образование новых государств, территориальные претензии, этнические вопросы; военные конфликты, финансово-экономический и энергетический кризис и другие, не менее важные причины, приведшие к тому, что в сферу дипломатии активно включаются приоритетные коммерческо-политические вопросы; неоспоримо усилилось влияние СМИ, манипулирующих и воздействующих на общественное мнение. В данном контексте следует выделить важную роль такого вида дипломатического дискурса как открытый профессиональный дипломатический дискурс, «характеризующийся интердискурсивностью, интертекстуальностью, лингвокреативностью, <…> реализующийся в рамках публичной дипломатии, <…> обладающий характерными коммуникативными и лингвистическими свойствами, позволяющими оказывать манипуляционное воздействие на сознание массового реципиента [10, С. 166].

Специфические признаки политического и дипломатического дискурсов проявляются в первую очередь на уровне взаимодействия акторов, реализуемых целей и коммуникативных функций языка – информативной, эмотивной и воздействующей. Основная задача информативной функции – передать информацию таким образом, чтобы воздействовать на картину политического мира в сознании реципиента, побудить его к действию.

Убеждение и нахождение компромисса – успех дипломатии. Доминирование и навязывание положительной или отрицательной оценки в массовом сознании с использованием широкого спектра коммуникативных стратегий и тактик – особенность политического дискурса.

Современная интегральная парадигма лингвистики, в основе которой лежит междисциплинарный подход открывает новые перспективы изучения и анализа профессионального языка и его коммуникативных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. / К. Ажеж – 2003: М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Зяблова О.А. Принципы исследования языка для специальных целей: на примере языка экономики : дис. ...д-ра : 10.02.19 : защищена 2005-05-14 : утв. 2005-09-19 / О.А. Зяблова – 2005: 2005. – 314 с.
3. Кубрякова Е.С.. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время. / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // ФИЛОСОФИЯ И НАУКА В КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И ВОСТОКА Сборник статей по материалам II Всероссийской научной конференции с международным участием ; под ред. Тихонова Е.В. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета , 2018.
4. Зяблова О.А. Новое понимание языков для специальных целей и их роли в профессиональной деятельности: познание, опыт, дискурс / О.А. Зяблова – Москва: Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2023. – 244 с.
5. Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Ю.Н. Караулов , В.В. Петров – Москва: М., Прогресс, 2000. – 308 с.
6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. / Е.И. Шейгал – Москва: М.: Гнозис, 2000. – 326 с.

7. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2020. – 2. – с. 25-34.

8. Беляков М.В. Дихотомия лингвистического и экстралингвистического в дипломатическом дискурсе / М.В. Беляков // Филологические науки в МГИМО. – 2011. – 46. – с. 17-26.

9. Гудков Д.Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе / Д.Б. Гудков // Политический дискурс в России; – Вып. 2. – Москва: М.: Диалог МГУ, 1998.

10. Беляков М.В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : дис. ...д-ра : 5.9.8. : защищена 2023-05-23 : утв. 2023-05-23 / М.В. Беляков – Москва: 2023. – 437 с.

УДК 81

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук, профессор
Дипломатическая академия МИД России
кафедра европейских языков
Российская Федерация, г. Москва
E-mail: oaziablova@mail.ru

Появление официальных сайтов внешнеполитических ведомств привело к их публичности, а также к расширению акторов международных дипломатических миссий. Бесспорно, что глобальная сеть цифровой дипломатии является мощным ресурсом, воздействующим на общественное мнение в том числе в сфере международных отношений. В статье проведен анализ применения коммуникативных инструментов цифровой дипломатии в сфере международной политики, выявлены особенности и специфические характеристики цифровой дипломатии как особого вида дипломатического дискурса. Ключевым отличием цифровой дипломатии от традиционной является специфическое коммуникативное пространство, основными коммуникативными каналами которого являются социальные сети, электронные СМИ, персональные блоги. Использование этих ресурсов позволяет акторам влиять на коммуникативное событие вне зависимости от расстояния и места нахождения, формировать у различных социальных групп глобального диалога общественное мнение. Новым возможностям, которые открывает цифровая дипломатия для обеспечения внешнеполитической деятельности, противостоят также и новые риски.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, дискурс, коммуникативное событие, социальные сети, дискурсивная практика.

FEATURES OF THE COGNITIVE-DISCURSIVE PRACTICE OF DIGITAL DIPLOMACY

Zyablova Olga Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia Department
of European Languages
Russian Federation, Moscow
E-mail: oaziablova@mail.ru

The appearance of official websites of foreign ministries has led to their publicity, as well as to the expansion of actors of international diplomatic missions. There is no doubt that the global network of digital diplomacy is a powerful resource influencing public opinion, including in the field of international relations. The article analyzes the use of communicative tools of digital diplomacy in the field of international politics, identifies the features and specific characteristics of digital diplomacy as a special type of diplomatic discourse. The key difference between digital diplomacy and traditional diplomacy is a specific communication space, the main communication channels of which are social networks, electronic media, personal blogs. The use of these resources allows actors to influence a communicative event, regardless of distance and location, and to form public opinion among various social groups of the global dialogue. New risks also confront the new opportunities that digital diplomacy opens up to ensure foreign policy activities.

Keywords: digital diplomacy, discourse, communicative event, social networks, discursive practice.

*****

В условиях формирования современного полицентричного мира устанавливаются новые правила политической игры, нацеленные на внешнеполитическое влияние и лидерство национальных государств, правительств, а также отдельных акторов. Увеличивающиеся объёмы информационных потоков требуют задействованности цифрового онлайн-пространства, позволяющего быстро в режиме реального времени собирать, обрабатывать, распространять информацию, а также выгодно «впускать» её в глобальную сеть аудитории.

Расширение сферы применения цифровых технологий не обошло стороной традиционно консервативную сферу – международные отношения, скорость, с которой во внешней политике закрепилось новое явление, получившее название «цифровая дипломатия» свидетельствует о необходимости включения «компетентной» дипломатической среды в глобальный контекст коммуникации и речевого взаимодействия, разработки и применения прорывных инструментов коммуникации – интенсивности, вовлеченности и воздействованности, что несомненно находит отражение на языковом уровне: формирует вербальную составляющую и невербальные компоненты (например, видеоряд), влияющие на процесс «отсыла» и восприятия закодированного послания, создает условия для порождения новых жанров в дискурсивной практике дипломатии, дополняющих целевые установки и задачи традиционной дипломатии. Социальные сети наряду с блогами и подкастами уверенно закрепили позицию «прорывных медиа», которые, в противоположность традиционным СМИ, предоставляют возможность пользователям самостоятельно творить публикации, в режиме реального времени вести диалог с заинтересованной аудиторией, общаться напрямую в неформальных условиях независимо от расстояния и места нахождения акторов.

Цель цифровой дипломатии – продвижение информационных задач внешней политики с помощью различных коммуникативных практик в новом для этой предметной сферы контексте реальности.

Столь популярный сегодня термин «цифровая дипломатия» фокусирует внимание отечественных и зарубежных исследователей. По определению П. Доши, профессора Школы коммуникаций Американского университета (США), цифровая дипломатия – это новая область, в которой правительства напрямую взаимодействуют с общественностью за рубежом с помощью социальных сетей. В широком смысле к инструментам такой работы можно отнести любые доступные ресурсы сети Интернет, в том числе веб-сайты и блоги.

Одни исследователи сопоставляют «цифровую дипломатию» с применением Интернета и социальных сетей в дипломатических целях, другие – расширяют определение такими аспектами, как использование новых технологий, электронный документооборот, онлайн-консультирование и дистанционные услуги.

Н.А. Цветкова, рассматривает цифровую дипломатию как «правительственный механизм влияния на пользователей социальных сетей», выделяя при этом методы реализации задач цифровой политики: критика политической жизни в другой стране, амплификация полярных мнений в вопросах политики и других сфер жизни общества, которая способствует усилению интенсивности обсуждения той или иной проблемы, привлечению к ней большего внимания, а также взаимодействие с представителями разных политических партий другой страны [1].

Ф. Хансон определяет цифровую дипломатию как «использование всемирной паутины и новых ИКТ для содействия в реализации внешнеполитических целей» [2].

И.В. Сурма рассматривает этот вид дипломатии в качестве «широкого использования информационно-коммуникационных технологий, в том числе новых медиа, социальных сетей, блогов и подобных медийных площадок в глобальной Сети

для содействия государственным органам при осуществлении функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешней политикой, включая механизмы влияния на зарубежную аудиторию» [3, С. 220].

Безусловно, интернет-платформы предоставляют прямой доступ к различным социальным группам внутри страны и за ее пределами, используя пакет экономических, дипломатических, политических и других мер в целях применения цифровой дипломатии как эффективного инструмента управления массами, определения ключевых персон влияния, формирования зарубежного и отечественного общественного мнения, распространения своих идей.

Таким образом, можно выделить несколько областей, где цифровая дипломатия уже прочно закрепилась как полезный инструмент внешнеполитической деятельности. Прежде всего, это публичная дипломатия: использование цифровой дипломатии для прямого общения с целевой аудиторией, иногда с целью привлечения авторитетных мнений и установления продуктивного диалога, а также использование механизмов влияния на аудиторию с целью реализации и сопровождения внешнеполитических решений. Крайне актуальны цифровые технологии и в области управления информацией: сбор и анализ огромного объема данных для политических прогнозов и стратегического планирования помогают осуществлять выработку и подготовку внешнеполитических решений.

Впервые значимость дискурсивного воздействия в официальном цифровом пространстве была отмечена представителями американских политических кругов в сентябре 2001 года в Вашингтоне на конференции «ИнтернетДипломатия-2001», главной доминантой повестки дня которой стал вопрос о роли новейших информационных технологий в обеспечении лидерства США в сфере внешней политики [4, С. 133]. Порождённый в ходе конференции термин «цифровая дипломатия» использовался применительно лишь к публичной политики США, проводимой через цифровые каналы.

Вскоре цифровые технологии внедрили в свою деятельность также дипломатические ведомства ведущих мировых держав, привлекая тем самым внимание не только политической элиты, но и широкой аудитории – от экспертов-специалистов до активно включенных в политические процессы групп населения. Стремясь привлечь как можно более широкую аудиторию, дипломаты, прилагая профессиональные компетенции, соперничают в своих аккаунтах. Следует заметить, что количество официальных дипломатических аккаунтов в социальных сетях постоянно увеличивается.

Формирование нового геополитического устройства современного мира, требует публичной открытости дипломатической среды по отношению к обществу, выстраивания коммуникативного события в рамках систем культурных кодов, транслируемых адресату с целью формирования у него соответствующего восприятия и оценки события, создания в социальных сетях общедоступных интернет-страниц государственных учреждений, персонифицированных страниц членов правительства и послов. В цифровой дипломатии активно задействовано медийное пространство, что естественным образом отражается на характере коммуникации и вовлеченности в этот процесс различных социальных групп населения.

Очевидно, что дискурсивная практика цифровой дипломатии имеет явно выраженную социолингвистическую направленность, специфика которой проявляется на лингвокультурологическом, лингвоаксиологическом и лингвосемиотическом уровнях языка, особенно наглядно в ситуации, когда в государствах с различными общественно-политическими и экономическими системами функционирует единый национальный язык [5, С. 27]. Не случайно эта проблема в той или иной степени затрагивалась в связи с немецким языком в ГДР и ФРГ и русским языком конца 80-х – начала 90-х годов XX в. [6; С. 18].

Социолингвистические особенности дискурсивной практики цифровой дипломатии проявляются также в зависимости от изменения тех или иных компонентов коммуникативной ситуации: социальная роль говорящего-слушающего, эмоциональный фактор между говорящим и слушающим,

тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская), цель, средство общения (стиль языка, параязыковые средства – мимика, жесты, позы и т.п.); способ общения (устный/ письменный, контактный/дистантный); место общения [7].

Приоритетное внимание необходимо уделить особенностям когнитивной семантики цифровой дипломатии – переходу лексических единиц из одной формы реализации в другую, обусловленных изменением профессиональной компетенции участников коммуникативного акта. Естественно, что такой угол зрения неизбежно предполагает обращение к некоторым положениям когнитивной лингвистики, «центральная задача которой состоит в описании и объяснении языковой способности и/или знаний языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего-слушающего» [8]. Одним из важнейших постулатов когнитивной семантики, а именно она представляет в связи с нашим исследованием особый интерес, является положение о том, что познающий субъект – носитель когниции – является активным началом, генерирующим значения выражений, а не берущим их готовыми [там же]. Действительно, человек описывает языковыми формами не столько объективно существующую ситуацию, сколько то, что и как он воспринял и понял. Именно отражение субъективного образа объективного мира и лежит в основе обозначения словом объекта, явления или события [9, С. 47], что неоспоримо существенно важно при выстраивании коммуникативного события в формате цифровой дипломатии.

Для восприятия транслируемой информации необходимы специальные познания, навыки и способности, которые в совокупности формируют адекватное и верное восприятие и понимание. Восприятие коммуникативного события фильтруется через систему знаков, установок и актуальности содержащейся в нем информации, преломляется через призму культурных кодов и индивидуальных особенностей человека, сложившуюся систему воззрений, верований, нравственных ценностей, предрассудков и стереотипов, что образует сложную систему, направленную на анализ и формирование соответствующей оценки коммуникативного события [10, С. 13].

Дискурсивная практика цифровой дипломатии представляет собой процесс отбора, систематизации и интерпретации информации, направленный на конструирование политической действительности с помощью вербальных и невербальных средств. В таком понимании целесообразно было бы отметить, что дискурсивная практика цифровой дипломатии является одним из ключевых объектов анализа коммуникативного события, существующего в рамках взаимодействия разных профессиональных и социальных групп глобального диалога. В этом контексте, как правило, внимание исследователей сфокусировано на анализе текстовых массивов (в том числе устной речи) – по сути, на анализе языковой картины мира разных социальных групп глобального диалога, модели поведения, культурных смыслов, систем знаков и символов.

Важным аспектом дискурсивной практики цифровой дипломатии является интенсивность, открытость информационного потока в электронных сетях, который посредством совокупных языковых форм подачи информации (информативной заданностью – «информем» [11, С. 104].) может изменять видение политической реальности у аудитории, повлиять на социальное и индивидуальное поведение человека. Информационные маркеры в дискурсе цифровой дипломатии являются первичными в подаче информации.

Поскольку цифровая дипломатия репрезентируется в первую очередь через сетевое коммуникативное пространство, основной единицей подачи информации является текстовой формат. Текст в данном случае рассматривается с позиций «социального конструктивизма, направления, в рамках которого предполагается, что текст – это результат практики в какой-либо области, т.е. общение и письмо, связанное с деятельностью представителей социальной группы» [12, С. 78]. Отличительной характеристикой текстов в дискурсивной практике цифровой дипломатии является их технологическая гипертекстуальность, особенностью которой является то, что основной текст создает систему связей между отдельными

текстовыми пространствами с помощью встроенных в него гиперссылок Т. Нельсон [13, С. 65]. Подобная коммуникация расширяет информационные возможности, обеспечивает интерактивность на неограниченно удаленном расстоянии и квазисинхронность – порождение, передача и восприятие информации. В цифровой дипломатии существуют каналы с различной степенью синхронности. Например, официальные сайты внешнеполитических ведомств можно относить к асинхронным каналам коммуникации, когда порождение и восприятие сообщений происходят поступательно, а не параллельно. В социальных же сетях дипломатических миссий, коммуникативное событие может возникать и ретранслироваться одновременно с процессом происхождения события, в этом смысле работа социальных сетей предполагает незамедлительность восприятия. Очевидно, вышеупомянутое не отражает всех особенностей порождения речи в текстах цифровой дипломатии, однако позволяет понять и изучить принцип дипломатического цифрового дискурса, его влияния на формирование новой языковой реальности, выбор тематики, регламент технологий, ожидаемые результаты.

Очевидно, что глобальная сеть цифровой дипломатии является мощным ресурсом, воздействующим на общественное мнение в том числе в сфере международных отношений. В условиях формирования нового мирового порядка на смену информационной глобализации приходит фрагментация интернета. Цифровые технологии и интернет становятся ареной геополитических противоречий и борьбы за лидерство соотношения сил на мировой арене.

Цифровая дипломатия, которая включает в себя применение информационно-коммуникационных технологий с целью достижения внешнеполитических целей государства, становится ключевым инструментом межгосударственной конкуренции и конфликтов с вовлечением различных профессиональных и социальных групп глобального диалога. Очевидно, коммуникационные технологии и дискурсивная практика цифровой дипломатии влияют на формирование новой языковой реальности, приводят к возникновению новых рисков, так как возможности интернета используются не только для миротворческих целей, но и зачастую для распространения и пропаганды чуждой идеологии, фейковой внешнеполитической информации. В этой части целесообразно было бы проанализировать риски и преимущества дискурсивной практики цифровой дипломатии в сравнении с традиционной и то, как это отражается на языковом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветкова Н. А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н. А. Цветкова // Вестник РГГУ. – Серия «Политология. История. Международные отношения.» – 2020. – № 2.

2. Хансон Ф. Публичная дипломатия и управление информацией / Ф Хансон – URL: http://egov.by/themes/best-practices/osnovy-ediplomacy-chast-3 (дата обращения: 20.05.2024). Текст: электронный.

3. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в мировой политике/И.В.Сурма//Государственное управление. Вып. 49. – 2015. – URL http://ejournal.spa.msu.ru/vestnik/item_741 (дата обращения: 05.05.2024). Текст: электронный.

4. Ю. Кашлев, Э. Галумов. Информация и PR в международных отношениях / – Москва: Известия, 2003. – 430 с. : ил.; 24 см.; ISBN 5206006297

5. Зяблова, О. А. Социолингвистические и когнитивные особенности функционирования экономической лексики: специальность 10.02.19 "Теория языка" : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зяблова Ольга Александровна. – Москва, 2002. – 180 с.

6. Крючкова Т.Б. Общественно-политическая лексика и терминология: основные свойства и тенденции развития. АДД. М., 1991.

7. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.

8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

9. Зяблова, О. А. Новое понимание языков для специальных целей и их роли в профессиональной деятельности: познание, опыт, дискурс / О. А. Зяблова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2023. – 244 с.

10. Чижик А.В. Culture and Civilization. 2020, Vol. 10, Is. 3A.

11. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. ЛГУ, Л., 1978.- 168с.

12. Хутыз И.П. Академический дискурс как форма институциональной коммуникации: лингвокультурный аспект // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел: Орловский гос. инс-т искусств и культуры, 2012. Вып. 10. С. 102-115.

13. Theodor Holm Nelson Complex Information Processing: A File Structure for the Complex, the Changing, and the Indeterminate. ACM National Conference 1965 (ACM '65) Publisher: Association for Computing Machinery (ACM) URL: Full text (ACM Digital Library)

УДК 81

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В РОМАНЕ ДЕТЕКТИВНОГО ЖАНРА ДЖ. К. РОУЛИНГ “TROUBLED BLOOD”

Киселёва Ирина Дмитриевна
Аспирант, Государственный университет просвещения
г. Мытищи, Российская Федерация
Spin-код: 9323-1620
E-mail: kiselyova-i.d@yandex.ru

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить особенности репрезентации гендерных стереотипов на лексическом и синтаксическом уровнях в романе детективного жанра.

Материалом исследования является современный роман детективного жанра, написанный Дж. К. Роулинг под мужским псевдонимом Р. Гэлбрейт (“Troubled Blood”). В данной статье применены следующие методы: метод сплошной выборки; сравнительный анализ; количественный анализ, сентимент-анализ, семантический анализ.

Исследование позволило определить характерные черты стереотипов маскулинности и фемининности в мировоззрении разных поколений персонажей; также с точки зрения семантики и тональности была изучена лексика, составляющая темы, с которыми связаны гендерные стереотипы.

Теоретическая и практическая значимость. Сделанный вывод вносит вклад в развитие гендерной лингвистики и знаний о средствах выражения гендера и может быть использован в курсе гендерной лингвистики, лингвистики текста.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, гендерный стереотип, женщина, мужчина, маскулинность, фемининность, детективный жанр, Дж. К. Роулинг.

LINGUISTIC PECULIARITIES OF GENDER STEREOTYPES REPRESENTATION IN J. K. ROWLING'S NOVEL OF THE DETECTIVE GENRE “TROUBLED BLOOD”

Kiseleva Irina Dmitrievna
postgraduate student
State University of Education
Mytishchi, Russian Federation
E-mail: kiselyova-i.d@yandex.ru

The aim of the article is to identify the peculiarities of gender stereotypes representation at the lexical and syntactic levels in a detective novel.

The material for the study was the contemporary detective novel “Troubled Blood” written by J. K. Rowling who uses the male penname R. Galbraith. The continuous sampling method, comparative analysis; quantitative analysis, sentiment analysis, semantic analysis are used in this work.

The study allowed us to identify the features of stereotypes of men and women from the point of view of different generations, also, the vocabulary that makes up topics connected with stereotypes was studied according to its semantics and evaluation.

Research implications. The findings contribute to the gender linguistic researches and knowledge about gender representation and can be used in gender linguistics course and text linguistics.

Keywords: gender, gender linguistics, gender stereotype, woman, man, masculinity, femininity, detective novel, J.K. Rowling.

*****

Процесс изучения гендерных стереотипов, а также их воздействия на общество непрерывен и динамичен в разных областях науки, в том числе и лингвистике. В данной работе внимание уделяется гендерным стереотипам в детективном дискурсе. Актуальностью исследования является то, что репрезентация гендера и гендерных стереотипов широко изучается в художественном дискурсе, но она недостаточно изучена в детективном жанре, в частности в романах Дж. К. Роулинг, которая пишет под мужским псевдонимом. К детективному жанру всегда был повышенный интерес, потому что он является уникальным, поскольку не только развлекает зрителя или читателя, но также может поднимать важные социальные и моральные вопросы, рассматривать разные аспекты человеческой жизни, отражать общество, реалии современного мира и социальные роли людей. Научной новизной работы является то, что рассмотрены лингвистические особенности выражения гендерных стереотипов в восприятии героев разных поколений на лексическом и синтаксическом уровнях языка в детективном романе определенного автора. Целью работы является изучение гендерных стереотипов в детективном романе Дж. К. Роулинг. Исследуемый нами роман «Troubled Blood», который был написан Дж. К. Роулинг в 2020 году под мужским псевдонимом Р. Гэлбрейт, интересен по нескольким причинам.
Во-первых, само авторство подсказывает то, что Дж. К. Роулинг предпринимает попытку представить мужской взгляд на гендерные отношения, во-вторых, композиция романа построена на основе фрагментарности [1], и настоящее (расследование, проводимое главными героями, детективом Кормораном Страйком и его партнёром по бизнесу Робин Эллакотт, происходит в 2010-х годах, также показаны личные проблемы, с которыми сталкиваются герои) встречается с прошлым (произошедшее преступление совершенно в 1974 году; в романе представлены воспоминания, дневники, книги и заметки тех лет), поэтому становится возможным проанализировать то, как люди, относящиеся к разным поколениям, воспринимают мужчин и женщин. В настоящей работе исследование материала проведено на лексическом и синтаксическом уровнях языка, и применены следующие методы: описательный, сравнительный, семантический, сплошной выборки, количественного подсчета, анализа тональности.

Понятие «стереотип» и «гендерный стереотип», их выражение в языке

Считается, что понятие «стереотип» было впервые введено У. Липпманом в социальной теории [2]. В настоящий момент термин «стереотип» широко изучается в гуманитарных науках, в частности в лингвистике. Понятие «стереотип» рассматривается в работах таких учёных, как Н. Ф. Алефиренко, В. В. Красных, А. В. Кирилина, Е. С. Зиновьева, В. И. Карасик, Е. Бартминьский, Л. П. Крысин и др. Стереотипы играют значительную роль в нашем восприятии мира и окружающих нас людей. Они являются упрощенными образами или представлениями о социальных явлениях или объектах, часто с эмоциональной окраской. Стереотипы обладают большой устойчивостью, создавая упорядоченный образ мира и помогая людям ориентироваться в нем.

Гендерные стереотипы являются частным случаем стереотипов [3, с. 11], они представляют собой «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [4]. Можно выделить характерные черты, стереотипно приписываемые мужчинам: логичность,

конкретность, инструментальность, сознательность, власть, порядок, независимость, индивидуальность, сила «Я». Женщинам приписывают такие черты, как абстрактность, интуитивность, экспрессивность, бессознательность, подчинение, хаос, близость, коллективность, слабость «Я» [4].

Гендерные стереотипы могут быть как автостереотипами (представлениями о себе самом), так и гетеростереотипами (представлениями о других людях). Гендерные стереотипы тесно связаны с социальными ролями и ожиданиями и могут быть неявными и явными, стабильными и динамичными. Гендерные стереотипы могут влиять на поведение и установки человека, отображать социальное неравенство и дискриминацию. А также гендерные стереотипы могут сами меняться под воздействием общества и культуры. Гендерные стереотипы «локализуются в коллективном сознании» [5, с. 3257], и их вербализация в языке действительно отражает социокультурные представления о поведении полов.

В настоящее время лингвисты часто обращаются к проблеме функционирования и репрезентации гендерных стереотипов в художественном дискурсе, поэтому проводятся исследования на основе художественных текстов. Художественные тексты являются частью культуры, в них часто отражены стереотипные мнения о мужском и женском гендерах. Изучение высказываний мужчин и женщин, содержащих гендерные стереотипы, может помочь в понимании того, какие идеи и представления о женственности и мужественности присутствуют в данном обществе.

В данной работе исследование проводится на основе романа детективного жанра. В детективном жанре зачастую отображены традиционные роли мужчин и женщин, а также принятые гендерные стереотипы о маскулинности и фемининности. М. А. Бакулин уточняет, что гендерные стереотипы имеют большое значение в изображении образов мужских и женских персонажей в детективном жанре, так как влияют на мировоззрение героев и их социальные роли [6, с. 218]. М. Д. Городникова отмечает, что персонажи детективных романов могут следовать гендерным стереотипам или отклоняться от них, что связано с социализацией или, наоборот, асоциальным поведением [7, с. 34].

На материале отечественных современных детективных произведений М. А. Бакулин выделяет определенные гендерные стереотипы о внешности (например, успешные мужчины привлекательны; для создания женского образа важно описание внешности); силе (мужчина сильный и мужественный, властный, а женщина слабая); интеллекте (мужчина мыслит логично, обладает развитым интеллектом, женщина часто представлена глупой или обладающей «женской логикой»); интересах (мужчина обладает широким кругом интересов; если женщина работает, то ее профессиональные интересы распространяются на роли, которые раньше принадлежали только мужчинам); поведении (мужчина доминирует над женщиной, реализует сексуальную активность); речевом поведении (женщина болтлива, мужчина более сдержан); эмоциональности и чувствительности (мужчины менее эмоциональны, чем женщины) [6, с. 217-218].

С учетом вышеизложенных характеристик гендерных стереотипов и их репрезентации в детективном жанре был рассмотрен роман Дж. К. Роулинг “Troubled Blood”. Из-за того, что композиция данного произведения построена на основе фрагментарности, в романе отображено британское общество 2010-х г., когда происходит расследование преступления, а также общество 1974 года сквозь призму восприятия свидетелей совершенного преступления. Главными героями романа являются детектив Корморан Страйк и его партнер по бизнесу Робин Эллакотт, которые вместе ведут расследование преступления и общаются со свидетелями.

На основе 1015 фрагментов речи мужских и женских персонажей романа были изучены гендерные стереотипы, которые определяют образы мужчин и женщин. Стоит отметить, что в произведении представлена традиционная бинарная гендерная система, поэтому речь героев отображает гендерное деление. С помощью программы miratext.ru были выделены местоимения и различные существительные,

которые выражают женский и мужской гендеры (см. Таблицу 1). На основе количественных данных, представленных в таблице 1, можно отметить, что мужской гендер чаще всего отображен с помощью личного местоимения *he* и существительного *man*, а женский гендер выражен личным местоимением *she* и существительным *woman*.

Таблица 1

Наиболее частотные слова для выражения гендера в речи персонажей

Гендер	Слово	Зона текста + зона ссылок
Женский	she	623
	her	373
	woman	80
	girl	60
	women	57
	mother	50
	mum	24
	herself	24
	wife	21
	girls	19
	sister	17
	lady	15
	daughter	12
	bitch	11
	mammy	8
	ladies	7
	girlfriend	5
	aunt	4
	blonde	4
Мужской	he	500
	his	167
	him	116
	man	77
	men	33
	bastard	22
	husband	21
	dad	18
	father	15
	boy	12
	boys	8
	Bloke	8
	Uncle	5
	Guy	5
	Boss	5
	daddy	4
	Boyfriend	4

Источник: составлено автором на основании количественного подсчета лексики в романе Дж. К. Роулинг "Troubled Blood" с помощью программы miratext.ru

В работе были изучены высказывания о мужчинах и женщинах, где гендерные стереотипы воплощены в темах «семья», «характер», «поведение» и «интеллект», «внешность» и «возраст», «работа», а также с помощью онлайн-программы Sentiment Analyzer была рассмотрена тональность слов, отображающих положительную или отрицательную оценку двух гендеров.

1. Семья. В ходе анализа было выявлено то, что при отображении мужского гендера в речи женщин и мужчин часто используются стилистически нейтральные

лексемы *father, dad, husband*. Также в речи женщин используется лексема *bigamist*, имеющая негативную оценку. В речи женщин старшего поколения есть словосочетания *to bring the most of the money, to bring in a wage*, которые указывают на то, что раньше мужчина являлся добытчиком в семье. Мужчины чаще женщин уходят из семьи, что отображено в женских высказываниях с глаголами, имеющими значение «уходить»: "*left <…> for another woman*" [8, с. 103], "*left <…> high and dry*" [8, с. 853], *to scarper, "go off messing around wiv ovver women*" [8, с. 858]). Мужчины могут изменять, на что указывает лексика *a triple life, cheat, liar, mistress, a sneaky shag, red-handed,* но могут быть сами обманутыми (на данный факт указывают словосочетания *married girlfriend, jealous/ betrayed husband,* использование сниженной лексики в фразе *to be fucked over*). Роды и беременность в глазах мужчин и женщин выглядят по-разному, что отображено в высказывании героини романа: "*Kids come out of you. Men don't understand what that is*" [8, с. 83] (частью стереотипизации является слово *men* во множественном числе и отрицательный вспомогательным глаголом *don't,* показывающий категоричность высказывания). Заметно изменение стереотипа о том, что мужчине нужно обзавестись семьей, чтобы о нем заботились: тетя главного героя Корморана Страйка, которая относится к старшему поколению, желает своему племяннику найти девушку/жену, которая бы заботилась о нем ("*to look after you*" [8, с. 347]), на что Корморон Страйк отвечает: "*Men are supposed to be able to look after themselves—in more ways than one*" [8, с. 347] (заметно противопоставление местоимений *you* и *themselves* в двух словосочетаниях с фразовым глаголом *to look after,* а также использование слова *men* со значением обобщения в мужском высказывании).

С мужской точки зрения, все женщины хотят обзавестись детьми из-за биологических часов, что указано в высказывании "*She'll want kids. <…> They all do. <...>They're up against the clock*" [8, с. 19] (на стереотипизацию женского поведения в семье указывают словосочетания *to want kids*, идиома *to be up against the clock*, обобщающее местоимение *they*). Среди старшего поколения также распространен стереотип, что бездетная женщина несчастна, поэтому в высказывании "*<…> She'll never be happy without*" [8, с. 97] используется наречие *never* с отрицательным значением, контрастирующее с прилагательным *happy* с положительной оценкой и усиливающее позицию говорящего. В то же время, стереотип о том, что наличие детей является показателем фемининности, меняется, и это заметно по следующему высказыванию женщины молодого поколения: "*You seem really happy. Free, I mean!*" [8, с. 89] (в данном фрагменте речи по отношению к бездетной главной героине употреблены прилагательные *free* и *happy*, которые имеют положительную оценку). Женщины чаще мужчин заботятся о детях ("*She'd never've left her baby girl*" [8, с. 273] – использование отрицания с помощью наречия *never* усиливает позицию говорящей), оставляя их только в вынужденных ситуациях, что указано в словосочетаниях *to feel stressed/unable to cope, to go off alone, to lie unconscious and unidentified in a hospital, to end up taking an overdose, to kill oneself, to leave someone's kids without a mum*.

2. Характер, поведение и интеллект. В романе "Troubled Blood" характер и поведение мужчин часто представлены с негативной оценкой. Высказывания героев и героинь романа о мужском гендере касаются насилия, харассмента со стороны мужчин (*rape, sadistic, violent*, *to have a girl locked up, tail-pulling*, *hands up one's skirt <…> and worse, to hit, to bully, murderous, to knock around, to keep someone locked, to beat someone blue, to beat badly, to knock twelve bells out of someone, to kill wife, to put pressure, to pimp someone out, to grab round a waist, to send a dick pic*), опьянения ("*too interested in booze and girls*" [8, с. 146], *shitfaced*) и их сексуальной жизни (*to shag, to dick around with the wrong woman, womanizer, notorious sex monster, dirty*). Властное отношение мужчины к женщине показано в том, как некоторые мужчины называют женщин (*bird*), также превосходство мужчины указана в высказывании одной из героинь: "*He only wants her available to him. He's still free to look at other girls*" [8, с. 265] (используется местоимение *he* для категоризации, словосочетание *available for someone*, характеризующее женщин, у которых нет свободы действий, в отличие от

мужчин (прилагательное *free*). В высказываниях есть отображение низкой эмоциональности мужчин (*emotionally shut down, not to show a lot of emotion, to get colder*), в то же время данный гендерный стереотип меняется, так как заметно большое количество лексики в высказываниях героев романа, указывающей на эмоциональное состояние мужчин (*to have a shock, scared, nervous, anxious, guilty, to cry eyes out*). В высказываниях мужчин отмечено, что чертой мужского гендера является сдержанность: "<…> *desperate men are sometimes willing to [spill the beans]*" [8, с. 588] (использование прилагательного *desperate* с негативной оценкой указывает на то, что мужчины вынуждены что-то рассказать только из-за ситуации), но было обнаружено несколько примеров лексики с отрицательным значением в контексте высказывания, которые указывают на такую черту поведения, как болтливость, обычно приписываемую женщинам (*chatty, smooth-talking*, *do like to talk*). В высказываниях мужчин и женщин часто отображены негативные стороны мужского гендера, например, агрессивность (*pissed, openly hostile, rude, furious, aggressive, boisterous, angry, holy terror*, *horror, racist*), негативные черты характера, как напыщенность, заносчивость, эгоистичность, зловредность (*cocky, vicious, cruel, cheeky, wily, poisonous, bad, sick, nasty, snobby, manipulator, pansy, difficult, evil, sulker, wily, narcissist, to cause a lot of stress)*. В высказывании одной из героинь указано, что мужчины безответственны ("*Actions 'ave consequences.* <…> *Men need to learn that, and take some responsibility*" [8, с. 858]; смысловой глагол *need* употребляется для обозначения желательной характеристики поведения мужчин; стереотипизация передается с помощью слова *men* во множественном числе, которое имеет обобщающее значение). Стоит отметить, что в некоторых фразах заметно сравнения мужчины с животным (*animal, to smoke and eat like a pig, to sign like a lamb*), по отношению к мужчинам используется различная сниженная лексика с негативной оценкой *(arsehole, sod, cunt, dickhead, bastard, tit, a total shit, crap*). Высказывания мужчин и женщин высмеивают поведение мужчин как «маменькиного сынка» (*mummy's boy, "cossetted and wrapped up in cotton wool all his life by his mother"* [8, с. 264]*; spoiled, precious; fragile, little prince; delicate; to be made a prince by a mother*). В речи людей старшего поколения отображено то, что проявление таких фемининных черт в поведении мужчин, как нежность или слабость, носит отрицательный характер (использование прилагательного *soft* с негативной оценкой в рамках контекста). По мнению одного из героев романа старшего поколения, стереотип о том, что мужчины не могут проявлять слабость, не меняется: "*our culture since the sixties* <...> *Male suffering, nobody gives a shit*" [8, с. 681] (стереотипизация происходит через слово *male*, используемое для обобщения, а негативное отношение героя к тому, что никому нет дела до страданий мужчин, выражено с помощью неопределенного местоимения *nobody* с отрицательным значением и словосочетания со сниженной лексикой *to give a shit*; для категоричности своего мнения говорящий указывает на временной промежуток *since the sixties*).

Несмотря на то, что подавляющее большинство лексики указывает на негативную оценку поведения мужчин, было обнаружено несколько слов и словосочетаний, указывающих на мужской гендер и имеющих положительную оценку: *polite, kind, a man of limited curiosity, to be good in crisis, nice/lovely/good man, good lad*. Мужчины представлены умными, на что указывает лексика с положительной оценкой (*clever, very high IQ, intelligent, not to be lacking in brains, not a stupid man, too smart, sophisticated*), но также в высказываниях мужчин и женщин есть лексика с отрицательной оценкой, отображающая то, что мужчины могут не проявлять интеллектуальных качеств (*not the brightest tool in the box, idiot, stupid, silly, fool*) или вести себя странно (*nutter, odd*).

Женщины в романе "Troubled Blood" представлены как с положительной, так и с отрицательной точек зрения. В высказываниях персонажей романа отображены различные женские образы: женщины-кокетки (прилагательные *playful, flirtatious* и словосочетание *to like a flirt* с положительной оценкой), матери-наседки (прилагательное *overprotective* с негативной оценкой), «блондинки» (прилагательные *gigly* с положительной оценкой и *feminine* с отрицательным значением). Появляется

образ женщины-феминистки, который имеет негативную оценку с точки зрения мужчин: *(ardent) feminist* (противопоставление словосочетанию *to sound much more of a personality*, имеющего положительную оценку в рамках контекста), *combative* (противопоставление прилагательному *efficient*, имеющего положительную оценку в рамках контекста), *radical feminist witch* (использование слова *witch*, которое относится к неформальному стилю, со значением неодобрения).

В целом, в высказываниях героев и героинь романа заметно то, что отображены стереотипные черты фемининности, например, болтливость (*a gossip/to gossip* имеют отрицательную оценку в рамках контекста, глаголы с негативным значением *to speculate, to rattle on*), мягкость (прилагательные *soft, sweet, kind* и существительное *a saint* с положительной оценкой), уязвимость (*vulnerable* с отрицательной оценкой). Также показана эмоциональность женщин, которая выражена с помощью лексики с негативной оценкой (прилагательные *nervous, mad, scared, angry, displeased, terrified, worried, show-off mood, devastated, afflicted, upset, frightened, too shocked, hysterical, unhappy, fussy,* неологизм *Milady Berserko* (от слова *berserk* – яростный воин), использование сниженной лексики и сленга в словосочетании *fucking nutcase*), а также лексики с положительной оценкой (*excited, happy*). При анализе высказываний мужских и женских персонажей было обнаружено то, что только в образе одной героини романа отображена сдержанность (*cold,* "*never showed no emotion*" [8, с. 580]).

Положительными качествами женщины являются сильные черты характера, как твердость, упорство, ответственность (*hard as nails, steady, stubborn, responsible*), храбрость ("*one of the bravest*" [8, с. 797]) и преданность (*fierce loyal*). В женских высказываниях отмечено, что озорство также имеет положительную оценку (*naughty, funny*). Также самостоятельность и независимость являются положительными чертами характера женщины, например, это показано в случае с одной из героинь, которая одна растила сына ("*raised her son alone*" [8, с. 103]), и такой поступок, по мнению мужского персонажа, заслуживает уважения (использовано прилагательное *admirable* с положительной оценкой). Но в высказываниях мужчин и женщин могут быть отображены негативные черты характера женщин с помощью слов и словосочетаний с негативной оценкой, например, недоброжелательность ("*one of the meanest*" [8, с. 60], *shit-stirrer*), лживость (*a liar, to fib/lie*), заносчивость (*snobby, cheeky, a snob, hoity-toity, pleased with oneself*), назойливость (*to get on someone's wick, to annoy*).

По отношению к женщинам используют сниженную лексику в словосочетаниях с прилагательными, описывающими характер, ум, успех или поведение, например, мужские персонажи использовали словосочетания *dozy/poor cow, nasty/dirty/ dumb bitch*, а в речи некоторых героинь были обнаружены следующие примеры: *hoity-toity/interfering bitch*.

Большинство слов и словосочетаний на тему «интеллект» обладает негативной оценкой (*silly, stupid,* "*not looking too clever*" [8, с. 449]; в мужских высказываниях можно обнаружить использование сниженной лексики по отношению к женщинам в словосочетаниях *dumb bitch, silly cow*. А в высказывании "<…> *t'ought I was some silly little Bunny Girl*" [8, с. 271] заметен стереотип о том, что профессия определяет интеллектуальные способности женщины (использование сленговой идиомы *Bunny Girl*, указывающей на хорошие внешние данные, но не на интеллект). В высказываниях героев можно обнаружить упоминание о том, что женщина умна (*clever, not pig-ignorant, lots of opinions and things*), но в речи старшего поколения заметен стереотип о том, что, мужчины не одобряют выдающиеся умственные способности у женщин ("<…> *men don't like that much nowadays*" (использование слова men для обобщения, вспомогательного глагола *don't* для отрицания, а также употребление слова *nowadays* для категоричности и достоверности мнения) [8, с. 259]).

3. Внешность и возраст. Наиболее привлекательными чертами мужского гендера, по мнению героев романа "Troubled Blood", является молодость и красота. Поэтому заметна лексика с положительной коннотацией: большое количество прилагательных, которые относятся к теме «красота», например: ухоженность

(*clean*), молодость (*young*), рост (*tall*), фигура (*big*), лексика, имеющая значение «красивый» (*good-looking, lovely, beautiful, handsome*). Благодаря красоте мужчины могут стать популярны среди женщин, что указано в высказывании: "*a handsome man, and clearly popular with female campers*" [8, с. 277] (стереотипизация усиливается с помощью наречия *clearly* и множественного числа словосочетания *female campers*). В то же время внешняя красота мужчины может предполагать негативные черты характера: "*handsome, in a kind of… limp way*" [8, с. 264] (слово *limp* указывает на негативную оценку говорящего). Непривлекательными чертами мужчин в восприятии женщин является неухоженность (*filthy, scrubby*), намеренное создание образа «мачо» (*tight jeans*, использование сниженной лексики (*cock, balls*) в высказывании"*you could see his cock and balls right through them*" [8, с. 259]). В речи одного из героев заметно использование сниженной лексики, которая указывает на негативную оценку внешности *(to look like shit)*.

Пожилой возраст, раса или некоторые внешние признаки у мужчин могут выражать величественность: *to* "*look like Gandhi*" [8, с. 96] (использование сравнение и аллюзии на М. Ганди, одного из лидеров освободительной борьбы в Индии). Но зачастую мужчины среднего и пожилого возраста описываются с негативной оценкой: использование иронии в словосочетаниях "*looks like a balding baboon*" [8, с. 35] (сравнение с животным), "*bit of a paunch*" [8, с. 420] (употребление слова *paunch,* относящегося к сленгу и носящего юмористический характер). Также заметны высказывания героев и героинь романа, где употреблены словосочетания с прилагательным "old" и сниженной лексикой (*old sod, old bastard*).

Наиболее привлекательными чертами у женщин, как и у мужчин, является молодость и красота. Заметно большое количество прилагательных, относящихся к теме "красота" и имеющих положительную оценку (*pretty, not bad-looking, beautiful, gorgeous)*. Красоту женщин можно описывать с помощью существительных с положительной оценкой (*a looker),* а также сравнений и аллюзий на моделей ("*a body like Jane Birkin*" [8, с. 259]) и певиц ("*looked like Diana Ross*" [8, с. 79]), имеющих влияние на стандарты красоты. Внешность женщин может быть также указана в разных словах и словосочетаниях по темам "фигура" (*decent figure, slim, fit, the figure of a model*; сленговая лексика *all legs,* которая указывает на объективацию женщин), «рост» (*tall*), цвет волос (*blonde;* с помощью упоминания внешности и характера воплощен стереотип о "блондинках"). В высказывании одной из героинь старшего поколения указан стереотип, что для женщины важнее быть красивой, чем умной: "*I've always been clever, <...> but that don't 'elp a woman. It's better to be pretty*" [8, с. 845] (стереотипизация выражается в использовании слова *woman* в значении обобщения, а также с помощью противопоставления прилагательных *clever* и *pretty*). Непривлекательными чертами внешности женщин могут являться особенности лица (использование слова *ravaged* с негативной оценкой "*[face] ravaged by both time and drink*" [8, с. 94]*)*, фигуры (один из героев сравнивает стройную бывшую девушку со своими женами, у которых тело менялось после родов (*to put on about a stone*)). Одежда может показать, насколько женщина успешна, что отображено в речи "*she was marvelous, <…> fashionable*" [8, с. 394] (использование двух прилагательных *marvelous, fashionable* с положительной оценкой), " *<…> dressed like a tart <…> You could tell she wasn't a respectable person*" [8, с. 83] (сленговое слово *tart* противопоставляется словосочетанию *respectable person*, что указывает на негативную оценку внешности и, в целом, личности описываемой героини).

Если рассматривать тему возраста, то, по мнению одного героя старшего поколения, женщины испытывают отрицательные эмоции в связи со старением (в словосочетании "*that worrying about getting old thing*" [8, с. 536] используется слово *worrying* с негативной оценкой). Возраст также может волновать женщин, если речь заходит о замужестве, и это показано в высказывании одной из героинь старшего поколения (" *<...> That was old, then, for finding a husband*" [8, с. 270] –употребление слова *old* вместе с предлогом *for* и существительного *husband* указывает на то, что существовал подходящий возраст, когда женщина должна была выйти замуж). Возраст, по мнению одного мужского персонажа, влияет на черты характера,

поэтому пожилые женщины легко поддаются убеждению ("*Old women <…> are a bit too persuadable*" [8, с. 683]; форма множественного числа слова *women* использована в значении обобщения). В ходе анализа было отмечено несколько примеров описания пожилой женщины с негативной оценкой (использование прилагательного *sour* с отрицательным значением в словосочетании *sour old lady* и использование сниженной лексики в фразе *old bitch*).

4. Работа. В высказываниях героев романа можно обнаружить то, что мужчины представлены как хорошие работники (*good at the job, good officer/copper*), успешных мужчин оценивают положительно (*a high-flier*), а неуспешным представителям мужского пола дают отрицательную оценку (*crap at job, to fail*). Работа является важной частью жизни мужчин, например, в высказывании "*if I lose this job… <...> I lose fuckin' everything*" [8, с. 335] слово *job* приравнивается к слову *everything*, которое имеет значение обобщения.

Заметны изменения в гендерном разделении труда, поэтому стереотип о том, что профессия «врач» является только мужской профессией, отображен в высказываниях только старшего поколения, например, "*my GP's no use <…> Woman*" [8, с. 206], но, по мнению некоторых героев романа, определенные профессии до сих пор являются типично мужскими, например, это заметно в словосочетании *to do a man's job*, которое употреблено по отношению к главной героине Робин Эллакотт, стремящейся стать детективом и заниматься поимкой преступников. По мнению героини старшего поколения, есть профессии, которые выглядят привлекательно в глазах мужчин, что отображено в высказывании "*Men love nurses*" (используется глагол *love* с положительной оценкой) [8, с. 852]. В речи старшего поколения заметно то, что раньше женщины занимались домом и детьми, а не строили карьеру наравне с мужчинами, что отображено в словосочетаниях *to stay at home, to look after [baby]*, "*a woman's place was at home with her children*" [8, с. 100]. Хотя сейчас женщины работают наравне с мужчинами, стереотип о том, что семья для женщины важнее работы, остался, что видно по высказываниям героинь, передающих суждения некоторых мужчин молодого поколения (*to guilt out of the career;* "*all my fault… working… too hard <…> not to put the baby first*" [8, с. 467] (использование слов *to guilt* и *fault* с негативной оценкой, использование слова *baby*, которое относится к теме «семья»)).

Таким образом, в романе Дж. К. Роулинг "Troubled Blood" гендерные стереотипы определяются несколькими темами («семья», «характер», «поведение», «интеллект», «внешность», «возраст», «работа») и могут быть переданы через эмоционально-окрашенную лексику, слова, составляющие темы, а также лексические единицы, выражающие мужской и женский гендеры, в особенности со значением обобщения (man/men/male, woman/women). С помощью лексики, отображающей гендерные стереотипы, созданы образы мужчин и женщин, которые могут иметь негативную или положительную оценки. В романе "Troubled Blood" представлено британское общество в разное время (2010-е и 1974 г.), поэтому становится возможным рассмотреть то, как герои произведения, принадлежащие к старшему и молодому поколениям, оценивают гендеры.

В целом, мужской гендер показан отрицательно с точки зрения женщин и мужчин разных поколений, и это передано с помощью лексики с негативной оценкой. В высказываниях героев и героинь отображены различные мужские образы, порицаемые обществом («изменщик»; «агрессор»; «маменькин сынок»; в женских высказывании образ «мачо» также становится отрицательным); говорящие часто используют сниженную лексику, а также сравнения с животными в отрицательном значении при оценивании мужчин. Стоит отметить, что позитивным может считаться образ умного успешного молодого и красивого мужчины, который обладает внутренней силой и сдержанностью.

Женские образы в романе "Troubled Blood" оцениваются положительно, за исключением создаваемых образов «мать-наседка» и «феминистка», которые представлены с помощью лексики с негативной оценкой. Преимущественно люди старшего поколения отрицательно характеризуют эти образы. В отношении женщин

некоторые стереотипы могут существовать долгое время, например, малое количество лексики с положительной оценкой на тему «интеллект», частое употребление лексики, связанной с низкими умственными способностями, большое количество лексики на тему «красота», высказывания героинь старшего поколения о важности красоты – все это указывает на то, что существует стереотип о ценности красоты и несовместимости выдающихся внешних данных с интеллектом. Также некоторые стереотипы о женщинах могут медленно изменяться, например, стереотип о том, что женщине не нужно строить карьеру отображен в высказываниях мужчин старшего поколения и суждениях некоторых героев молодого поколения. Но, в целом, образ независимой и самостоятельной женщины, который представлен в высказываниях людей разных поколений, позитивен, что может указать на переход от традиционной модели фемининности к эгалитарной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лушникова, Г. И. Реализация категории фрагментарности в романе Роберта Гэлбрейта "Дурная кровь" / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Филология и человек. – 2021. – № 4. – С. 179-188. – DOI 10.14258/filichel(2021)4-16. – EDN EEJKAQ.

2. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под. ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004.

3. Полевая И. В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ) : автореф. дис. … канд. фил. наук : 10.02.19 / Полевая Ирина Владимировна – Москва, 2014. – 21 с.

4. Гендерные стереотипы/Словарь гендерных терминов [Эл. Ресурс]. URL: http://www.owl.ru/gender/042.htm (дата обращения: 17.05.2024)

5. Горохова Акимцева, Ю. В. Особенности вербализации гендерных стереотипов в англоязычном рекламном дискурсе / Ю. В. Горохова Акимцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, № 10. – С. 3255-3260. – DOI 10.30853/phil20220549. – EDN BAHRDE.

6. Бакулин, М. А. Гендерные стереотипы в концептосфере современного детективного романа / М. А. Бакулин // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17, № 3. – С. 127-131. – EDN OYCYJL.

7. Городникова, М. Д. Гендерные аспекты детектива в контексте массовой культуры / М. Д. Городникова // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Третьей международной конференции. – М., 2003. – С. 34-35.

8. Galbraith. R. Troubled Blood [Эл. Ресурс]. URL: https://ebook-hunter.org/troubled-blood-by-robert-galbraith_5f61ac5b2533b97c07cc4fe5/ (дата обращения: 17.05.2024)

УДК 81-114.4

СОДЕРЖАНИЕ И ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «РОДИНА» И «ПАТРИОТИЗМ» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЛИДЕРОВ РОССИИ И КИТАЯ

Павлова Елена Касимовна
Доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
E-mail: helen_pavlova@hotmail.com

В данной работе представлены результаты сравнительного исследования репрезентации содержания концептов «Родина» и «патриотизм» в политическом дискурсе Президента Российской Федерации В. В. Путина и председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. Материалом исследования послужили тексты официальных выступлений лидеров России и Китая за период с 2014 по 2024 год. Были использованы методики корпусного, статистического и сопоставительного анализа с привлечением методов прагмалингвистики и когнитивной лингвистики. В речи В. В. Путина и Си Цзиньпина выявлена лексическая репрезентация понятийного, эмоционально-оценочного и ассоциативного содержания концепта «Родина» и понятийного содержания концепта «патриотизм». Выявлены различия в репрезентации компонентов исследованных концептов в речи лидеров России и Китая. Показано, что различия обусловлены как культурно-историческими, так и прагматическими факторами.

Ключевые слова: политический дискурс, концепт, Родина, патриотизм, Россия, Китай, сопоставительный анализ, лексика

CONTENT AND LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPTS OF "MOTHERLAND" AND "PATRIOTISM" IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE LEADERS OF RUSSIA AND CHINA

Pavlova Elena Kasimovna
Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of English for humanities faculties of the Faculty of
Foreign Languages and regional studies of Lomonosov
Moscow State University
E-mail: helen_pavlova@hotmail.com

This paper presents the results of a comparative study of representation of the content of the concepts “Motherland” and “patriotism” in the political discourse of the President of the Russian Federation V.V. Putin and the Chairman of the People’s Republic of China Xi Jinping. The texts of official speeches by the leaders of Russia and China for the period from 2014 to 2024 were used as the research material. Methods of corpus, statistical and comparative analysis were used with application of methods of pragmalinguistics and cognitive linguistics. In the speech of V.V. Putin and Xi Jinping, a lexical representation of the conceptual, emotional-evaluative and associative content of the concept “Motherland” and the conceptual content of the concept “patriotism” was revealed. Differences in the representation of the components of the studied concepts in the speech

of the leaders of Russia and China were revealed. It is shown that the differences are due to both cultural-historical and pragmatic factors.

Keywords: political discourse, concept, Motherland, patriotism, Russia, China, comparative analysis, vocabulary

*****

Концепты «Родина» и «патриотизм» тесно связаны в своем понятийным содержании, однако в ситуативном политическом дискурсе их эмоциональная оценка и ассоциативный ряд могут различаться у представителей разных политических партий и граждан с разными политическими взглядами. Так, в дискурсе либерального глобализма концепт «Родина» объявляется малозначимым и даже устаревшим, а концерт «патриотизм» приобретает отрицательной коннотации, ассоциируясь с нацизмом и фашизмом. В дискурсе же партий, политических движений и государств, отвергающих диктат Запада и строящих многополярный мир, концепты «Родина» и «патриотизм» лежат в основе миропорядка, являются базовыми в языковых картинах мира, имеют ярко выраженные положительные коннотации, ассоциируясь с концептами «свобода» и «справедливость».

Именно к таким странам относится Россия и Китай. Не только официальные лица и правящие партии России и Китая активно проводят политику суверенизации и патриотизма, но и подавляющее большинство населения наших стран поддерживает эту политику, проявляет патриотизм и любовь к своей Родине. Тем не менее, культурно-исторический фон, особенности текущего политического положения и насущные задачи, стоящие перед Россией и Китаем, имеют существенные различия, которые находят отражение в особенности понятийного, эмоционально-оценочного и ассоциативного содержания концептов «Родина» и «патриотизм» в языковых картинах мира России и Китая.

Российско-китайское сотрудничество находится на беспрецедентно высоком уровне и является основной движущей силой становления нового, более справедливого многополярного мира. В связи с этим, задача гармонизации российско-китайского политического дискурса как никогда актуальна, поскольку дисгармония дискурса, понимаемая как неправильная, неоднозначная, неполная передача информации и неадекватная, нежелательная или непредсказуемая эмоциональная реакция на нее [1], может стать препятствием для конструктивного сотрудничества. Выявление различий в содержании базовых концептов политического сознания, таких как «Родина» и «патриотизм» является необходимым условием гармонизации политического дискурса.

Концепты «Родина» и «патриотизм» лежат в основе национальной политической концептосферы. А.П.Чудинов дает следующие определения этих понятий: «*концепт* – это единица сознания (ментальная единица), которая обозначается словом (фразеологизмом, составным наименованием и др.). Наибольший интерес для науки представляют концепты, отражающие важнейшие элементы национального политического сознания. Совокупность таких концептов образует политическую *концептосферу*, в которой концентрируется политическая культура нации. Содержание концепта значительно шире содержания, обозначающего данный концепт слова (термина), поскольку в содержание концепта входят не только понятийные, но и эмоциональные, ценностные, культурно-исторические и образные компоненты» [2].

Понятийные, эмоционально-оценочные и ассоциативно связанные культурно-исторические компоненты концепта находят своё лексическое выражение в дискурсе. В свою очередь, анализируя используемые в дискурсе лексемы можно восстановить структуру и содержание концепта в сознании участников дискурса. В данной статье предпринята попытка такого исследования на примере текстов публичных выступлений Президента Российской Федерации В. В. Путина и председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина за период с 2014 года

по 2024 год.

Концепты «Родина» и «патриотизм» в российской концептосфере

В качестве текстового материала для исследования были выбраны: публикации текстов выступлений В. В. Путина на официальном сайте Президента Российской Федерации [3-9], на сайте ИТАР ТАСС [10] и на сайте РИА Новости [11], видеохостинге «Смотрим.ру» [12,13].

Были выделены лексемы, обозначающие основные компоненты понятийного, эмоционально-оценочного и ассоциативного содержания концепта «Родина» и проведён анализ частотности их употребления в речи.

В качестве лексем, употребляемых в речи В. В. Путиным для обозначения компонентов понятийного содержания, были выявлены следующие слова: **семья, история, страна, народ, культура, язык** и **природа.** В таблице 1 приведены данные о частотности употребления этих лексем.

Таблица 1

Лексическая репрезентация понятийного компонента концепта «Родина» в речи В. В. Путина

Компоненты понятия «Родина»	**Количество вхождений в речь В.В.Путина**
Семья	17
История	12
Страна	8
Народ	7
Культура	3
Язык	3
Природа	1
Всего вхождений:	**51**

Примечательно, что на первых двух местах по частоте употребления оказались слова **семья** и **история**, в то время как, казалось бы, главные компоненты понятия «Родина» – страна и народ – оказались на третьем и четвёртом местах с отрывом от лидеров почти в 2 раза. Этот факт можно объяснить воздействием двух типов факторов: социокультурных и прагматических.

Рассматривая социокультурные особенности картины мира в массовом сознании россиян, можно отметить, что метафоризация понятия «Родина» часто происходит через понятие семьи и семейных отношений (Родина-мать, семья народов России, сыновья и дочери нашей Родины, братья и сёстры и т. п.). Однако есть и прагматические причины особого внимания Президента РФ к семье в контексте патриотического дискурса. В своих выступлениях он постоянно подчёркивает роль России как оплота традиционной семьи и семейных ценностей перед лицом агрессивных попыток разрушения семьи, государства и любви к Родине со стороны западного глобализма. Таким образом, сочетание этих двух однонаправленных факторов и обусловило столь частое упоминание слова **семья** в современном политическом дискурсе В. В. Путина.

История родной страны также является неотъемлемым компонентом понятия «Родина». И частое употребление слова **история** в современном политическом дискурсе руководства Российской Федерации также связано с актуальностью вопроса о сохранении и распространении правды об истории России и её роли в мировой истории в условиях тотальной антироссийской пропагандистской кампании, проводимой Западом в глобальных СМИ. В иной политической ситуации на первые места по частотности репрезентации, скорее всего, вышли бы компоненты **страна** и **народ**.

В таблице 2 представлены результаты исследования частотности репрезентации в речи В. В. Путина лексем, номинирующих чувства и побуждения в отношении Родины, которые характеризуют эмоционально-оценочное содержание данного концепта.

Таблица 2

Лексическая репрезентация эмоционально-оценочного компонента концепта «Родина» в речи В. В. Путина

Чувства и побуждения	**Количество вхождений в речь В.В.Путина**
Единение со своим народом	11
Любовь к Родине	7
Защита родины	3
Гордость за народ	3
Защита культуры	3
Защита народа	2
Благодарность народу	2
Защита родного языка	2
Защита традиций	2
Уверенность в Родине	1
Долг перед Родиной	1
Защита страны	1
Единение со страной	1
Уважение к культуре	1
Всего вхождений:	**40**

Логично было предположить, что на первом месте по частоте репрезентации окажутся чувство любви к Родине и побуждение её защищать, но наиболее часто В. В. Путин говорил о чувстве единения с народом и единстве народа России. Очевидно, это прагматически обусловлено насущной задачей сохранения и укрепления единства российского общества в противовес попыткам Запада расколоть его по национальным, религиозным, возрастным, имущественным и другим признакам.

В таблице 3 представлены результаты исследования ассоциативного поля концепта «Родина», представленного в политическом дискурсе В. В. Путина.

Таблица 3

Лексическая репрезентация ассоциативного компонента концепта «Родина» в речи В. В. Путина

Ассоциативные связи концепта «Родина»	**Количество вхождений в речь В.В.Путина**
Суверенитет	11
Ценности	3
Развитие	3
Справедливость	2
Воспитание	2
Политика	2
Государство	2
Патриотизм	1
Духовность	1
Нравственность	1
Свобода	1
Нация	1
Экономика	1
Безопасность	1
Всего вхождений:	**32**

Можно было ожидать, что непосредственно связанные с концептом «Родина» концепты «патриотизм», «нация», государство», «политика» и т. п. окажутся среди наиболее часто упоминаемых в патриотическом политическом дискурсе Президента РФ. Но статистика репрезентации в речи В. В. Путина концептов, ассоциированных с концептом «Родина», показала, что с большим отрывом

лидирует концепт «суверенитет», затем следуют «ценности», «развитие» и «справедливость», а только потом вышеперечисленные концепты. Объясняется это, очевидно, насущностью отстаивания и укрепления суверенитета России (как и других государств) для разрушения гегемонии Запада и формирования нового, более справедливого миропорядка. Таким образом, причина повышенной частоты репрезентации ассоциативной связи концептов «Родина» и «суверенитет» имеет прагматический характер.

Результаты статистического анализа репрезентации понятийного компонента концепта «патриотизм» в речи В. В. Путина представлены в таблице 4.

Таблица 4

Лексическая репрезентация понятийного компонента концепта «патриотизм» в речи В. В. Путина

Компоненты концепта «патриотизм»	**Количество вхождений в речь В.В.Путина**
Зашита Родины	35
Верность Родине	31
Вера и ценности	26
Процветание страны и народа	25
История	18
Солидарность народа	16
Культура и традиции	11
Лояльность к власти	4
Всего вхождений:	**166**

Частотное распределение лексической репрезентации компонентов понятия «патриотизм» вполне соответствует ожидаемому: **защита Родины** и **верность Родине**, но отрыв от следующих компонентов невелик. Несколько неожиданным может показаться низкая частотность репрезентации лояльности к власти, но этот эффект можно объяснить двумя причинами:

во-первых, в массовом сознании россиян Родина и государственная власть всегда были разделены, а часто и находились в серьёзном противоречии. Но, даже находясь в оппозиции к власти, россиянин может и должен любить свою Родину и становиться на её защиту;

во-вторых, В. В. Путин имеет настолько широкую и стабильную поддержку в российском обществе, что, видимо, не считает нужным акцентировать внимание на вопросах лояльности российского народа к его правительству и проводимой им политике.

Концепты «Родина» и «патриотизм» в китайской концептосфере

В качестве текстового материала для исследования были выбраны: публикации текстов выступлений Си Цзиньпина на официальном сайте новостей Коммунистической партии Китая [15], официальном сайте Всекитайского собрания народных представителей [16], официальном сайте Госсовета КНР [17], сайте информационного агентства Синьхуа [18], сайте газеты Жэньминь Жибао [19] и новостной странице поисковой системы Байду [14].

Поскольку целью исследования было сопоставление содержания и лексической репрезентации концепта «Родина» в русском и китайском политическом дискурсе, для корректности сопоставления в речи Си Цзиньпина были исследованы понятийные, эмоционально-оценочные и ассоциативные компоненты концепта по той же методике, которая применялась к речи В. В. Путина. В текстах выделялись китайские лексемы, аналогичные или близкие по смыслу лексемам, выделенным в русских текстах. В таблицах 5-8 они даны в переводе на русский язык.

В таблице 5 приведены данные о частотности употребления лексем, номинирующих компоненты понятийного содержания концепта祖国 (Родина).

Таблица 5

Лексическая репрезентация понятийного компонента концепта «Родина» в речи Си Цзиньпина

Компоненты понятия «Родина»	**Количество вхождений в речь Си Цзиньпина**
История	11
Культура	9
Цивилизация	8
Природа	5
Народ	5
Страна	5
Семья	1
Язык	1
Всего вхождений:	**45**

Статистика репрезентации понятийных компонентов концепта «Родина» в речи Си Цзиньпина заметно отличается от статистики, представленной в таблице 1. Более того, на третьем месте по частоте репрезентации находится представление о Китае как о цивилизации – этот компонент в проанализированных текстах речей В. В. Путина не представлен. На первых местах по частотности репрезентации находятся компоненты **история**, **культура** и **цивилизация**. Компоненты эти тесно взаимосвязаны. Китай ощущает себя как отдельную, древнюю и могучую цивилизацию, гордится многотысячелетней историей и своей самобытной культурой. Поэтому вполне естественно, что культурно-исторические факторы выдвигают эти компоненты понятия «Родина» на первый план.

В таблице 6 представлены результаты исследования частотности репрезентации в речи Си Цзиньпина лексем, номинирующих чувства и побуждения в отношении Родины, которые характеризуют эмоционально-оценочное содержание данного концепта.

Таблица 6

Лексическая репрезентация эмоционально-оценочного компонента концепта «Родина» в речи Си Цзиньпина

Чувства и побуждения	**Количество вхождений в речь Си Цзиньпина**
Уважение к культуре	9
Единение со своим народом	6
Любовь к Родине	6
Единение со страной	6
Гордость за народ	5
Долг перед Родиной	4
Защита народа	3
Защита культуры	2
Защита родины	1
Защита страны	1
Защита родного языка	1
Защита традиций	1
Уверенность в Родине	1
Всего вхождений:	**46**

Можно заметить, что тема защиты Родины менее актуальна для лидера Китая, чем для лидера России, что вполне ожидаемо в современной политической ситуации.

В таблице 7 представлены результаты исследования ассоциативного поля концепта «Родина», представленного в политическом дискурсе Си Цзиньпина.

Таблица 7

Лексическая репрезентация ассоциативного компонента концепта «Родина» в речи Си Цзиньпина

Ассоциативные связи концепта «Родина»	**Количество вхождений в речь Си Цзиньпина**
Развитие, модернизация	11
Патриотизм	9
Экономика, торговля	9
Нация	4
Партия	4
Безопасность	3
Духовность	2
Суверенитет	2
Политика	2
Нравственность	1
Справедливость, равенство	1
Воспитание	1
Ценности	0
Государство	0
Свобода	0
Всего вхождений:	**49**

Статистика лексической репрезентации ассоциативного поля концепта «Родина» в речи Си Цзиньпина существенно отличается от таковой в речи В. В. Путина. Если Президент РФ акцентирует внимание на **суверенитете**, то главными концептами, ассоциированными с концептом «Родина» в речи лидера Китая являются **развитие**, **патриотизм** и **экономика**. По-видимому, это связано с тем, что Китай, в отличие от России, сумел избежать кризиса суверенитета, характерного для России 90-х годов прошлого века, последствия которого заставляют руководство современной России уделять особое внимание укреплению суверенитета страны.

Актуальность для современного Китая **развития** экономики, **процветания страны и её народа**, ещё более явно демонстрирует статистика лексической репрезантации в речи Си Цзиньпина содержания концепта «патриотизм», представленная в таблице 8.

Таблица 8

Лексическая репрезентация понятийного компонента концепта «патриотизм» в речи Си Цзиньпина

Компоненты концепта «патриотизм»	**Количество вхождений в речь Си Цзиньпина**
Процветание страны и народа	34
Солидарность народа	14
Вера и ценности	13
Верность Родине	11
Зашита Родины	11
Лояльность к власти	11
История	10
Культура и традиции	2
Всего вхождений:	**106**

В то же время, частотность репрезентации компонентов **защита Родины** и **верность Родине** в речи Си Цзиньпина, в отличие от речи В. В. Путина, относительно низка, что можно объяснить прагматикой текущего момента. Китай, в отличие от России, пока не находится в состоянии вооружённого противостояния с врагом, но активно готовится к такому противостоянию, развивая и укрепляя свою экономическую мощь.

Сходства и различия содержания концептов «Родина» и «патриотизм» в российской и китайской концептосферах

Сравнительный анализ полученных статистических данных удобнее всего проводить на основании их графического представления. На Рисунок 1, 2 и 3 представлены сравнительные диаграммы статистического распределения репрезентации понятийных, эмоционально оценочных и ассоциативных компонентов концепта «Родина» в речи В. В. Путина и Си Цзиньпина.

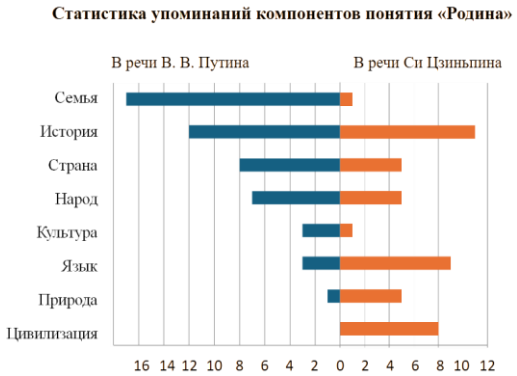

Рисунок 1 - Сопоставление репрезентации понятийного компонента концепта «Родина» в речи В. В. Путина и Си Цзиньпина

Рисунок 2 - Сопоставление репрезентации эмоционально-оценочного компонента концепта «Родина» в речи В. В. Путина и Си Цзиньпина

Рисунок 3 - Сопоставление репрезентации ассоциативного компонента концепта «Родина» в речи В. В. Путина и Си Цзиньпина

Результаты сопоставительного анализа лексической репрезентации понятийного содержания концепта «патриотизм» представлены в виде диаграммы на Рисунок 4.

Рисунок 4 - Сопоставление репрезентации понятийного компонента концепта «патриотизм» в речи В. В. Путина и Си Цзиньпина

Поскольку общее количество вхождений представленных лексем в речь В. В. Путина и Си Цзиньпина существенно различно (160 и 106 соответственно), на диаграмме представлены данные относительной частоты употребления лексем в процентах к их суммарному количеству.

Результаты исследования лексической репрезентации содержания концептов «Родина» и «патриотизм» в современном политическом дискурсе лидеров России и Китая показало, что:

1. Основные компоненты понятийного, эмоционально-оценочного и ассоциативного содержания концептов в российской и китайской концептосферах в целом совпадают.
2. В дискурсе В. В. Путина и Си Цзиньпина наблюдается смещение акцентов, выражающееся в различной частотности репрезентации этих компонентов концептов в речи.
3. Акцентирование тех или иных компонентов обусловлено как социокультурными особенностями (как, например, особое внимание к истории своей цивилизации в дискурсе лидера Китая), так и прагматическими факторами (как, например, особое внимание лидера России к вопросам защиты суверенитета в условиях вооружённого противостояния).

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова Е.К. Проблемы взаимопонимания в глобальном политическом дискурсе. М., «МАКС-Пресс», 2012, С. 8.
2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2006, С. 43.
3. Путин В.В. Новогоднее обращение к гражданам России 31 декабря 2023 года, URL:http://www.kremlin.ru/events/president/news/73200
4. Путин В.В. Выступление на пленарной сессии Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 года, URL:http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863
5. Указ об объявлении 2024 года в Российской Федерации Годом семьи подписан Президентом 22 ноября 2023 года, URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73297
6. Путин В.В. Встреча с участниками и победителями всероссийских семейных конкурсов 23 января 2024 года, URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73295
7. Путин В.В. Видеообращение к участникам и гостям Всероссийского военно-патриотического юнармейского слёта 9 декабря 2023 года, URL: http://kremlin.ru/events/president/news/72937
8. Путин В.В. Выступление главы государства на XXI съезде партии «Единая Россия» 17 декабря 2023 года, URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73013#sel=8:1:1vC,8:74:gcf;9:35:Ugh,9:72:jTj

9. Путин В.В. Видеообращение к участникам заседания Совета глав правительств СНГ 18 декабря 2023 года, URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73014#sel=7:1:Cfa,9:66:ceh

10. «Путин назвал патриотизм, любовь к семье и Родине главными чертами российского общества», ИТАР ТАСС, 18 июня 2020 года, URL: https://yandex.ru/turbo/tass.ru/s/obschestvo/8765261

11. «Путин назвал любовь к Родине священным чувством», РИА НОВОСТИ, 8 декабря 2022 года, URL: https://yandex.ru/turbo/ria.ru/s/20221208/patriotizm-1837194290.html

12. Путин В.В. Видеоконференция с представителями СМИ, 10.2.2021, URL: https://player.smotrim.ru/iframe/video/id/2237713/start_zoom/true/showZoomBtn/false/sid/smotrim/mute/true/?acc_video_id=2347496

13. Путин В.В. Интервью программе "Москва. Кремль. Путин" 10.5.2020 года URL: https://smotrim.ru/video/2023859

14. «Выступление Си Цзиньпина на видеоконференции Всемирного экономического форума 2022 года», URL: https://mr.mbd.baidu.com/r/1i01WgNzHdS?f=cp&u=2efcf90ba0e708bb

15. Официальный сайт новостей Коммунистической партии Китая, URL: http://cpc.people.com.cn

16. Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей, URL: http://www.npc.gov.cn/npc/

17. Официальный сайт Госсовета КНР, URL: https://www.gov.cn/

18. Сайт информационного агентства Синьхуа, URL: http://www.xinhuanet.com/

19. Сайт газеты Жэньминь Жибао, URL: https://m.gmw.cn/

УДК 811.11

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ФУНКЦИИ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ РЯДОВ СЛОВОФОРМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ЯШИНА

Перепелицына Юлия Ростиславовна
Преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат филологических наук,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, Россия
https://orcid.org/0000-0001-7391-9892
E-mail: perepelitsyna_yuliya@mail.ru

Хатагова Светлана Викторовна
Преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, кандидат педагогических наук,
Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь, Россия
https://orcid.org/0000-0001-9691-1914

Желябова Ирина Викторовна
Доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук ,
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия
https://orcid.org/0009-0003-3912-166X

В статье анализируется функционирование сочинительных рядов словоформ в художественных произведениях представителя «деревенской прозы» А. Яшина. Авторами статьи подчеркивается, что сочинительные ряды словоформ в прозе писателя являются экспрессивным языковым средством, т.к. на ряду с информативной функцией они выполняют и функцию воздействия на адресата. В художественных произведениях А. Яшина синтаксические конструкции с сочинительными рядами разнообразны, как и способы сочинения, которые в них использованы: бессоюзные и союзные конструкции с различными типами союзов, предложения с однородными членами, слова близкой семантики, выполняющие усилительную функцию, градация, антитеза, сравнительные конструкции, дифференцирующие члены предложения, повтор, парцелляция, текстообразующая функция сочинительных рядов.

Ключевые слова: сочинительный ряд, словоформа, семантика, градация, экспрессивное значение, антитеза, парцелляция, повтор.

EXPRESSIVE FUNCTIONS OF THE COMPOSITIONAL SERIES OF WORD FORMS IN THE WORKS OF A. YASHIN

Perepelitsyna Yuliya Rostislavovna
The teacher of chair of social and economic and humanitarian disciplines, the candidate of pedagogical sciences
Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation,
Stavropol, Russia
https://orcid.org/0000-0001-7391-9892
E-mail: perepelitsyna_yuliya@mail.ru

Khatagova Svetlana Viktorovna
The teacher of chair of social and economic and humanitarian disciplines, the candidate of pedagogical sciences,
Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation,
Stavropol, Russia
https://orcid.org/0000-0001-9691-1914

Zhelyabova Irina Viktorovna
Candidate of Philology,
The senior lecturer of chair of Russian language,
North Caucasian Federal University,
Stavropol, Russia
https://orcid.org/0009-0003-3912-166X

the article analyzes the functioning of the compositional series of word forms in the works of art of the representative of "village prose" A. Yashin. The authors of the article emphasize that the compositional series of word forms in the writer's prose are an expressive linguistic means, because along with the informative function, they also perform the function of influencing the addressee. In the works of art by A. Yashin, syntactic constructions with compositional rows are diverse, as are the methods of composition used in them: non-union and allied constructions with various types of unions, sentences with homogeneous members, words of similar semantics performing an amplifying function, gradation, antithesis, comparative constructions, differentiating sentence members, repetition, parcellation, text-forming the function of the composition series.

Keywords: composition series, word form, semantics, gradation, expressive meaning, antithesis, parcellation, repetition.

*****

Результаты исследования текстов художественной литературы позволяют отметить, что экспрессивность выработала разнообразные способы и средства для своей материализации в языке. Автор художественного произведения в соответствии со своими эмоциями и намерениями воздействовать на чувства и эмоции адресата строит из языкового материала текст и наполняет его необходимой экспрессивной интонацией [4].

В данной статье экспрессивные функции сочинительных рядов словоформ рассматриваются на примере художественных произведений А. Яшина, многоаспектное изучение и актуализация творчества которого не подлежат сомнению: именно А. Яшин является основоположником такого значимого направления в советской литературе, как «деревенская проза». Анализ художественных текстов А. Яшина показал, что в них содержится большое количество разнообразных экспрессивных языковых средств, которые способствуют реализации творческого замысла писателя. Одним из таких средств являются и сочинительные ряды словоформ. Но, несмотря на то, что в произведениях А. Яшина сочинительные ряды используются достаточно активно, среди отечественных исследований отсутствуют работы, посвященные изучению сочинительных рядов словоформ в художественной прозе писателя. Между тем анализ творческого наследия А. Яшина показал, что автор для воссоздания художественной действительности использует широкое разнообразие функциональных, семантических, структурных и грамматических разновидностей данных конструкций, которые, прежде всего, являются экспрессивным языковым средством. Это определяет **актуальность** данного научного исследования.

Проблеме использования сочинительных рядов словоформ и их функций посвящены научные работы Н. С. Валгиной [1], И. А. Зубковой [2], М. Ю. Глазковой [2], Ю. Д. Каражаева [4]. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что «конструкции экспрессивного синтаксиса обладают не только информационной функцией, но и функцией воздействия» [1]. По мнению И.А. Зубковой, «сочинительные ряды обстоятельственных словоформ служат эмоционально-экспрессивным стилистическим средством, используемым адресантом для определённых прагматических целей, для активного воздействия на адресата» [1, с. 181].

Объектом данного исследования являются сочинительные ряды словоформ в художественной прозе А. Яшина, ***предметом –*** способы их реализации в произведениях писателя.

Авторы данной статьи доказывают, что сочинительные ряды словоформ являются экспрессивным языковым средством в произведениях А. Яшина, т.к. на ряду с информативной функцией они выполняют и функцию воздействия на адресата – это и является **целью** данной статьи.

В процессе исследования авторами поставлены и решены следующие **задачи:** проанализировать употребление сочинительных рядов словоформ в произведениях А. Яшина, выявить, какие функции они выполняют и посредством каких синтаксических конструкций они становятся экспрессивным языковым средством.

Методы исследования. Для решения поставленных задач и достижения обозначенной в исследовании цели авторами статьи использовался ряд научных методов: методы синтаксического, стилистического и семантического анализа, метод анализа художественных образов, а также метод классификации и контент-анализ.

В художественных текстах А. Яшина наблюдается широкое разнообразие функциональных, семантических, структурных и грамматических разновидностей данных конструкций. К ним относятся:

- однородные члены предложения («*А пришла льнотеребилка, зашумели еще пуще: старая, проржавевшая, плохо налаженная машина больше путала, чем теребила*» [3, с. 52]; «*Они охватывали и поля, и луга, и выпасы, разделяя их и перекрывая все выходы в глухой лес…*» [3, с. 8]);

- повторяющиеся члены предложения («*Потом запустил руку в грязную бороду, поскоблил ее, поскоблил затылок, что означало глубокое раздумье, и, наконец, вынес решение*» [3, с. 8];

- конструкции со значением пояснения («*Мало этого, она еще обняла его и капнула ему на голову, на самую макушку, теплую слезу*» [3, с. 9]; «*Прямо против входа стояла кучка ребятишек, сверстников Павлуши*» [3, с. 15]).

Способы сочинения в таких конструкциях также весьма разнообразны: среди них могут быть как бессоюзные конструкции («*На полушубке завозилась курносенькая Нюрка, привстала, потерла ручонкой глаза, нос…*» [3, с. 15]) так и союзные, связанные различными типами союзов (соединительными: «*Бабушка ахала и охала*» [3, с. 12]; противительными: «*Шурка отца помнить не мог, но по рассказам бабушки представлял его солдатом…*» [3, с. 18], присоединительными («*Если бы только раз а неделю, ну, на худой конец, два раза, а то ежевечернее, да по одним и тем же местам*» [3, с. 81], разделительными («*Собачка не унималась, кидаясь то на директора школы, то на его лошадь*» [3, с. 55]; «*Особенно истощали и мучили ее чирьи под мышками, из-за которых она не могла ни поднимать, ни опускать рук*» [3, с. 10]).

Наиболее часто в художественных произведениях А. Яшина встречаются однородные члены предложения в функции сказуемого, дополнения и определения, выраженные существительными, глаголами и прилагательными и связанные союзной («*Но он* ***сдержался и заговорил*** *с Нюркой совершенно спокойно…*» [3, с. 52]; «*Живот был до отказа набит* ***щавелем и*** *зелеными* ***дудками»*** [3, с. 8]; «*Вперемежку с иконами висят портреты разных* ***больших и небольших*** *людей*» [3, с. 22] и бессоюзной связью («*Прокофий Кузьмич мог* ***накричать***, ***указать*** *Нюрке на дверь…*» [3, с. 84]; «*На рев вышел … мужчина, босой, в нижних домотканых* ***портках***, *с густыми нечесаными*

***волосами**, с грязной **бородой**…»* [3, с. 7] *«Желание до того сильное, и таким все мне представлялось **простым**, **осуществимым**, **реальным**, что я, наверное, был даже красноречив»* [3, с. 140]), а также ряды повторяющихся лексем (*«Казалось, это были те же пчелки, что и много лет назад, они так же сверлили стекло: **сверлят, сверлят,** а просверлить никак не могут»* [3, с. 31]; *«Да ты **ешь, ешь**! И за батьку своего **ешь**!»* [3, с. 32]. Внутрирядные семантико-синтаксические отношения также весьма разнообразны. Многообразие конструкций порождено разнообразием экспрессивных функций, которые они выполняют: выражают эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к людям, предметам и явлениям. В целом предложения с однородными членами в произведениях А. Яшина придают речи эмоциональную яркость и выразительность.

А. Яшин – основоположник «деревенской прозы», его перу принадлежат повести и рассказы, в которых изображаются яркие самобытные характеры, через которые автор выражает свои мысли и настроения, откликается на все события жизни деревни 1950 – 1970-х годов. Анализ языкового материала его произведений позволяет составить представление не только об индивидуальной манере художника, но и выявить основные закономерности развития экспрессивных средств языка на современном этапе.

Анализ экспрессивных функций сочинительных рядов в повестях и рассказах А. Яшина («Сирота», «Вологодская свадьба», «Подруженька» и др.) позволяет сделать ряд выводов.

Широко представлены в произведениях А.Яшина сочинительные ряды словоформ, включающие слова близкой семантики, которые выполняют усилительную функцию: *«И он подошел к бабушке почти равнодушно, без всякой надежды на успех»* [3, с. 8]; *«Я так полагаю, что и пчелы гибнут, конечно, от порошков, от удобрений этих»* [3, с. 32]. Усиление, заложенное в значении слов (*без всякой надежды, от удобрений этих*), передает внутреннее состояние героев, их личное отношение к описанной автором ситуации.

Экспрессию сочинительных рядов может создавать и перечисление, усиленное градацией: *«Павел слушал и удивлялся: как все просто – **зашел**, **написал** заявление и **получил»*** [3, с. 24]; *«Других держит в страхе и сам постоянно дрожит: вдруг **увидят**, **застанут**, **застукают»*** [3, с. 44]. *«Чего **делите**? Из-за чего **воюете**?»* [3, с. 8]; *«Тут жить **хорошо**, **красиво**, – продолжал Шурка»* [3, с. 15]. В первых двух примерах с помощью градации писатель подчеркнул, насколько поверхностным, безответственным, лживым и изворотливым был Павел. В третьем примере словом «воюете» автор хотел подчеркнуть весь ужас ситуации, в которой дети дрались из-за морковки в голодное послевоенное время. В четвертом примере словом «красиво» писатель передает натуру Шурки, для которого хорошая жизнь была связана не с материальными благами, а с красотой земли, окружающей природы, с гармонией между человеком и окружающим миром. А вот еще один пример: *«Он состоял в разных комиссиях … **следил** за тем, чтобы работали другие, постоянно кого-то **хвалил и выдвигал**, кого-то **отчитывал** – словом, **руководил».*** Здесь лексема «словом» употребляется для более четкого, верного обозначения действия. В художественных текстах А. Яшина встречается градация, указывающая на степень точности определения, наименования, данного говорящим, поэтому, как правило, она выражается не только специальными союзами, но и частицами, модальными словами с опорой на лексическое значение слова: *«Он не только **уважал** его, он **даже восхищался** им»* [3, с. 38].

Экспрессивное значение сочинительных рядов, употребляемых А. Яшиным, иногда усиливается антитезой, которую создает использование антонимов: *«Председатель и Шурка **не сели**, **стояли** друг против друга: **один** рыхлый, **приземистый**, **другой** плотный, **рослый»*** [3, с. 38]. *«Шурка ни разу не слыхал, чтобы кто-нибудь в колхозе **помянул отца не добром**, напротив, его только **хвалили».*** Чаще всего в текстах писателя встречаются контекстуальные антонимы в сочинительных рядах словоформ: *«Он **не робел**, **не пригибал** голову, **не сторонился** встречных ребят и девушек, **шел свободно** в своем рабочем пиджаке…»* [3, с. 39]. В данном примере

с помощью антонимов автор передает сущность характера Шурки, его гордость за то, что он человек земли, простой труженик, без которого земля осиротеет – в этом, прежде всего, его полная противоположность брату Павлу. «*Дед встречал его по-разному:* ***то приветливо****, почти по-родственному,* ***то начинал ворчать*** *и жаловаться и тогда не угощал медом»* [3, с. 32]; «*Гремела* ***страшная*** *и* ***радостная*** *музыка»* [3, с. 20].

В художественных произведениях А. Яшина встречаются примеры, когда автор строит сочинительные ряды на основе «эффекта обманутого ожидания», чем, безусловно, привлекает внимание читателя, нарушая требования логической сопоставимости предметов и понятий [3, с. 40].

Авторское своеобразие использования сочинительных рядов заключается в присоединении сравнительных конструкций. Средствами выражения сравнения могут быть знаменательные слова со значением сходства, подобия, например: «*А на убранных площадках стеной стояли зеленая трава, хвощ и колючки,* ***похожие*** *на кустарники…»* [3, с. 60]; «*На тропинках валялись ощеренные сосновые шишки,* ***похожие*** *на маленьких ежиков»* [3, с. 85]. Однако чаще сравнительные конструкции у А. Яшина присоединяются союзами *как, будто, словно*. Причем сравнение может относиться как к одному из членов ряда: «*Оно было не бледное, а голубовато-белое, как подсиненная наволочка»,* так и ко всему ряду в целом: «*Широкие ворота распахнулись, и в деревню, по дороге из города, вошел танк,* ***огромный и медлительный****,* ***будто слон****, и с таким же слоновьим хоботом»* [3, с. 19]; «*И Павел … вдруг* ***сгибается*** *и* ***начинает униженно улыбаться****, словно* ***милостыню просит»*** [3, с. 44]. Метафоричность сравнения обеспечивает ему образно-характеризующую функцию, способствует приращению экспрессивности сочинительного ряда (или отдельного его члена), вызывает многообразные ассоциативные представления у читателя. Как известно, пресуппозицию сравнения составляет то знание, которое есть в опыте говорящих. Чтобы сказать «Танк огромный и медлительный, как слон», нужно знать, что слон огромный и медлительный. В этом случае на лицо активизация читателя, его способность выстраивать ассоциативный ряд, а также его усилий по восприятию текста.

В произведениях А. Яшина используются дифференцирующие члены, в роли которых выступают обстоятельства со значением времени, места и т.д., указывающие на последовательность проявления признака: «*Одни женщины останавливались у порога, другие проходили вперед, крестились на иконы и тоже начинали плакать –* ***сначала*** *беззвучно, вытирая слезы концами платков и фартуками,* ***потом*** *навзрыд, закрывая лицо руками…»* [3, с. 9]. *Павел* ***поначалу*** *чувствовал себя неловко,* ***а потом*** *осмелел* [3, с. 79] В этом примере использование дифференцирующих членов усиливает то сопоставительное значение, которое выражается сопоставительным союзом *а*. Дифференцирующие члены могут выделять лишь один из членов ряда, при этом указывая, чем один член ряда отличается от другого: «*В целом Павел был доволен, а иногда и счастлив»* [3, с. 33].

В выражении экспрессивного значения может участвовать и такое средство выражения экспрессии, как повтор. Чаще всего повтор А. Яшин использует для передачи эмоционального состояния героя: «*Михайло Лексич слазил в подполье, вынес горшок меду с вощиной, зачерпнул стакан холодной воды … а сам* ***говорил, говорил»****.* Повтор в данном примере передает показывает эмоциональное состояние Михайло Лексеича, который был искренне рад видеть Павлушу и видел в нем не просто взрослого, а даже ученого, важного человека и старался во всем ему угодить. В следующем примере: «*Другие вон бидоны сюда присылают: председателю дай, кладовщику дай, бухгалтеру дай!»* – повтор передает возмущенный тон яшинского персонажа. Но встречаются примеры, когда повтор выполняет усилительную функцию: «*Смутные представления об этом событии отложились … в каком-то дальнем уголке Шуркиной детской памяти и становились все* ***яснее и яснее*** *по мере того, как он взрослел»* [3, с. 20]. В данном примере повтор передает не только степень *ясности*, проясненности, но и постепенность, размеренность и своевременность этого процесса для главного героя, раскрывают особенности формирования личности Шурки.

Ярким средством речевой экспрессии является парцелляция, используемая в некоторых произведениях А. Яшина. Парцелляция как мотивированное обособление дает возможность автору актуализировать значимые компоненты ряда, является своеобразным актуализатором информации: «*Так в шесть лет Павлик понял, что быть сиротой не так уж и плохо. Понял и запомнил*» [3, с. 8]. В данном примере автор, используя сочинительные ряды словоформ, смешивает два приема: повтор и парцелляцию. Эффект от парцелляции усиливается повтором лексемы «понял», что заставляет читателя с осторожностью относиться к данному персонажу, готовит к тому, что Павел не станет положительным героем повести. А вот другой пример: «*Кормят меня почем зря, чем только не кормят, как на убой и все бесплатно. И лечат. И все по часам. Три раза в день дают рыбий жир с витаминами. И разные другие блюда*» [3, с. 86]. Парцелляция в данном случае служит как средство передачи контраста, выполняет функцию некой антитезы: Павла и лечат, причем по часам, и рыбий жир дают, и разные блюда, а он остается таким же расчетливым, неблагодарным и даже наглым.

Представляют интерес случаи продолжения сочинительных рядов в диалогах. Внезапное продолжение сочинительного ряда участником диалога, мысль одного персонажа продолжается в реплике другого – все это придает экспрессивность высказыванию: «- *А что я там буду делать? – спросил Павел. –* ***Отдыхать. Лечиться****. – Как,* ***ничего не делать****?*» [3, с. 68].

Нередко в произведениях А. Яшина сочинительные ряды выполняют текстообразующую функцию. Наличие сочинительных рядов в тексте позволяет при развертывании повествования активизировать восприятие читателя, помогает наиболее точно и полно описать ту или иную ситуацию. «*Павел испуганно сжался, сдвинулся в сторону. Камень словно бы взорвался под ним, вода* ***раздалась****, сердито* ***заклокотала****, белый пар повалил клубами*». Развертывание сочинительного ряда строится на основе различного рода ассоциаций по сходству. Каждый из элементов ряда метафоричен. При этом актуализируется несколько ассоциаций: с одной стороны – вода (раздалась, заклокотала), с другой – сила воды. Семантика сочинительного ряда, его ассоциативное наполнение прогнозирует определенное развитие сюжета.

Таким образом, разнообразие сочинительных рядов и способы сочинения, богатейшие экспрессивные возможности этих синтаксических конструкций умело используются А. Яшиным для достижения полного раскрытия художественного образа, мира произведения, взаимопонимания с читателем, обнажают взгляд на окружающую нас жизнь, способствуют реализациии творческого замысла художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник / Н.С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 426 с.

2. Глазкова М.Ю. Экспрессивный синтаксиси в современной публицистике (на материале русскоязычных и англоязычных аналитических общественно-политических статей). Автореферат дисс. на соискание степени канд.филол.н. Ростов-на-Дону, 2010, 21 с.

3. Зубкова И.А. Коммуникативная организация высказываний с сочинительными рядами обстоятельственных детерминантов с качественно-характеризующим значением // Гуманитарные и социальные науки. 2010.№6. С. 174 – 182.

4. Каражаев Ю.Д., Кулова А.Д. Возникновение и становление языковой экспрессии // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов -на-Дону, 1992.

5. Яшин А.Я. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1972. Т. 2. 300 с.

УДК 81-24

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОВОРОВ XII В.

Сушко Виктория Вадимовна
Аспирант государственного университета «Дубна»
E-mail: vak.sibac@gmail.com

Для изучения языковых особенностей были взяты на рассмотрение 28 текстов заклинаний на среднеанглийском языке, от XII до XV вв. В статье будут рассмотрены морфологические особенности языка с примерами из выбранных текстов. Особое внимание уделяется артиклям, местоимениям, модальным глаголам и системе окончаний глаголов и существительных. Отдельно отметим, какие глагольные формы существовали в среднеанглийском языке XII века. В статье будут рассмотрены отличия определённого и неопределённого артикля, а также их функции, характерные для XII века. Также мы рассмотрим категорию рода в английском языке. Отдельно отметим сходство грамматики среднеанглийского и немецкого языка, например, склонение глаголов и существительных.

Цель статьи – дать наиболее полную картину морфологического уровня среднеанглийского языка.

Методы: работа с текстом, сравнение, анализ.

Ключевые слова: маркеры рода и падежа, артикли, формы глагола.

MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE MIDDLE ENGLISH LANGUAGE: BASED ON THE MATERIAL OF SPELLS OF THE XII CENTURY

Sushko Viktoria Vadimovna
Graduate student of Dubna State University
E-mail: vak.sibac@gmail.com

To study the linguistic features, we looked through 28 spell texts in Middle English, from the XII to the XV centuries. The article will consider the morphological features of the language with examples from selected texts. Special attention is paid to articles, pronouns, modal verbs and the system of endings of verbs and nouns. What is more, we note the verb forms that existed in the Middle English language of the XII century. The article will consider the differences between the definite and indefinite articles, as well as their functions from the point of view of the XII century. We will also consider the category of gender in Middle English. We will also tell about the similarity of the grammar of Middle English and German, for example, the declension of verbs and nouns.

The purpose of the article is to give the most complete picture of the morphological level of the Middle English language.

Methods: working with text, comparison, analysis.

Keywords: markers of gender and case, articles, verb forms.

*****

Все примеры, содержащиеся в данной статье, представляют собой отрывки из среднеанглийских заклинаний XII века. Эмпирический материал для исследования был взят из книги «The Anglo-Saxon charms» [10].

Одной из особенностей английского языка как представителя западногерманской группы являются артикли. В среднеанглийском языке

существовало несколько разновидностей определённого артикля. В современном языке все они представлены единственным вариантом the. Рассмотрим примеры таких вариантов:

þā *hāligan Crīstes rode*
þām *untruman men*
þæt *hēafod*
þe *him þearf sȳ*
þone *man*
þæs *mannes moldan*
sēo *rēade netele*
sē *wīfman*

Такое разнообразие вызвано тем фактом, что в среднеанглийском языке присутствовала категория рода, и определённый артикль указывал на неё. [5] Так, например, артикль sē являлся показателем мужского рода, sēo – женского, а þæt – среднего. Кроме того, артикль указывал и на падеж. Так, þām или þan – показатель дательного падежа. Артикль мог быть и маркером числа. Например, þā указывало как на женский род в винительном падеже, так и на множественное число. Артикль þæt и все его формы допустимы в варианте написания с буквы ð. Следует отметить также, что формы на s- являются более ранними, позже формы на þ- вытеснили их. [6, с. 318] Однако в текстах оба варианта сосуществуют и могут даже присутствовать в одном предложении. Это является доказательством того, что среднеанглийский язык – переходный этап между древним английским и более современным. Определённый артикль (все его формы) мог также выступать как союз или указательное местоимение.

Неопределённый артикль в среднеанглийском языке практически не использовался, в редких случаях можно встретить числительное «один», выполняющее функцию неопределённого артикля.

ān *hrēren-brǣden æg*
āne *grēne gyrde*
ǣnne *stacan*

Артикли в среднеанглийском языке часто опускаются, что говорит об отсутствии чётких правил их постановки. [4] Мы обнаружили использование неопределённого артикля только в значении единичности, что необходимо для такого типа текста, как заговор. Определённые артикли, так же, как и в современном языке, указывают в найденных нами текстах на уникальность предмета или используются в значении «вот этот конкретный предмет».

Разнообразием форм отличаются также и местоимения среднеанглийского языка. Местоимения меняли свою форму в зависимости от рода, числа и падежа. Некоторые из найденных нами местоимений похожи на их современные аналоги.

glæd to ***mē***
hē *byð ānre nihte eald*

Но есть и местоимения, которые почти не сохранили свой прежний вид.

Например, местоимение «их» (родительный падеж, множественное число, а также притяжательное местоимение «их») в среднеанглийском языке представлено формой *heora*:

Dōa in heora mete (добавь в их еду).

Местоимение второго лица, как единственного, так и множественного числа, в найденных нами текстах представлено вариантом þū или ðū:

þonne cweð þū ***ǣrest***

Притяжательное местоимение «твой» в дательном падеже имеет форму þīnum для единственного числа мужского рода, þīne – для множественного числа.

tō þīnum hlāforde

Местоимение женского рода единственного числа в среднеанглийском языке выглядело как hēo в именительном падеже. В родительном падеже (притяжательное местоимение «её») местоимение имело форму hyre:

Þā geœndade hēo

tō hyre hlāforde

Местоимение первого лица единственного числа – ic.

Ic him ōðerne eft wille sœndan

Местоимение третьего лица единственного числа среднего рода – hit.

gif hit hēr inne sȳ

Местоимение третьего лица единственного числа мужского рода в винительном падеже: hine.

bestrīc hine ymnūtan

Местоимение третьего лица множественного числа – hī.

gif hī nellaþ wel wexan

В текстах заговоров нам удалось найти подтверждение существования модальных глаголов в среднеанглийском языке. Так, глагол sceal является аналогом современного глагола shall.

ðū scealt bēon

Слово micht, обозначающее «мощь», также служило модальным глаголом, аналогом современного might.

ne þǣm þe þis galdor begytan mihte

Современный модальный глагол must был образован из прошедшей формы глагола mōte. Этот глагол также включал в себя значения современных модальных глаголов may и might. Инфинитив этого глагола (moten) был также близок по значению к глаголам can, should и have to.

þū ðysne nīð genesan mote!

Глагол wille – аналог современного «will».

Ic him ōðerne eft wille sœndan.

В одном из текстов мы нашли также прошедшую форму глагола can (аналог современного could): *oðde þe þis galdor ongalan cūþe*.

Модальность могла выражаться не только с помощью глагола. Например, часто в найденных нами текстах встречается слово bið, которое, как выясняется при грамматическом анализе, имеет значение may be или shall be. Таким образом, мы видим форму смыслового глагола, включающую в себя значение модальности.

Sōna him bið sēl

Обратим внимание на многообразие предлогов в среднеанглийском языке. Среди предлогов, которые мы обнаружили в текстах исследования, были как разительно отличающиеся единицы, так и полностью соответствующие их современным аналогам.

Например, предлог in в среднеанглийском языке выглядит так же и имеет то же значение: *dōa in heora mete (put in their food)*.

Предлог over имеет другое написание, но его употребление не меняется: *sing ofer fēower mœssan (sing four masses over the herbs)*. Однако здесь следует обратить внимание на то, что предлог ofer в оригинальном тексте не связан с существительным, как в переводе. Поскольку в контексте текста лекарственные травы были перечислены ранее, в среднеанглийском языке допускается использование предлога с опущением существительного. Предлог ofer мы можем наблюдать в значении «beyond» в будущем устойчивом словосочетании *«beyond telling» (ofer eall)*. Значение «over» присуще также предлогу ufan: *ufan þœs mannes moldan (over the man's head)*. Похожий предлог ufon используется в заклинании в противоположном значении: *sete ðǣr ufon on (put them down upon)*.

Ещё один предлог, созвучный с современным аналогом – œt: *œt Regenmelde (at Regenmeld)*. Встречается вариант написания et: *et hēafde (at your head)*. В этом примере примечательно также и то, что местоимение de пишется слитно с существительным и стоит после него.

Почти полностью неизменным остался предлог œfter (after). Значение «after» присуще и древнеанглийскому предлогу syððan, сохранившемуся в одном из среднеанглийских заклинаний: *syððan sunne bēo on setle (after sunset)*.

Кроме того, полностью сохранилось и написание, и значение предлога under: *under eorðan (underground)*.

Полностью сохранилось написание и значение предлога for: *for kernels.*

Предлог on в среднеанглийском языке имеет несколько вариантов употребления, кроме принятого в современном языке аналога. Очень часто этот предлог выступает в значении современного in или into:

drīf on fald (заводить в загон, буквально: «на загон»). Возможно, если в современном языке ключевым аспектом для выбора предлога являются стены, огораживающие пространство загона, то в среднеанглийском языке важна была земля. Этому можно найти историческое объяснение: дополнительная земля в качестве загона представляла ценность в XII веке. Такое же значение «на земле» имеет место в другом заклинании, где описывался город Вифлеем – город, в котором («на земле которого») родился Христос. [9]

Предлог on имеет вариант написания «an»: *an swēoran (on thy neck)*.

В современном устойчивом словосочетании shot in в среднеанглийском языке также используется предлог on: *on fell scoten (shot in skin)*. Иногда это словосочетание используется без предлога: *hægtessan gescot (shot of hags)*.

Предлог on используется также со словами æfen, morgen и niht, в то время как в современном английском языке принято использовать предлог in (in the evening, in the morning) или at (at night). Кроме того, стоит обратить внимание на слово onmiddan, в переводе на современный язык – in the middle.

Также в значении предлога in мы встречаем частицу tō: tō manegum þingon (in many ways).

Большая часть заклинаний и заговоров начинается с предлога wið в значении «for»: *wið hors-wreccunge (for horse's sprain)*. Это созвучно со значением его современного аналога, поскольку в данном контексте имеется в виду не профилактика определённого недуга или явления, а борьба с уже имеющейся проблемой. Однако этот предлог может использоваться и в значении «against» для защиты от чего-то, что ещё не появилось: wið āttru (от ядов). Также, этот предлог может использоваться и в своём современном значении «with»: *gemenged wið meluwe (mixed with flour)*.

В значении with также используется предлог mid, созвучный с современным немецким предлогом mit. Присутствие этого предлога в среднеанглийском языке доказывает родство английского и немецкого языков, их принадлежность к одной языковой группе. Пример: *and gif ðū þās wyrte mid þē hafast* (и если у тебя есть с собой эти травы). Этот предлог включает в себя все значения, входящие в современный предлог with, в том числе и «инструмент действия»: *mid ūtsihte micclum geswœncte (severely scourged with diarrhea)*. Слово þǣrmid раскладывается на два составляющих: with it.

Среди предлогов, не сохранивших первоначальное написание, можем выделить предлог geond. Это один из предлогов винительного падежа. В тексте встречается в значении through: *geond ealne middangeard (through all the world)*. Значение «through» также имеет предлог þurh: *þurh œrn (through the house)*.

Ещё один предлог, утративший первоначальную форму – būtan: *būtan heardan bēaman (except heard trees)*.

Поскольку правила грамматики ещё не были окончательно зафиксированы в среднеанглийском языке, в текстах мы часто встречаем опущение предлога. [7] Например, современная фраза *by another name* в оригинальном тексте звучит как *«ōðrum naman»*. В данном случае падежная форма заменяет предлог. Аналогично, во фразе *ēastan openo* опущен предлог *from (open from the east)*.

Поскольку среднеанглийский языковой период является переходным, в нём ещё встречаются предлоги древнеанглийского языка. Так, например, предлог ongēan в значении «against»: *ongēan dēofol sēocnyssa (от демонической одержимости)*.

В текстах встречаются предлоги и из старого саксонского языка: uppan в значении «above».

Lege þone stān on uppan þām stacan (lay the stone against the stuke)

Система падежей в среднеанглийском языке сильно отличается от современного языка. В английском языке падеж существует только у существительных (common case, possessive case) и у местоимений (subjective case, objective case, possessive case).

Среднеанглийский язык является переходным этапом от четырёхпадежной системы древнеанглийского языка к современной. Постепенно четыре падежа заменяются на два. Старые формы ещё встречаются, особенно часто – в таких текстах, как заклинания и заговоры. Ранее мы уже говорили, что языковые изменения в них происходят не так быстро, как в литературном языке. Это объясняется типом текста: заговор – это своего рода формула, которая должна оставаться неизменной как можно дольше. Кроме того, заговоры и заклинания – это тексты народного творчества, принадлежащие, в основном, низшим слоям населения. Следовательно, удобство и верность языковым привычкам здесь превалируют над новыми правилами.

Так, вместо притяжательного падежа мы часто встречаем родительный:

Crīstes rode

Также значение принадлежности может выражаться и другими способами:

Wið hors-wreccunge (for a horse's sprain) – два слова в именительном падеже соединены дефисом, показывающим зависимость одного от другого.

wyrta mōdor (mother of herbs) – в этом примере мы также наблюдаем два слова в именительном падеже, одно из которых грамматически является дополнением, однако сохраняет значение принадлежности.

on middan þām ymbhagan (on the middle of the hedge) – этот пример аналогичен предыдущему, но слова здесь даны в обратном порядке: главное слово стоит первым, а зависимое, играющее роль дополнения, дано после без предлога.

Падежи в среднеанглийском языке были у всех именных частей речи, в том числе и у прилагательных. Так, в примере *syle etan þām untruman men (give it the afflicted person to eat)*, прилагательное стоит в дательном падеже.

Следует также отметить, что окончания существительных и прилагательных так же, как и в немецком языке, зависели не только от рода, числа и падежа, но и от склонения. [2, с. 151] Склонение (слабое и сильное) также является отголоском древнеанглийского языка, который впоследствии исчезнет. Так, существительные сильного склонения имели разные окончания в падежных формах, а слабого – окончание –an почти во всех случаях.

nim ēac elehtran, bisceopwyrt and cassuc – возьми также люпин (слабое склонение, ед. ч. вин. п.), буквицу лекарственную (сильное склонение, ед.ч. вин. п.) и пучок травы (ед. ч. вин. п. сильное склонение)

Обратим внимание на глагольные формы, встречающиеся практически в каждом тексте. Поскольку мы исследуем заговоры и заклинания, большая часть глаголов в них стоит в повелительном наклонении: Dōa, syle, nim, sing, drīf, hōh, bœrn, dō, læt (положи, дай, возьми, пропой, заведи, повесь, сожги, сделай, позволь). Здесь следует отметить разные окончания глаголов: -a, -e. Большая часть глаголов не имеет окончаний. Это можно объяснить как отсутствием чётких норм в связи с переходом от древнеанглийского языка к современному, так и тем, что глаголы делились на «сильные» и «слабые» (в современном языке – правильные и неправильные). [1] Среднеанглийский язык является переходным этапом, поэтому один и тот же глагол в одной и той же форме может иметь разные окончания. Так, например, в найденных нами текстах встречается глагол «петь» в повелительном наклонении единственного числа с нулевым окончанием и с окончанием –e: sing/singe. Существовала также форма глаголов, похожая на повелительное наклонение по грамматическому выражению, но относящаяся к третьему лицу. Эта форма являлась аналогом современной конструкции let sb do sth.

And gā þœnne ān mǣdeman tō, and hō hit on his swēoran and dō man swā þrȳ dagas.

Однако эта конструкция имеет место и в варианте, близком к современному: *læt sittan.*

Формы инфинитива встречаются в среднеанглийских текстах, однако без частицы to. Инфинитивы в среднеанглийском языке имели окончание –an (подобно немецкому –en): *yrnan (to pour), niman (to take)*. Встречается форма инфинитива с окончанием на –e: *tō donne (чтобы сделать)*. Инфинитив с окончанием –e может встречаться после модального глагола в 3л. ед. ч.: *Hē þē sceal legge*. Окончание –en, характерное для современного немецкого языка, также присутствует в некоторых глаголах: *timbrien*.

Окончания глаголов в среднеанглийском языке зависели от лица и числа так же, как и в современном английском, но спектр окончаний был гораздо больше. [8] Так, например, 3 л. ед. ч. глагола secge в настоящем времени имеет окончание –e, а не –es, как принято современными правилами. У глагола 2 лица ед. ч. cweð в настоящем времени усекается окончание инфинитива (cweþan). Этот же глагол в повелительном наклонении приобретает окончание –e: cweþe. Окончания, похожие на современные –es или -s, в 3 л. ед. ч. имеют глаголы nemman (nemneð), faran (fœrð) и др. Окончание множественного числа в настоящем времени может совпадать с окончанием инфинитива, как в немецком языке: eglian. [3, с. 62]

В 1 л. ед. ч. глаголы часто имеют окончание –e, как в современном немецком языке: ic bidde (я прошу).

В прошедшем времени глаголы 2 л. ед. ч. могут иметь окончание –est, похожее на окончание, характерное в современном немецком для настоящего времени в том же лице и числе: āmeldodest (возвестила), rēnadest (явила). Также для этой формы характерно окончание –e, как и для настоящего времени: wiðstōde (выдержал). Множественное число прошедшего времени может быть представлено глаголом с окончанием –an или –on: curran, fnǣrdon. Также Preterit глагола может не иметь окончания: beran – bœr (bear). Следует отметить, что в среднеанглийском уже имело место изменение корня неправильного глагола, как в современном языке: bringan – brōhte.

Глагол to be в среднеанглийском языке уже может иметь современные формы, но в то же время сохраняется и древнеанглийский вариант. Формы *sȳ, sīe, bist, bið, wurdon* являются доказательством родства английского и немецкого языка. К современным можно отнести формы *bē, bēo, ys* и *is*. Прошедшее время этого глагола претерпело лишь незначительные изменения в написании: *wœs, wǣran, wǣron*.

Аналогичным доказательством являются и формы глагола habban (современный глагол to have): *hātte, hœbbe, hafast, hottest, hœfde, hauest*. Отдельно хотелось бы отметить форму *hœbenne*, являющуюся доказательством присутствия в языке пассивного залога. На современный английский язык данная форма переводится конструкцией «to be had».

Разнообразие времён и появление перфектных форм глагола появилось ближе к концу среднеанглийского периода, к XIV веку, поэтому в текстах, выбранных нами, мы нашли только самые простые времена глаголов: настоящее, прошедшее и будущее. Будущее время выражается при помощи аналогов современных глаголов will и shall: *nyman wylt, wille gān*.

В среднеанглийском языке уже появляются формы Participle I и Participle II. Вместо окончания –ing, принятого в современном языке для формы Participle I, мы наблюдаем следующие изменения глаголов: *cweðan – cweþende (say – saying), blōwen – blōwende (bloom – blooming), gacnucadne (pounded)*. В причастии (в функции прилагательного) вместо современного окончания –ing может встретиться окончание, характерное для немецкого языка: *on yrnendum wœtere (in running water)*. Для формы Participle II 2 л. ед. ч. можно встретить окончание –e: *cume* (от глагола cuman – приходить). Окончание –ed, характерное для современного английского языка, также встречается: *ungedered (uncharmed)*. Также возможно окончание –en для множественного числа 3 л.: *abacan – ābacen (baked)*.

Ещё одно подтверждение родства английского и немецкого языка – приставка ge- в причастии прошедшего времени: *gewurþe (famed), gescyld (shielded), geswœncte (scourged)*.

В текстах XII века ещё встречаются древнеанглийские варианты написания глаголов наряду с более современными: *āsinge, āwrite*.

Таким образом, среднеанглийский язык обладал своими уникальными морфологическими характеристиками, которые исчезли в современном его варианте:

1. Артикли менялись в зависимости от рода
2. Система падежей была более разнообразной, а притяжательного падежа не существовало. Его функцию выполнял родительный.
3. Все именные части речи (существительные и прилагательные) имели род.
4. У существительных, как и у глаголов, существовало склонение.

Однако разнообразие предлогов, модальных глаголов и глагольных форм в среднеанглийском языке является показателем «переходного этапа» от древнеанглийского языка к современному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдульманова А.Х. Варьирование глагольных форм выражения видовременных значений в среднеанглийский период (на материале произведений Дж. Чосера). Санкт-Петербург, СПбГУ, 2009.
2. Бруннер К. История английского языка. М., Т. 1. 1955. 323 с.
3. Брунова, Е.Г. Пространство, время и число в древнеанглийском заговоре / Е.Г. Брунова // Филологические науки. – 2005. – № 5 – С. 59-67.
4. Иванова И. П. Чахоян Л.П. История английского языка. М., 1977.
5. Ильиш Б.А. История английского языка. – М., 1958.
6. Мельникова, Елена Александровна.Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации : Тексты. Перевод. Комментарий / Е. А. Мельникова. – М. : Вост. лит., 2001. – 495с
7. Топорова Т.В. Германские языки // Языки мира. Германские языки. Кельтские языки. – М., 2000.
8. Хлебникова И.Б. Введение в германскую филологию и историю английского языка. Учебное пособие. – М., 2001.
9. Kieckhefer, R. Magic in the Middle Ages [Text] / Cambridge University Press: Beck, 2014. – 263 p.
10. The Anglo-Saxon charms by Grendon, Felix, 1909.

УДК 81

НЕСКОЛЬКО ПРОБЛЕМ В ПЕРЕВОДЕ ТАНСКОЙ ПОВЕСТИ ЧУАНЬЦИ – НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА «ПОВЕСТЬ ОБ ИН-ИН»[1]

Чэн Вэньянь
Доцент, Заместитель заведующего кафедрой русского языка,
Шаньсийский университет
E-mail: yc2023mail@163.com

Ли Цици
Магистрант, Шаньсийский университет

Одним из самых известных древнекитайских литературных памятников танского периода истории является «повесть об Ин-Ин». Это произведение неоднократно переводилось на русский язык. К настоящему времени имеется четыре версии перевода этой старинной новеллы. В данной статье проводится сравнительный анализ всех четырех переводов указанного произведения на русский язык с точки зрения интерпретации китайской общекультурной лексики, связанной с номинацией периодов правления в Древнем Китаем, официальным наименованием должностей и чинов танских вельмож, различными историческими аллюзиями, имеющими глубокое культурно-историческое наполнение и отраженными в оригинальном тексте произведения. В исследовании также рассматриваются различные стратегии перевода, использованные русскоязычными переводчиками «Повести об Ин-Ин»; отмечаются факты сохранения, компенсации, потери и искажения содержания оригинального текста при работе авторов перевода с китайской культурной лексикой. На основе проведенного анализа делается вывод о достоинствах и недостатках каждого из представленных вариантов перевода и определяются направления дальнейшего научного лингвокультурального диалога между китайскоязычной и русскоязычной традициями в синологии.

Ключевые слова: Повесть об Ин-Ин; общекультурная лексика; перевод с китайского языка на русский; стратегии перевода.

SEVERAL PROBLEMS IN THE TRANSLATION OF THE TANG STORY CHUANQI – ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN TRANSLATION "THE TALE OF IN-IN"

Cheng Wenyan
Docent, Deputy Head of the Russian Language Department,
Shanxi University
E-mail: yc2023mail@163.com

Li Qiqi
Undergraduate student, Shanxi University

One of the most famous ancient Chinese literary monuments of the Tang period of history is the "tale of Ying Ying". This work has been translated into Russian several times. To date, there are four versions of the translation of this ancient novel. This article provides a comparative analysis of all four translations of the work into Russian from the point of view of interpretation of Chinese general cultural vocabulary related to the

[1] Данная статья является одним из достижений китайского государственного общественного научного фонда «история перевода и исследования китайских классических романов в России»

nomination of periods of government in Ancient China, the official names of positions and ranks of Tang nobles, various historical allusions having deep cultural and historical content and reflected in the original text of the work. The study also examines various translation strategies used by the Russian-speaking translators of The Tale of In-In; The facts of preservation, compensation, loss and distortion of the content of the original text are noted when the authors of the translation work with Chinese cultural vocabulary. Based on the analysis, a conclusion is made about the advantages and disadvantages of each of the presented translation options and the directions of further scientific linguistic and cultural dialogue between the Chinese-speaking and Russian-speaking traditions in Sinology are determined.

Keywords: The Story of Ying Ying; general cultural vocabulary; translation from Chinese into Russian; translation strategies.

*****

Древнекитайское литературное произведение танского периода «Повесть об Ин-Ин» (далее также – Повесть), относящиеся к традиционной жанровой форме китайской литературы правящих династий Тан, Сун, Юань и Мин – *чуаньци,* является ярким примером китайской исторической литературы в стиле реализма.

Отличительной особенностью повествования в форме *чуаньци* считается активное использование конкретно-исторического материала, именно поэтому произведения, выполненные в этой стилистике, считаются кладезем информации об истории и культуре Древнего Китая.

Для того чтобы максимально полно передать культурно-исторический колорит оригинального текста *чуаньци,* переводчик должен уметь выявлять и интерпретировать как формальную, так и содержательную стороны общекультурной лексики языка оригинала, сохраняя и передавая, таким образом, иноязычному читателю своеобразие авторского подхода к изложению сюжета, а также особенности использования изобразительно-выразительных средств. В то же время не стоит слепо следовать принципу «буквальности» при переводе, принимая во внимание недостаточную осведомленность потенциального читателя о традициях и идейном наполнении экзотической для него древнекитайской культуры.

Четыре версии русского перевода «Повести об Ин-Ин»

«Повесть об Ин-Ин», также известная как «Встречи с совершенной» («Хуй чжэнь цзи»), – новелла о романтических отношениях между талантливым парнем и очаровательной девушкой. Ее автором является известный танский поэт Юань Чжэнь. Эта новелла считается одним из выдающихся памятников танской лирической литературы *чуаньци*.

В России перевод этого произведения в разное время выполнили четыре синолога (китаеведа) – Ю. К. Щуцкий, Л. Д. Позднеева, О. Л. Фишман и А. Г. Сторожук. Рукопись перевода Ю. К. Щуцкого – «История о прекрасной Ин-ин» – хранится в архиве Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук (РАН). Текст перевода был обнаружен Дмитрием Елесиным. Архивные данные говорят о том, что это самый ранний перевод на русский язык «Повести об Ин-Ин», – он датирован 1935-м годом. Переводчик не довел до конца сверку перевода, поэтому в тексте перевода «встречаются как смысловые ошибки и неточности, так и стилистические огрехи»[1].

Перевод «Повести об Инъин» Л. Д. Позднеевой выступает составной частью ее научной работы «“Повесть об Ин-Ин” Юань Чжэня. История сюжета “Любовь в монастыре” с IX по XIII вв.» – диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Язык в ее переводе прост и лаконичен, в нем присутствует мало внутритекстовых пояснений и затекстовых примечаний, однако он более всего соответствует стилю языка произведений, написанных на классическом

[1] Сторожук, А.Г. Юань Чжэнь жизнь и творчество поэта эпохи Тан. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 513.

литературном языке Китая («вэньянь»), но именно по этой причине скрытая в подтексте повести культурно-историческая информация передана не полностью; кроме того, существуют отдельные ошибки и искажения в самом переводе.

О. Фишман начала переводить рассматриваемую новеллу в середине XX века. Ее перевод – «Жизнеописание Ин-ин» – был впервые опубликован в 1955 г. в томе «Танские новеллы», который вышел в свет в серии «Литературные памятники». В дальнейшем О. Л. Фишман в той или иной степени продолжала совершенствовать текст своего перевода, который впоследствии публиковался в различных изданиях. Наиболее полной версией ее перевода мы считаем текст, который включен в вышедшее в 1975 г. издание «Классическая проза Дальнего Востока». Данная версия перевода была тщательно переработана переводчицей; при этом составитель издания добавил множество примечаний и пояснений к отдельным цитатам, которые обеспечили еще большую точность и информативность представленного произведения. Именно поэтому текст этого перевода был избран в качестве одной из отправных точек данной статьи.

Перевод «Повести об Ин-Ин» А. Г. Сторожука представлен в его монографии «Юань Чжэнь. Жизнь и творчество поэта эпохи Тан» (2001). В тексте перевода максимально точно передано основное содержание оригинального текста и сопровождающий его культурный контекст. Переводчик подробно объясняет специфическую культурную лексику и лингвокультурные артефакты исходного произведения; более того, некоторые слова и фразы в его переводе можно рассматривать как блистательные примеры переводческого профессионализма.

Итак, описанные выше четыре русских перевода «Повести об Ин-Ин» появились на свет в разные исторические периоды, в условиях тяготения русской синологии к различным переводческим стратегиям, и каждая из указанных версий имеет свои особенности, достоинства и недостатки.

Перевод культурной лексики в переводе «Повесть об Ин-Ин»

Исходя из особенностей языка и повествовательного стиля танских новелл *чуаньци*, ниже будет представлен сравнительный анализ русских переводов китайской общекультурной лексики, связанной с номинацией периодов правления, официальным наименованием должностей и чинов танских вельмож, различными историческими аллюзиями, имеющими глубокое культурно-историческое наполнение и отраженными в оригинальном тексте «Повести об Ин-Ин».

А. Перевод слов или выражений, характеризующих период правления.

Многие исследователи считают «Повесть об Ин-Ин» в действительности автобиографической зарисовкой из жизни самого Юань Чжэня. В данной статье мы не будем приводить аргументы в этой связи. Однако в танских новеллах *чуаньци* часто использовалось реальное историческое время и реальные локации в целях усиления эффекта реалистичности и актуальности излагаемого сюжета. Именно поэтому в *чуаньци* часто встречаются разнообразные отсылки к историческому периоду династического правления, которые являются одним из важнейших элементов культурной лексики произведения и существенной для понимания сюжета информацией, которая однозначно должна быть отражена в переводе. Например:

郑曰："今天子甲子岁之七月，终于贞元庚辰，生年十七矣。"

Чжэн ответила:

– Она родилась в седьмую луну первого года правления нынешнего государя. Теперь же, в семнадцатый год его правления, ей семнадцать лет (Щуцкий, 1935).

Чжэн ответила: «Она родилась в седьмой луне года цзя-цзы, а сейчас у нас год гэн-чэнь* в правление Чжэнь-юань, значит, ей семнадцать лет». (Позднеева, 1946).*

Мать ответила:

– Она родилась в седьмую луну года «цзя-цзы» правления нашего императора, а теперь у нас год под циклическими знаками «гэн-чэнь» правления под девизом «Эра чистоты», так что ей сейчас семнадцать лет (Фишман, 1975).*

Госпожа Цуй ответила: «Она родилась в седьмом месяце пятого года правления нынешнего императора, так что в год дракона под стихией металла правления Чжэнь-юань ей будет семнадцать лет» (Сторожук, 2001).*

В оригинальном тексте имеются три лексических единицы, обозначающих исторические периоды или эпоху: *Цзя-цзы (甲子), Чжэнь-юань (贞元), Гэн-чэнь (庚辰)*.

Выражения *Цзя-цзы (甲子)* и *Гэн-чэнь (庚辰)* являются двумя из десяти небесных дней и двенадцати земных ветвей (т.е. относятся к системе знаков десятеричного и двенадцатиричного циклов), причем *Цзя-цзы (甲子)* занимает первое место в данной системе, а *Гэн-чэнь (庚辰)* – 17-е.

Выражение *Чжэнь-юань (贞元)* обозначает название эпохи правления танского императора Дэцзун и дословно имеет значение «чистота и честность».

Четыре переводчика применили разные способы перевода этого выражения. Так, в переводе Ю. К. Щуцкого выражение *Чжэнь-юань* никак не было переведено, а *Цзя-цзы (甲子)* было переведено как «*первого года правления нынешнего государя*», *Гэн-чэнь (庚辰)* было интерпретировано как «*семнадцатый год его правления*». Здесь очевидна ошибочность перевода, ведь согласно историческим данным первый год правления императора Дэцзун был 779-й год, который обозначается *Цзивэй (己未)* в соответствии с установленной системой, а не *Цзя-цзы (甲子)*. В оригинальном тексте *Цзя-цзы (甲子)* не обозначает первый год, а относится к летосчислению вообще; имеется в виду первый год Синъюань, т.е. 784-й года (пятый год правления императора Дэцзун).

При переводе этих трех культурных лексем Л. Д. Позднеева употребляла транскрипцию, что, на наш взгляд, приводит к потери части культурной информации, представленной в оригинальном тексте. Хотя переводчица попыталась компенсировать эту потерю ссылкой с примечанием. Однако некоторые ее примечания также были ошибочными. Так, в примечании она отметила, что с точки зрения датировки и хронологии *Цзя-цзы (甲子)* было 789-м годом, а *Гэн-чэнь (庚辰)* – 800-м годом. Если бы Л. Д. Позднеева правильно интерпретировала летоисчисление, то в оригинальном тексте Ин-ин было бы 11 лет, а не 17.

О. Л. Фишман применила при переводе китайского летосчисления на русский язык разные способы. Упоминая *Цзя-цзы (甲子)* и *Гэн-чэнь (庚辰)* она употребляла транскрипцию и примечания, чтобы полнее раскрыть смысл этих понятий как символов времени. Кроме того, переводчица при помощи выражений «*циклические знаки*» и «*девиз*» дала ключевую культурную информацию о *Гэн-чэнь (庚辰)* и *Чжэнь-юань (贞元)*, тем самым точно показав характер феномена древнего китайского шестидесятилетнего цикла и наименований эпох правления императоров.

Однако перевод А. Г. Сторожука всё же представляется более точным и близким к тексту оригинала. При переводе *Цзя-цзы (甲子)* переводчик превращает систему знаков десятеричного и двенадцатиричного циклов в девиз (наименование) периода правления, т.е. *Цзя-цзы (甲子)* переведено как пятый год правления нынешнего императора (Дэцзуна). Вариант перевода *Гэн-чэнь (庚辰)* также можно назвать весьма удачным. Исходя из древнего китайского даосского понятия о шестидесятилетнем цикле, переводчик исключительно емко перевел *Гэн-чэнь (庚辰)*, ведь в знаке десятеричного цикла «*гэн*» принадлежит к металлу, а «*чэнь*» соответствует дракону в знаке двенадцатиричного цикла. А. Г. Сторожук блестяще заменил неизвестные читателями культурные образы знакомыми им образами, при этом максимально полно передав своеобразие культурного контекста оригинального произведения. Единственная ошибка заключатся в том, что в примечании переводчик ошибочно соотнес *Гэн-чэнь (庚辰)* с 801-м годом, хотя по хронологии *Гэн-чэнь (庚辰)* соответствует 800-му году.

Из вышесказанного следует, что при переводе таких лексем, как наименование единиц летосчисления, периодов правления и др., прежде всего надо хорошо разбираться в специфике древнекитайского мировоззрения и культурных традициях Поднебесной, чтобы как можно более емко передать весь массив общекультурного контекста.

Б. Перевод слов или выражений, обозначающих официальные должности (чины).

В новеллах *чуаньци* персонажи являются исторически реальными личностями, в том числе известными в свое время чиновниками и вельможами, занимавшими определенные посты (должности) в системе государственной иерархии. При этом в период династии Тан названия официальных чинов были весьма разнообразны, оригинальны и подразумевали глубокое культурно-историческое содержание. Трудности с переводом слов или выражений, обозначающих официальную должность (чин) танских исторических деятелей, состоял в том, что, во-первых, некоторые подлинные названия официальных чинов той эпохи уже утрачены и/или незнакомы современному читателю. Во-вторых, хотя некоторые названия официальных лиц той поры сохранились в позднейших первоисточниках, их значение и функции уже имели значимые отличия от более древних. Поэтому, употребляя старинные выражения в связи с более современной коннотацией, переводчики могли бы заметно исказить исходный смысл понятий и сюжетных деталей, чего, к сожалению, не удалось избежать. Приведем несколько примеров:

1) 有中人丁文雅，不善于军，军人因丧而扰，大掠蒲人。

Его заместителем был Дин Вэн-я, человек неумелый в военном деле. Солдаты воспользовались трауром начальника и бушевали, грабя изо всех сил жителей Пу (Щуцкий, 1935).

Его приближенный Дин Вэнья не умел командовать армией, и солдаты, пользуясь смертью военачальника, подняли смуту и стали грабить население Пу (Позднеева, 1946).

Находившийся при нем евнух Дин Вэнь-я мало смыслил в военном искусстве, и войско, воспользовавшись похоронами полководца как удобным моментом для мятежа, подняло бунт. В городе начались грабежи (Фишман, 1975).*

Евнух по имени Дин Вэнь-я плохо обращался с солдатами; воспользовавшись трауром, солдаты взбунтовались и стали устраивать в Пу грабежи (Сторожук, 2001).

О. Л. Фишман и А. Г. Сторожук точно перевели название официального чина «中人» (*евнух*). Кроме того, О. Л. Фишман дополнила перевод комментарием к слову «евнух»: *«В танскую эпоху обычно посылали евнухов наблюдать за военными губернаторами, чтобы они не подняли мятежа».* Можно сказать, что переводчица с помощью комментария точнее передала культурно-историческую коннотацию слова «中人» (*евнух*). Теперь остановимся на переводе Ю. К. Щуцкого и Л. Д. Позднеевой. В переводе Ю. К. Щуцкого «中人» буквальный перевод гласит «*заместитель*» – но такой должности в танской иерархии не было, а в современном китайском языке это слово обозначает «посредник», «агент» или «представитель». Очевидно, что здесь имеет место смысловая ошибка и вольное толкование понятия. Л. Д. Позднеева же употребила слово «*приближенный*», которое обозначает доверенного лица или близкого человека. И хотя такой вариант перевода не оказывает негативного влияния на понимание контекста читателем, но и он всё еще далек от полноценной передачи всего массива культурной информации оригинального текста.

2) 十余日，廉使杜确将天子命以总戎节，令于军，军由是戢。

Дней десять спустя ревизор, Ду Цйо, по повелению государя, передал войску приказ о всеобщем сборе в поход. Только тогда войско было призвано к порядку (Щуцкий, 1935).

Дней через десять после этого приехал Цензор Ду Цзюэ с императорским декретом, назначавшим его военачальником, и солдаты сложили оружие (Позднеева, 1946).

Дней десять спустя в Пу прибыл Ду Цюэ, посланец императора, со специальным указом, предписывающим ему возглавить городской гарнизон. Ду Цюэ ввел строгие порядки, и солдаты пришли в повиновение (Фишман, 1975).

Чуть более 10 дней спустя главным военным начальником города был указом императора назначен неподкупный Ду Цюэ; он отдал приказ войскам, и, подчиняясь ему, солдаты прекратили беспорядки (Сторожук, 2001).

Первые три перевода в целом правильно интерпретировали слово «廉使», употребляя для передачи его смысла разные слова – «*ревизор*», «*цензор*», «*посланец*». Хотя используемые три слова неравноценны оригиналу по своему значению и функциональному содержанию, но иного выхода здесь не представляется. Конечно, было бы уместно дополнить переведенный фрагмент затекстовым комментарием, но это действие – исключительная инициатива самого переводчика.

Выполняя перевод титула, А. Г. Сторожук выбрал прилагательное «*неподкупный*», которое не обозначало официальный чин в танской эпохе, а в современном китайском языке имеет значение «честный», «чистый» и «бескорыстный». Совершенно очевидно, что здесь А. Г. Сторожук понимает китайское слово «廉使» как структуру с подчинительной связью компонентов, т.е. *неподкупный посланец*.

В. Перевод аллюзий.

В древней китайской литературе писатели часто обращались к аллюзиям, чтобы выразить скрытый смысл своих произведений. В новелле «Повесть об Ин-Ин» насчитывается около пятнадцати аллюзий, большинство из которых – исторические, но есть и отдельные чисто литературные аллюзии (или басни). Аллюзии – это своеобразная кристаллизация истории и культуры китайской нации, это золотой фонд китайского языка – источник богатейшей культурной информации, по сравнению с другими видами общекультурной лексики. Поэтому в процессе межкультурного обмена переводчик должен стремиться передать не только смысл культурных аллюзий, лежащий на поверхности, но и, что более важно, донести до читателя культурную подоплеку аллюзий.

В русском переводе «Повести об Ин-Ин» для решения проблемы культурных лакун в основном используется метод прямого перевода с внутритекстовыми и затекстовыми примечаниями:

君子有援琴之挑，鄙人无投梭之拒。

Вы вызвали меня играть на цине, как некогда поэт Сыма Сянь-жу свою возлюбленную, и я готова бросить ткацкий уток и в знак верности выбить им себе два зуба, как в древности девушка Гао – возлюбленная Се-куня (Щуцкий, 1935).

Милый смутил меня игрой на цине, а у меня не хватило сил бросить в него челнок (Позднеева, 1946).*

Вы вели себя, подобно тому, кто увлек женщину игрой на цитре; у меня же, презренной, не хватило сил бросить в Вас челнок* (Фишман, 1975).*

Вы увлекли меня, как известный поэт, покоривший сердце своей юной подруги игрой на цине, а я не стала, защищая свою непорочность, подобно древней красавице бросать в Вас ткацкий челнок (Сторожук, 2001).*

Фраза «*вызвали меня играть на цине*» у Ю. К. Шуцкого заимствована из «Исторических записей Сима Сянь-жу»; впоследствии эта аллюзия часто использовалась в китайской культурной традиции как образное обозначение (метафора) романтических отношений между юношей и девушкой.

Выражение «*бросить ткацкий уток*» восходит к «Книге Цзиньшу Се Куна»; затем эта аллюзия использовалась как метафора сопротивления женщины мужскому любовному напору. В оригинальном тексте «Повести об Ин-Ин» героиня ссылается на эти две аллюзии, чтобы передать свои переживания в ситуации, когда «*Чжан Шэн сам писал стихи о любви и поддразнивал Ин-ин*» этим и «*Ин-ин была не в силах сдержать свои чувства*». Однако Ю. К. Щуцкий неправильно понимал эту аллюзию и, соответственно, ошибочно перевел ее. Во-первых, фраза «*вызвали меня играть на цине*» используется для того, чтобы выразить симпатию Чжан Шэна к Ин-Ин. Во-вторых, в тексте исходного произведения выражение «*бросить ткацкий уток*» имеет противоположное значение переводу Ю. К. Щуцкого. Перевод Ю. К. Щуцкого буквально обозначает следующее: «*Как поэт Сима Сянь-жу, ты вызвала меня, чтобы я играл на цине, а я, как девушка Гао, любимая Се Куном, буду бросать тебе ткацкий уток*». Таким образом, исходный контекст аллюзии, основанный на старинной китайской литературе, указывающий на то, что Сима Сянь-жу «琴心挑之»

(привлек девушку путем игры на цитре) был искажен, одновременно был полностью разрушен первоначальный образ Ин-Ин как высокоморальной и мудрой девушки, что привело к неверной трактовке сюжетной линии романа русскоязычным читателем.

Три других переводчика использовали главным образом метод прямого перевода с затекстовыми примечаниями (комментариями), сохранив при этом два образа-концепта – *«цинь»* и *«челнок»*. Переводы Л. Д. Позднеевой и О. Л. Фишман отличаются емкостью и лаконичностью и, в целом, достаточно полно передают особенности оригинального литературного стиля произведения; кроме того, примечания указанных переводчиков к двум рассматриваемым аллюзиям также весьма подробны (в плане описания источников аллюзий и их аллегоричности), поэтому можно сказать, что данные переводы грамотно передают повествовательную линию повести, как и элементы общекультурной обстановки того времени, изложенной в оригинальном тексте. В то же время, хотя перевод в варианте А. Г. Сторожука несколько пространен, этот автор исключительно точно раскрывает смысл аллюзий, используя вводные обороты (*«известный поэт»* и *«подобно древней красавице»)*, благодаря чему читатели выявляют аллюзии без обращения к комментариям и получают импульс к стремлению самостоятельному изучению смыслов соответствующих аннотированных фраз. Иными словами, с научных позиций А. Г. Сторожук заметно эффективнее выполнил переводческую задачу, панорамно передав своим переводом весь массив общекультурной информации и обеспечив русскоязычному читателю гарантированное понимание аллюзий, основанных на материале древнекитайской истории.

Путем сравнительного исследования переводческих стратегий, использованных при интерпретации культурной лексики (этнокультурных понятий – передающих образы и концепты, исторически присущие китайскому мировоззрению; характеризующие уклад жизни и социальную иерархию в обществе Китая танского периода истории (официальные обращения, наименования титулов) и историко-культурные аллюзии) в четырех русских переводах «Повести об Ин-Ин», было установлено, что, работая с оригинальной китайской общекультурной лексикой, переводчики задействовали ряд стратегий: транслитерацию, прямой перевод, прямой перевод с затекстовыми комментариями, парафраз, эллипсис.

Лингвокультуральный анализ показал, что перевод А. Г. Сторожука превосходит в части качества передачи специфики общекультурной лексики и исторического контекста другие версии перевода. Таким образом, с точки зрения трансляции культурно-исторических ценностей танского периода китайской истории перевод А. Г. Сторожука, на наш взгляд, обладает большей адекватностью жанру *чуаньци* («танской повести») и полнее передает своеобразие китайской культуры потенциальному русскоязычному читателю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сторожук, А. Г., Юань Чжэнь. Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. – Санкт-Петербург, 2001.

2. Санович, В. Классическая проза Дальнего Востока / В. Санович, С. Чулков. – Москва: Художественная литература, 1975.

3. Позднеева, Л. Д. История китайской литературы: собрание трудов. – Москва: Восточная литература, 2011.

4.谢天振：《译介学》，南京：译林出版社，2013年.

5. 王佐良：《翻译中的文化比较》，载《中国翻译》1984年第1期。

ИСТОРИЯ

УДК 371.3

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОПЫТА РАЗРАБОТКИ УЧЕБНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ В РОССИИ В X-XII ВЕКАХ

Балбеко Роман Евгеньевич
Учитель истории и обществознания,
Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения лицей №408 Пушкинского района Санкт-Петербурга
E-mail: univerandrey@mail.ru

Билашенко Екатерина Вениаминовна
Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Зуев Андрей Вячеславович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры частного права,
Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова; доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Изучение исторических сведений в России начинается с момента возникновения школьного образования. Источниками этих знаний до XV века являлись исторические труды, не предназначенные специально для обучения школьников, поэтому мы не располагаем знаниями о каком-либо методическом сопровождении процесса изучения истории в школе в данный период. Вместе с тем, аспектный анализ этих источников позволил определить их методологические основы, как принципы отбора и изложения материала влияли на формирование картины прошлого в сознании учеников. Также, именно в это время закладывались традиции подходов к освещению прошлого в базовой исторической науке, на основе которых потом и будет формироваться учебное предметное содержание.

Ключевые слова: *учебное историческое содержание, теоретико-методологическое основы образования, предмет обучения истории, историческая мысль.*

THE EMERGENCE OF THE EXPERIMENT OF DEVELOPING EDUCATIONAL HISTORICAL CONTENT IN RUSSIA IN THE X-XII CENTURIES

Balbeko Roman Evgenyevich
Teacher of History and Social Studies of the Lyceum 408 of Pushkin District of St. Petersburg
E-mail: univerandrey@mail.ru

Bilashenko Ekaterina Veniaminovna
Candidate of pedagogical sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Civil Law Education, Herzen State Pedagogical University of Russia

Zuev Andrey Vyacheslavovich
Candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of socio-economic and humanitarian disciplines, Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The study of the historical past in Russia begins from the moment of the emergence of school education. The sources of this knowledge up to the 15th century were historical works, not designed specially for teaching students, so we have no knowledge about the methodology of teaching or studying history at school in this period. In order to understand how pupils' world outlook was formed, we have analysed certain components of historical sources. These aspects include the methodological basis of historical sources, the principles of selection and content of material in these historical sources. Besides, the traditions of studying the historical past are being formed. Building on these traditions, historical education in Russia will be formed later.

***Keywords**: educational historical content, theoretical and methodological foundations of education, subject of history teaching, historical thought.*

*****

Раскрытие указанной проблемы предполагает аспектный анализ процесса зарождения и накопления исторических знаний в России: их тематики, общих подходов к освещению прошлого, к способам отбора, построения и изложения данного материала. Рассмотрение указанного вопроса поможет нам узнать, через призму каких методологических основы ученые круги Древней и Средневековой Руси могли смотреть на ход исторического процесса.

Итак, поскольку в рассматриваемый период еще отсутствовала учебная историческая литература, то носителями знаний о прошлом для обучающихся детей, как и для взрослых, были летописи и другие древнерусские источники. Именно в них закладывались основы подходов к содержанию исторических знаний. Как известно, возникновение исторических знаний в России начинается с момента принятия христианства, за которым последовало распространения письменности и религиозной литературы.

Исследователи отмечали, что на Руси первыми источниками знаний о прошлом были произведения византийцев, переведенные на древнерусский язык – хроники Иоанна Малалы, Георгия Синкеллы, Георгия Амартолы и другие труды [1, с. 39].

Авторами произведений о прошлом, как правило, выступали служители церкви. Они создавали исторические труды, в основе которых лежали, в первую очередь, библейские сюжеты, жизнеописания святых и все те факты деятельности

реальных людей, которые, по мнению авторов, были проявлением божественной воли, высшего промысла.

В основе их взглядов на мир лежал провиденциализм. Условимся понимать под провиденциализмом «историко-философский метод рассмотрения исторических событий с точки зрения, проявляющегося в них провидения, Божия промысла как осуществления Божественного плана спасения человека» [5, с. 546]. Данный подход к освещению прошлого был воспринят создателями первых отечественных трудов о прошлом, монахами и летописцами, и сохранялся в исторических трудах в России вплоть до XVIII в.

В своем исследовании Н. Л. Рубинштейн отмечал, что киевское духовенство XII в. было воспитано на литературных образцах византийской культуры [1, с. 21-34]. Историк прослеживал это влияние на создателя дошедшего до нас труда «Повести временных лет». А. Л. Шапиро, в свою очередь указывал, Нестор уже в предисловии к летописи намеренно доказывал, что русы – это исторический народ, корни которого восходят к самому Ною [с. 51-53]

Таким образом, создавались основы показа происхождения и существования русского народа в силу божественного предопределения, тем самым решались задачи укрепления христианской религии в сознании жителей Руси.

Современными историками отмечается, что, сохраняя связь с византийским миром, авторы летописей переносят внимание на историю своего собственного государства [4, с. 5-20]. И здесь в освещение истории вмешивается политический фактор, который также становится чертой, влияющей на отбор исторического содержания. Например, по мнению Н.Л. Рубинштейна, в основе «Повести временных лет» лежит политическая концепция первенства Киевского княжества и зависимости от него всех остальных русских земель. Благодаря ей у читателей могло складывалось представление о единой русской земле во главе с киевским князем.

Своеобразное развитие получает летописание в период раздробленности Руси, в котором политический фактор играет еще более важную роль. Так, Марина Юрьевна Лачаева отмечает, что политические и идеологическое противоборство приводило к зарождению местного летописания [2, с. 48]. В XII – первой четверти XIII вв. летописная традиция зарождается в различных городах: в Киеве, Переяславле, Ростове, Новгороде и др. В местном летописании отчетливо прослеживаются идеи утверждения значимости конкретного удельного княжества на фоне остальных земель.

При анализе летописаний в России прослеживаются такие черты зарождающегося исторического знания: наличие теоретико-методологической философской (в данном случае теософской) основы в подходе к освещению исторической реальности; изложение событий в хронологической последовательности; включение в создаваемые летописи текстов как светских, так и церковных исторических сюжетов. Уже в первых трудах отечественных авторов по истории прослеживается принцип освещения прошлого нашей страны в контексте единого мирового развития.

Помимо летописей, источниками исторических знаний могли служить и самостоятельные панегирические и агиографические произведения. К таким, прежде всего, относятся жития святых: «Слово о Законе и Благодати», «Житие преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского», «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», «Житие Евфросинии Полоцкой» и другие [1, с. 42-33].

М. Г. Присенко в работе «Русская историческая мысль XI – XVII веков» пишет, что такие произведения, как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона, «Сказание о Борисе и Глебе» и «Поучение Владимира Мономаха» являются замечательными литературными памятниками, дающими целый спектр знаний об истории русского средневековья [4, с. 5-20]. Более того, автор считает, что, указанные исторические источники являются результатом первого этапа зарождения исторических знаний в Древнерусском государстве.

Сохраняя связь с византийским миром, древнерусский автор и читатель отныне переносят внимание на историю своего собственного государства. Изучив «Сказание о Борисе и Глебе», пишет Присенко, читатель мог выяснить, что из себя представляет династическая система унаследования власти, чем вызвана междоусобная война в XI веке, как и вследствие каких событий Борис и Глеб стали первыми святыми на Руси. По сути дела, содержание «Сказания о Борисе и Глебе» предоставляет образец поведения воцерковленного человека, способного не воспротивиться воли Божьей и отдать за него жизнь. Разумеется, это и многие другие произведения были адресованы широким слоям населения.

Источниками исторических знаний являлись и другие литературные произведения. Из их числа М. Н. Тихомиров выделяет такие важнейшие памятники отечественной литературы XI – XII столетий, как «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли» и «Житие Александра Невского» [9, с. 105-125].

Историк считает, что эти произведения, в силу яркого, образного описания событий, обладали возможностью нравственного и патриотического воздействия. Вместе с этим продолжалось накопление опыта отбора и создания исторического материала, обеспечивающего реализацию воспитательного потенциала истории.

В XIII – XV столетиях, то есть в период зависимости от Золотой Орды, также происходит накопление исторических знаний. Общеизвестно, эпоха монгольского завоевания дала толчок для появления трудов, главными идеями которых являлось возвеличивание прошлого России и беспокойство о судьбе Русской земли в условиях междоусобиц и внешней угрозы в лице монголов или рыцарей-крестоносцев. К таким произведениям А. А. Чернобаев относит «Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава» и «Повесть о житии Александра Невского», отличающиеся патриотизмом и восхвалением былого могущества Руси [1, с. 39-51].

А. Л. Шапиро, в свою очередь, уделяет существенное внимание событиям XIV века. Историк пишет, что большой цикл произведений сложился вокруг Куликовской битвы 1380 года. Особенно выделяются поэтическая и воинская повести – «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище». Данные литературные произведения сообщает читателю исторические знания о ходе Куликовской битвы и политическом значении победы русских воинов в ней [с. 90-112].

Значительным событием в развитии исторических знаний явилось появление единых общерусских летописных сводов в XV веке. Начало этой традиции, считает В. К. Зибров, положила Троицкая летопись, созданная в 1408 году. Троицкая летопись станет основанием последующего летописания. Например, на ее основе было создан другой общерусский летописный Новгородско-Софийский свод 1448 года написания [3, с. 127-130]. Здесь обозначаются общенациональные мотивы и стремление к государственному суверенитету. Поскольку изложение исторический сведений доведено до XV века, читатели могли проникнуться не только событиями XII-XIV вв., но и сравнительного недавнего прошлого.

Особый интерес, пишет Шапиро, проявился в XV веке к мировой истории. Так, к 1479 году относится создание Московского великокняжеского свода, в содержании которого было включен обширный материал о Флорентийской унии, который должен был доказать падение Константинополя как «второго Рима». Ученый считает, что одной из предпосылкой созданий подобных трудов было стремление авторов продемонстрировать величие Москвы, раскрыть «всемирно-историческую роль Москвы и московских государей как блюстителей истинной веры, носителей лучших мировых традиций» [11, с. 112].

В начале XVI века, помимо традиционного летописного писания, в России распространяются хронографы, повествование в которых строится на хронологическом принципе и отображаются основные политические события прошлого. К началу XVI века (вероятно, в 1512 году), пишет О. В. Творогов, в России появляется Хронограф, который охватывает эпизоды не только из отечественной, но и мировой истории [8, с. 40-43]. Составителя Хронографа опирались на периодизацию истории по четырем монархиям: Вавилон, Персия, Греко-Македонское царство и Римская империя.

Авторы стремились представить картину истории Российского государства как воплощения царства Божьего на земле, заявляли о божественном происхождении самодержавной власти, а русских царей объявляли потомками римского императором Августа.

На протяжении всего Хронографа прослеживалась такая мысль: старый мир с центром в Риме пришел в упадок вместе с отказом от православия, когда Россия, наоборот, приняв христианство по-восточному (византийскому) образцу, по сей день является могущественным государством. Иначе говоря, именно так продолжалось развитие традиции написания истории в соответствии с концепции «Москва – третий Рим».

Важной вехой в развитии исторических знаний в XVI веке, по мнению Н. Л. Рубинштейна, стала «Степенная книга», предположительными авторами которой называют митрополитов Киприана и Макария. При написании текста использовались произведения древнерусской книжности. Авторы стремились представить картины истории Российского государства как воплощения царства Божьего на земле, заявляли о божественном происхождении самодержавной власти, а русских царей объявляли потомками римского императором Августа. Так развивалось традиция написания истории в соответствии с запросами правящих государственных кругов.

Для нашего исследования она интересна тем, что в ней предпринимается попытка целостного, систематизированного изложения отечественной истории с древнейших времён до 1560-х гг.
А. В. Сиренов указывает, что в «Степенной книге» предпринимается попытка структурирования содержания по 17 граням или степеням – по правлениям русских князей. Позже этот подход перерастет в биографический принцип обособления исторического материала [7, с. 9-10].

Важным событием в развитии исторических знаний XVII в. стало написание синопсисов. Из них общепризнанным считается «Киевский Сипопсис» (1674 г.), автором которого предположительно являлся архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель. Ведущей идейной основой труда Гизеля, по мнению В. В. Ткаченко, стала мысль о «единении православного народа». Она отвечала вызовам времени, в том числе задаче обоснования идущего процесса присоединения в России Малороссии

Долгое время считалось, что «Синопис» был задуман и написан как учебник. Например, Н. В. Халявин, рассказывая о истории появления «Синопсиса», добавляет, что «благодаря доходчивости и краткости изложения, Синопсис стал учебником по русской истории» [12, с. 43]. Однако теперь позиционирование «Синопсиса» как учебника отвергается.

Так, В. В. Ткаченко в статье ««Синопсис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе» пишет следующее: «Едва ли можно говорить о том, что Синопсис изначально мог задумываться как учебник. Появившееся через двадцать лет после Переяславской рады, в разгар русско-турецкой войны и борьбы за объединение Украины с Россией, это историческое сочинение преследовало скорее политические и идеологические, нежели педагогические цели…» [10, с. 42-43].

Не смотря на то, что произведение было создано в сложной геополитической ситуации второй половины XVII века, данный исторический труд хоть и был популярен в верхних эшелонах власти, но все же приобретался и для домашнего обучения и, как уже известно, долгое время применялся как учебное пособие по истории. С точки зрения содержания «Синопсис» является особенно интересным, поскольку его формат заключается в кратком способе изложения исторического материала. Историки рассматривают его как первую печатную книгу по истории России, адресованную широкому читателю. В силу краткого, доступного для понимания материала, «Синопсис» оставался популярным среди ученых кругов и в XVIII веке.

Таким образом, X–XVII вв. ознаменовали собой период возникновения и накопления опыта познания исторических сведений. Первые исторические сведения черпались из переводных трудов, однако со временем на Руси стали появляться

собственные сочинения о прошлом. В основе их трудов лежал господствующий теоретико-методологический подход к историческому процессу, – провиденциализм. Подобный религиозной подход не мог не сказаться на картине мира первых авторов исторических трудов. В их трудах со временем стала проявляться мотив единения Руси с православным миром, Византией в частности.

В последующие столетия авторы концентрируют все свое внимание и на других вопросах, однако ключевым объектом станет именно политика, как внешняя, так и внутренняя. Наряду с этим совершаются попытки целостного изложения исторического процесса. Авторы стремятся создавать обобщенные труды, в которых отражается та или иная точка зрения на историческое прошлое и настоящее Руси.

В течение долгих столетий происходит накопление различных способов построения и обособления материала, в том числе исторического. Если раньше исторические сведения помещались в один ряд с библейскими сюжетами, то со времени стали совершаться попытки выделения светской истории, а «Хронограф» и «Степенная книга» – яркое тому подтверждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Историография истории России: учеб. пособие для бакалавров / А. А. Чернобаев [и др.]. М.: Издательство Юрайт, 2014. - 552 с.
2. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / А. Г. Кузьмин [и др.]. Москва: ВЛАДОС, 2004. Т. 1. -382 с.
3. Зиборов В. К. История русского летописания XI-XVIII вв.: Учеб. пособ. / Зибров В. К. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. -512 с.
4. Присенко Г.П. Русская историческая мысль XI-XVII веков учеб. Пособие для студентов / Г.П. Присенко. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2006. -190 с.
5. Провиденциализм //Большая российская энциклопедия. Том 27. Москва, 2015. С. 546.
6. Н. Л. Рубинштейн. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. СПб.: СПБГУ Факультет философии и политологии, 2008. -938 с.
7. Сиренов А. В. Степенная книга: история текста / А. В. Сиренов. Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2007. -546 с.
8. Творогов О. В. Древнерусские хронографы / О. В. Творогов Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1975. -318 с.
9. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Выпуск 1. С древнейшего времени до конца XVIII века. Учебное пособие / М. Н. Тихомиров. М.: Соцэкгиз, 1962. -495 с.
10. Ткаченко В.В. «Синопсис» и преподавание истории России в XVIII в.: об одном историографическом мифе // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической школы-конференции молодых ученых. М., 2018. С. 41–49.
11. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен по XVIII. Курс лекций / А. Л. Шапиро. Ленинград: Издательства Ленинградского университета, 1982. -241 с.
12. Халявин Н. В. Историография истории России (дореволюционный период): курс лекций. / Халявин Н. В. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. -260 с.

УДК 94 (41/99)

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОБЫТИЙ В ХИРОСИМЕ И НАГАСАКИ: ВЛИЯНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И СОЦИУМ

Масляков Владимир Владимирович
Д.м.н., профессор, профессор кафедры мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф,
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России,
Саратов, Россия

Полиданов Максим Андреевич
Специалист научно-исследовательского отдела, ассистент кафедры медико-биологических дисциплин, Университет «Реавиз»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: maksim.polidanoff@yandex.ru

Нефедова Эльвира Алексеевна
Студентка 4 курса лечебного факультета,
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России,
Саратов, Россия

Ксенофонтов Леонид Михайлович
Студент 6 курса лечебного факультета,
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России,
Саратов, Россия

Павленко Артём Игоревич
Студент 6 курса лечебного факультета,
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Минздрава России,
Саратов, Россия

Данная работа рассматривает воздействие последствий бомбардировки Хиросимы и Нагасаки на человека, окружающую среду и настроение общественности в историческом контексте. Авторы исследуют события, происходившие в данных городах в указанный период и определяют их влияние на природу и общество не только в период атомной бомбардировки, но и в историческом отрезке от 1945 года до нашего времени. В контексте тематики исследования актуально выявить негативные последствия данных ужасных событий на различные сферы жизнедеятельности человечества, состояние окружающей среды и историческое развитие государства.

Цель исследования заключается в конкретизации влияния поражающих факторов взрыва атомной бомбы на людей, проживающих на данных территориях. В работе кратко описаны последствия, сопутствующие взрыву атомных бомб и проявившие себя в долгосрочной перспективе. Поэтому объектом исследования определено влияние сброса атомной бомбы на указанные города, предметом – исторический период времени, который прошел с указанного времени до нынешних дней.

Ключевые слова: ядерное оружие, анализ последствий, Хиросима, Нагасаки, радиоактивное загрязнение, влияние поражающих факторов, историческое развитие, атомная бомба, исторический период, окружающая среда

THE HISTORICAL ASPECT OF THE EVENTS IN HIROSHIMA AND NAGASAKI: THE IMPACT OF THE CONSEQUENCES ON THE ENVIRONMENT AND SOCIETY

Maslyakov Vladimir Vladimirovich
Doctor of Medical Sciences, Professor, Professor of the Department of Mobilization Preparation of Public Health and Disaster Medicine, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of Russia, Saratov, Russia

Polidanov Maxim Andreyevich
Specialist of the Research Department, Assistant of the Department of Biomedical Disciplines, Reaviz University, St. Petersburg, Russia
E-mail: maksim.polidanoff@yandex.ru

Nefedova Elvira Alekseevna
Student of the 4-th year of medical faculty, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of Russia, Saratov, Russia

Ksenofontov Leonid Mikhailovich
Student of the 6-th year of medical faculty, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of Russia, Saratov, Russia

Pavlenko Artem Igorevich
Student of the 6-th year of medical faculty, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky of the Ministry of Health of Russia, Saratov, Russia

This work examines the impact of the effects of the bombing of Hiroshima and Nagasaki on humans, the environment and public sentiment in a historical context. The authors investigate the events that took place in these cities during this period and determine their impact on nature and society not only during the atomic bombing, but also in the historical period from 1945 to our time. In the context of the research topic, it is important to identify the negative consequences of these terrible events on various spheres of human activity, the state of the environment and the historical development of the state.

The purpose of the study is to describe the impact of the damaging factors of an atomic bomb explosion on people living in these territories. The paper briefly describes the consequences associated with the explosion of atomic bombs and manifested themselves in the long term. Therefore, the object of the study is the influence of the dropping of an atomic bomb on the specified cities, the subject is the historical period of time that has passed from the specified time to the present day.

Keywords: nuclear weapons, impact analysis, Hiroshima, Nagasaki, radioactive contamination, the influence of damaging factors, historical development, atomic bomb, historical period, environment

*****

На сегодняшний день одной из главных угроз наступления широкомасштабной войны между ядерными державами является угроза применения оружия массового поражения, в том числе, ядерного оружия. Перед

ядерным оружием уязвим не только человек, но и окружающая среда. Для ядерного оружия характерна большая мощность и фатальное поражающее воздействие, последствия которого определяются силой ударной волны, светового излучения, проникающей радиации, радиоактивного заражения и электромагнитного импульса. Исход возможного применения ядерного оружия, к сожалению, уже известен миру – бомбардировки США японских городов Хиросима и Нагасаки.

Атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки были совершены 6 и 9 августа 1945 года, на завершающем этапе Второй мировой войны. Многие исследователи, аналитики, эксперты и по сей день признают данную бомбардировку одной из самых страшных ошибок в истории человечества, утверждая, что с военной и политической точки зрения она не имела никакого смысла. При этом, лишь по приблизительным оценкам, взрыв атомной бомбы в Хиросиме унёс жизни от 70 до 80 тыс. человек в течение первых секунд, в то время как до конца 1945 года от последствий радиоактивного излучения погибло ещё около 165 тыс. человек [4].

В Нагасаки бомбардировка стала причиной смерти от 40 до 60 тыс. человек в момент взрыва, а ещё порядка 140 тыс. человек погибли от лучевой болезни и страшнейших ожогов в течение последующих пяти лет [10]. Учитывая масштабность данных разрушительных действий, необходимо провести детальное изучение их последствий не только для данных японских городов, но и для человечества в целом– для общества и окружающей среды.

Цель исследования заключается в конкретизации влияния поражающих факторов взрыва атомной бомбы на людей, проживающих на данных территориях. При этом объектом исследования определено влияние сброса атомной бомбы на указанные города, предметом–исторический период времени, который прошел с указанного времени до нынешних дней.

Чтобы указанной цели возможно было достигнуть, мы поставили две исследовательские задачи:

1. Конкретизировать содержательные моменты бомбардировки Хиросимы и Нагасаки;
2. Выявить негативные последствия данных событий в исторической ретроспективе от момента совершения до нынешних дней.

Основным методом нашего исследования можно определить исторический анализ событий, которые произошли в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 года. Также мы использовали сравнительный анализ точек зрения различных авторов России и зарубежья, чтобы составить объективное мнение о последствиях произошедшего.

Для раскрытия содержания определенной нами темы мы использовали работы, посвященные данным событиям в общем (А.В. Козлова, Н. И. Ильинская), изучению влияния химии и прочих технологий (А. В. Левашов, В. В. Федорчук, С. С. Савин), а также публикации, отражающие специфику ядерной энергетики (Г.Н. Белозерский, Н. И. Ильинская и пр.).

Содержание бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. События 6 и 9 августа 1945 года

А. А. Озерова и В. А. Никифоров [6] в своей работе говорят о том, что человечество в середине 20 века стояло на грани ядерной войны и изобретение данного вида энергетики было обращено не на благо, а во вред человечеству.

Одним из самых страшных событий того периода можно назвать бомбардировку двух японских городов – Хиросимы и Нагасаки, память о которой живет в сердцах человечества по нынешний день. 6 августа 1945 года Соединенные Штаты Америки подвергли атомной бомбардировке первый город Хиросима. Сразу, по данным исследователей, погибли от 70 до 100 тыс. человек. От последствий взрыва в течение первых нескольких лет умерли еще десятки тысяч. Спустя три дня, 9 августа американский самолет сбросил атомную бомбу на еще один город в Японии – Нагасаки. последствия бомбардировки оказались катастрофическими: в

момент взрыва, число погибших составило 70 тыс. жителей Нагасаки, а город был практически стерт с лица Земли. Все дальнейшие годы список жертв бомбардировки увеличивался за счет умерших от лучевой болезни.

Соглашение о возможном использовании атомного оружия против Японии было достигнуто ещё в 1944 г. на секретной встрече Рузвельта и Черчилля. В середине 1945 г. исход войны в целом был ясен, но Япония не капитулировала.

Соединенные Штаты запустили программу разработки атомной бомбы летом 1942 года. В рамках проекта были созданы три атомные бомбы: плутониевая "Штучка" (Gadget) (взорвана при первом ядерном испытании), урановый "Малыш" (Little Boy) и плутониевый "Толстяк" (Fat Man). К разработкам были привлечены сотни ведущих физиков из разных стран мира.

Япония была готова мобилизовать всех, в том числе юношей старше 15 лет и девушек старше 17-ти. Вооружения не хватало, так что в дело шло холодное оружие. В марте 1945-го был составлен «Кэцу» – план решительного сражения на территории Японии, которое (по крайней мере на бумаге) должно было сокрушить американцев. Понятно, что американцы не хотели эскалации конфликта: в боях за остров Окинава погибли больше 10 тыс. американских военных, около 40 тыс. были ранены. Поэтому США не могли предоставить Японии возможности реализации своих стратегических планов. Исследуемые нами бомбардировки были призваны сохранить жизни американских солдат. Для представителей военного руководства США было очевидным: скорее всего, бомба против Японии будет использована. Оставался только вопрос: сначала продемонстрировать её мощь всему миру, а потом выдвинуть Японии ультиматум или просто сбросить на один из городов.

Исследователи говорят о том, что в период с момента бомбардировки и до 1955 года количество жителей Хиросимы и Нагасаки, выживших после атомного удара и умерших впоследствии от лучевой болезни и онкологии, превышало 200 тыс. человек [7,9]. Подобная статистика свидетельствует о масштабности поражения общества, экологии и долгосрочных негативных последствиях. Общее число жертв трагедии составляет свыше 450 тыс. человек, а выжившие до сих пор страдают от заболеваний, вызванных радиационным облучением. По последним данным, их число составляет 183 519 человек.

Сам взрыв был поистине разрушающим и многоэтапным. Сначала шла тепловая волна, которая мгновенно уничтожала всё. Погибло основное количество людей, которые находились на расстоянии 800 м от эпицентра. За тепловой волной шла ударная, которая распространялась со скоростью примерно 800 км/ч. Уберечь от её воздействия не могли стены большинства домов. Некоторые здания, построенные с учётом сейсмической активности в Японии, устояли, но внутри всё было разрушено, в диаметре 4 км не осталось практически ничего, что можно было бы назвать «уцелевшим».

В Хиросиме до бомбардировки было около 76 тыс. зданий. Почти все, около 70 тыс., получили повреждения, полностью сгорели 55 тыс. Фактически город был разрушен. 240 тыс. человек погибли, пострадали ещё около 160 тыс. Многие умирали спустя месяцы после бомбардировки. В Японии даже есть понятие «хибакуси» – люди, пострадавшие в результате бомбардировки, даже если эффект был отложен. В число хибакуси входят и дети, которые родились у матерей, подвергшихся воздействию радиации во время атаки.

Японию поверг в шок не только масштаб разрушений, но и то, что невозможно было понять, что же именно произошло, что за оружие применили американцы. По радио передали, что это «новая модель для массового уничтожения людей». В Токио сообщали, что Хиросиму атаковали 400 американских бомбардировщиков. Сложно поверить, что подобные разрушения могли принести единичные бомбы.

Через 16 часов после бомбардировки президент США Гарри Трумэн объявит о том, что на Хиросиму была сброшена бомба, мощность которой равна 20 тыс. тонн в тротиловом эквиваленте. По его словам, произведенные бомбой разрушения превосходили разрушительный эффект самых мощных созданных до этого бомб в 2 тыс. раз.

Трумэн добавил, что сброшенная на Хиросиму бомба – это ответ на отказ Японии капитулировать, а также предупредил, что США разрабатывают и другие типы оружия массового поражения. Президент заявил: «Если они сейчас не примут наши условия, то их ожидает такой поток разрушений с воздуха, равного которому наша планета еще не видела».

Военный министр США Генри Стимсон утверждал, что сброс бомбы будет способствовать скорейшему окончанию войны с Японией [4].

Последствия сброса атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки были огромными и требовали длительного времени и усилий для ликвидации. Десятки тысяч людей получили ожоги различной степени тяжести, а также пострадали от радиационного облучения. И, конечно же, это сказалось на состоянии окружающей среды, экологии. Очистка и восстановление городов также стали важными задачами. Строились новые здания, дороги, мосты и электросети. Кроме того, были предприняты усиленные усилия по контролю за радиацией и ее воздействием на окружающую среду и здоровье людей. Начались исследования и мониторинг радиации, а также разработаны программы для минимизации ее воздействия.

Важно понимать, что последствия этого разрушения невозможно было ликвидировать за год и даже за несколько. Требуется большой период времени для восстановления природного баланса и социальной гармонии в обществе.

Одним из важных шагов не только в ликвидации последствий катастрофы, но и в предотвращении подобного в будущем стал запрет на использование ядерного оружия. В 1945 году была создана Организация Объединенных Наций, цель которой поддержание мира и безопасности. Были заключены различные международные соглашения, такие как Договор о нераспространении ядерного оружия, которые ставят ограничения на распространение и использование ядерного оружия. Конечно же это позволило получить определенные гарантии в обеспечении безопасности человечества в целом и окружающей среды, в том числе.

А.В. Левашов, В.В. Федорчук, С.С. Савин [5] говоря о последствиях подобных катастроф, подчеркивают их долгосрочный негативный эффект. Авторы подчеркивают, что практически вся история человечества – это история войн. Есть очень много исторических примеров, которые показывают, как техническое преимущество обеспечивало победу, однако, еще больше их, когда используется разрушительная сила достижений ученых.

Негативные последствия событий Хиросимы и Нагасаки в исторической ретроспективе

Первое применение атомных бомб ознаменовало собой и появление понятия «радиоактивное загрязнение», что было связано с обнаружением последствий взрывов. Между тем, вопрос вредоносного воздействия радиоактивных отходов в Японии в то время не поднимался – люди продолжали жить в руинах разрушенных городов и отстраивать их заново. Высокая смертность населения в последующие годы, онкологические заболевания и генетические отклонения у детей, родившихся у людей, пострадавших от бомбардировок, поначалу вовсе не связывались с воздействием радиации. Не было проведено и эвакуации населения из заражённых районов – никто не предполагал, что последствия взрывов могут быть губительны для окружающей среды и человека на протяжении длительного времени. В сравнение шли лишь бомбардировки стандартными видами оружия, к которым за время войны население Японии уже привыкло.

Точную оценку уровню загрязнения Хиросимы и Нагасаки после бомбардировки дать весьма сложно. На сегодняшний день степень радиоактивного загрязнения атмосферного воздуха и почвы в момент взрыва и в ближайшие годы после него не может быть оценена даже приблизительно, так как в сравнении с современными бомбами первые атомные бомбы были маломощными. Например, если в момент аварии на Чернобыльской АЭС в активной зоне повреждённого реактора находилось несколько тонн продуктов деления и трансурановых элементов [1], то бомба «Малыш» («Little Boy»), сброшенная на Хиросиму, содержала в себе 64 кг урана, из которых примерно в 700 г происходила реакция деления (при этом, доля

обогащённого урана составляла 50 кг, обогащение – 89%, в связи с чем в дальнейшем «Малыш» был признан крайне неэффективным снарядом). Анализ последствий обеих трагедий позволяет сделать вывод, что уровень загрязнения местности в Хиросиме не мог быть столь же значительным, как в Чернобыле и его окрестностях, но всё же представлял серьёзную, смертельную опасность для человека и всего живого.

За взрывами в Хиросиме и Нагасаки последовало образование около двухсот различных видов радиоактивных изотопов (продуктов ядерного деления урана и плутония). Под действием взрывов эти вещества, наряду с другими уже облучёнными материалами, были выброшены высоко в атмосферу. В течение часа после взрывов произошло ещё одно вредоносное для окружающей среды явление, именуемое «чёрным дождём» (радиационные осадки). Цвет дождя был обусловлен смешением жидких и твёрдых радиоактивных веществ, поднявшихся в атмосферу в результате детонации, с разнообразными микрочастицами – копотью, грязью, частицами грунта, радиоактивной пылью и пр. Внешний вид и консистенция «чёрного дождя» позволяли сравнить его с мазутом.

Страшный факт, о котором не знали выжившие жители Хиросимы и Нагасаки – радиоактивные осадки представляют огромную угрозу для всего живого не только в момент выпадения, но и в долгосрочной перспективе. В Мемориальном музее мира в Хиросиме представлены экспонаты, попавшие под «чёрный дождь», и следы на них на протяжении всего времени остаются неизменны. Кроме того, все экспонаты музея до сих пор имеют в себе остаточное количество радиации, что подтверждает теорию о сохранении последствий ядерного взрыва в течение достаточно длительного времени.

Первоначальная вспышка радиационного излучения от обеих бомб, кроме прочего, привела к появлению остаточной (индуцированной) радиоактивности. Следовательно, в районах, затронутых взрывами, имело место облучения почвы, остатков строений и пр. Специалисты-физики, которые обследовали районы в непосредственной близости к эпицентру взрыва в Хиросиме, обнаружили высокий уровень радиации не только в грунте, но и в лошадиных костях, в сере, содержащейся в электрической изоляции телефонных столбов. Имелось много случаев воздействия радиации на животных и растения в местах взрывов.

В качестве основного вывода необходимо отметить долгосрочный негативный эффект бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки в 1945 году. Он заключается не только в непоправимом человеческом уровне, разрушенных городах, но также и вреде для окружающей среды, который был не ситуативным, а долгосрочным и его отголоски слышны и в наши дни. Безусловно, для ликвидации подобных последствий необходимо активизировать все возможные ресурсы человечества и осуществлять профилактику подобных человеческих действий в будущем.

Последствия взрывов атомных бомб в японских городах на протяжении длительного времени были не известны даже самим японцам – они узнали о реальном масштабе трагедии только после окончания войны. В то же время, в СССР информация об атаке транслировалась лишь ограниченно, что было вызвано политическими причинами и нежеланием демонстрировать советскому обществу военное превосходство Америки. Однако, руководители государства, которые осуществили подобный ужасный шаг, не задумывались о долгосрочных последствиях, ориентируясь лишь на военное превосходство и достижение сиюминутных целей.

Для самих американцев атака на Хиросиму и Нагасаки была преподнесена как акт проявления силы, верный политический шаг. Понятно, что в годы японской агрессии американское общество, преимущественно, соглашалось с официально пропагандируемой точкой зрения.

Теперь, много лет спустя (в 2023 году была 73 годовщина этой страшной трагедии), последствия бомбардировки Хиросимы и Нагасаки являются одним из сдерживающих факторов для начала ядерной войны. Особенно актуальным этот вопрос является в настоящее время, в период серьёзнейшей геополитической

напряжённости. Остаётся лишь надеяться на то, что применение ядерного оружия в Японии в 1945 году есть и останется последним в истории человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерский Г.Н. О процессе разрушения реактора 4-го энергоблока Чернобыльской атомной электростанции. Вестник СПбГУ. Серия 4. Физика. Химия. 2006; 3: 118-123.
2. Бызов Е.С. История ядерного оружия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. №5-2 (80). С. 7-9.
3. Ильинская Н. И. Академик Н. Н. Моисеев. Проект «ядерная зима» // Знание. Понимание. Умение. 2022. №1. С. 204-213.
4. Козлова А.В. Последствия взрывов атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки и водородной бомбы в Бикини: отчет об Интерн. конференции в Токио 1955 г., посвящ. последствиям взрывов атомной и водородной бомб. М.: Медгиз, 1957; 168 с.
5. Левашов А. В., Федорчук В. В., Савин С. С., Тишков В. И. Взаимоотношение общества, химии и биотехнологии. Научные, экономические и этико-моральные аспекты // Вестник Московского университета. Серия 2. Химия. 2023. №4. С. 391-400.
6. Озерова А. А., Никифоров В. А. Международное обеспечение ядерной и радиационной безопасности // Московский экономический журнал. 2023. №4. С. 328-334.
7. Пархитько Н.П. Хиросима и Нагасаки: преступление, которого можно было избежать. Вестник МГИМО. 2016; 4 (49): 79-87.
8. Петин В. Г., Пронкевич М. Д. Анализ действия малых доз ионизирующего излучения на онкозаболеваемость человека // Радиация и риск (Бюллетень НРЭР). 2022. №1. С. 39-57.
9. Масляков В.В., Сидельников С.А., Барачевский Ю.Е., Куркин К.Г., Пименова А.А., Полиданов М.А., Поликарпов Д.А., Барулина М.А. Массовое одновременное поступление пострадавших в чрезвычайных ситуациях в лечебные медицинские организации: организационные проблемы и возможные пути их решения. Медицина катастроф. 2023; 2: 51-55.
10. Harry S. Truman Library, Museum U.S. Strategic Bombing Survey: The Effects of the Atomic Bombings of Hiroshima and Nagasaki, June 19, 1946.

УДК 93

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Петухова Татьяна Николаевна
Доцент кафедры философии и гуманитарных наук,
кандидат юридических наук, доцент
Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург
SPIN-код 3249-6521
E-mail: tatyana.petukhova@mail.ru

Научная статья посвящена исследованию некоторых концепций роли личности в истории. При этом отмечается, что ни одна из философских концепций не отрицает влияния индивидуума на ход исторического процесса, но механизм этого воздействия различен. На примере теоретика марксизма, революционера, яркого политического деятеля в.и. ленина рассматривается интерференция его личностных характерных черт и предпочтений на социально-политические процессы, происходящие в стране в период неопределенности, революционных потрясений, становления государственности. Автор, опираясь на фактический материал, подчеркивая целеустремленность и фанатизм вождя революции, отмечает отсутствие моральных барьеров при выборе средств достижения целей, поставленных в процессе становления советского государства. В выводе внимание акцентировано на дискуссионном вопросе выявления и активизации ярких качеств личности в условиях такого государственного строя, одной из целей которого является обезличивание граждан.

Ключевые слова: концепции, роль личности в истории, политика, общественное движение, революция, моральные барьеры, террор.

ON THE QUESTION F THE ROLE OF PERSONALITY IN HISTORY

Petukhova Tatyana Nikolaevna
Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities, Candidate of Law, Associate Professor,
Ural Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Yekaterinburg
E-mail: tatyana.petukhova@mail.ru

The scientific article is devoted to the study of some concepts of the role of personality in history. It is noted that none of the philosophical concepts denies the influence of the individual on the course of the historical process, but the mechanism of this influence is different. Using the example of the Marxist theorist, revolutionary, and bright political figure V.I. Lenin, the interference of his personal characteristics and preferences on the socio-political processes taking place in the country during a period of uncertainty, revolutionary upheavals, and the formation of statehood is considered. The author, based on factual material, emphasizing the determination and fanaticism of the leader of the revolution, notes the absence of moral barriers in choosing the means to achieve the goals set in the process of the formation of the Soviet state. In the conclusion, attention is focused on the debatable issue of identifying and activating bright personality qualities in the conditions of such a state system, one of the goals of which is the depersonalization of citizens.

Keywords: concepts, the role of personality in history, politics, social movement, revolution, moral barriers, terror.

*****

Мировая история последнего столетия насыщена эпохальными процессами (общественные движения, революции, участие в Первой мировой войне, Второй мировой войне, локальные войны и т.д.), имеющими глобальные последствия, что требует осмысления в контексте роли личности в истории событий, сыгравших в ключевые моменты значение катализатора, спускового механизма, ударника, оказавших последующее влияния на социально-политической развитие государств.

Следует отметить, что ни одна из философских концепций не отрицает влияния личности на ход исторического процесса, но механизм этого влияния различен и непосредственно зависит от её качественных характеристик. Тема взаимоотношения личности и государства, толпы и элиты волновала гуманиста К.Э. Циолковского, теоретика космонавтики. Он подчеркивал исключительную, направляющую, созидающую роль гениальных людей, способствующих прогрессу: «… если бы были отысканы гении, то самые ужасные несчастья и горести, которые даже кажутся нам сейчас неизбежными, были бы устранены» [1].

Анализируя взгляды Л.Н. Толстого, ряд авторов полагает, что с точки зрения писателя «личность лишь выражает мнение масс, она не движет процессом, она сама им движима» [2].

Глубокий философский анализ роли личности в истории дан в фундаментальном труде авторитетного историка, профессора В.Т. Логинова, где исследованы различный точки зрения на данную проблему. Так, автором одной из наиболее ранних концепций является Гегель, полагающий, что «носителем исторической необходимости является мировой разум, который направляет историю таким образом, что использует интересы, страсти, стремления людей, в том числе и выдающихся, как средства для достижения своей цели, осуществления прогресса в осознании и реализации свободы человека» [3]. В соответствии с этой позицией, влияние личности на ход истории зависит от ее взаимосвязи с мировым разумом, а личность, в данном случае, является проводником необходимых перемен.

Инной точки зрения придерживались представители «субъективного идеализма», полагая, что народ пассивен, ему требуются поводыри, избранные, «активные духом», подлинные исторические герои, связанные с духовной или управленческой сферой. Тому пример – тайные общества дворянской молодежи XIX века, народники 70-80-х гг. XIX века (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и др.), полагающие, что толпа идет за исторической личностью туда, куда ее поведут. В этот контекст, как полагает В.Е. Логинов, укладывается позиция немецкого философа Ф. Ницше, который считал, что народ – это бесформенный материал, камень, который требует шлифовки, «социального архитектора». Главная движущая сила такого архитектора – стремление к власти.

Религиозные философы также задавались вопросом о роли личности, однако направление этой личности зависит от воли Бога, а личность лишь следует божественному предназначению, смиренна и покорна. Противниками религиозной концепции выступают ученые – материалисты, которые рассматривают личность как продукт социально-исторического развития.

Это лишь некоторый обзор основных имеющихся концепций роли личности в истории, проанализированных В.Т. Логиновым.

Обратимся к известным событиям XX века в России: революционная ситуация, революции, мировые войны, особенности личности последнего российского императора и, наконец, Ленин В.И. – «целеустремленность и отсутствие каких-либо моральных барьеров в стремлении к поставленной цели у того, кто возглавил Октябрьский переворот, – вряд ли этот переворот произошел бы и повлек все свои последствия» [4].

С позиций современности, задаешься вопросом, как человек, мыслящий теоретически через призму утопического, казалось бы, не имеющего исторического шанса, социализма, мог реализовать свои абстрактные измышления на одной

шестой часть суши, при этом сам, полагая, что при его жизни революции не будет, проживая более десяти лет на границей.

Вероятно, все дело в личности В.И. Ленина.

«Через сравнительно короткую, но чрезвычайно насыщенную жизнь Ленина пролегли две ведущие линии: беззаветная преданность делу революции и неистовая ненависть к (истинным или мнимым) ее противникам» – отметил доктор исторических наук, профессор С.В. Кулешов [5, с. 67].

В данном контексте показателен отрывок из работы Ленина «Детская болезнь «левизны в коммунизме», где дается оценка деятельности провокатора Малиновского: «Одной рукой отправляя на каторгу десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков…» [6, с. 28-29].

Несомненно, В.И. Ленин – олицетворение революционной романтики, рабочего движения, пламенно и неистово верящий в дело всей своей жизни – защите угнетенных. Так, английский писатель Герберт Уэллс после знаменитой встречи с Лениным в 1920 году назвал его «кремлевским мечтателем». При этом средства достижения цели В.И. Ленина не волновали. Так, один из редакторов «Социалистического вестника», публицист, представитель меньшевиков Р. Абрамович считал В.И. Ленина «человеком с раздвоенной душой», одновременно реалистом-практиком и оголтелым утопистом [10].

Известны предельная концентрация В.И. Ленина, требующая душевных и физических сил, и последующие за ней кризисы. Он политически, идеологически одинок, мыслит планетарными масштабами, рядом нет равных ему по харизматичности, интеллектуальности, лидерским качествам. В 1916 году в журнале «Новое эхо» опубликована заметка будущего шефа ГПУ В. Менжинского, сравнивающего В.И. Ленина с Павлом I: «Он один на недосягаемой высоте; всегда правый, знающий, что нужно России и всему миру, но никто его не признает, кругом все изменники, а с ним одни гатчинцы, маленький кружок верных, которые уже сейчас видят в нем олицетворение власти… Нелегальное дитя русского самодержавия, Ленин считает себя не только естественным преемником русского престола, когда он очистится, но и единственным наследником Интернационала… Запахло революцией, и Ленин торопится обскакать всех конкурентов по руководству пролетариатом, надеть самый яркий маскарадный костюм» [5, с. 69].

Прекрасный оратор, способный признавать ошибки, корректировать в соответствии с обстоятельствами лозунги, методы и модели, обладающий политической смелостью, руководитель партии меньшинства В.И. Ленин в короткие сроки становится вождем революционного народа. Его политическая фигура отвечала чаянию эксплуатируемого веками народа, его вековому неистовому желанию освобождения. Эта социальная народная потребность в справедливости, личностные черты талантливого оратора В.И. Ленина и историческая возможность – основные источники успешного переворота и советизации (большевизации) государства. Авторитет В.И. Ленина не оспаривался большинством однопартийцев, его личностные качества высоко оценивались Троцким Л.Д., который писал, что в его отсутствии Октябрьская революция в Петрограде все равно бы произошла при руководстве В.И. Ленина, но «если бы в Петрограде не было ни Ленина, ни меня, не было бы Октябрьской революции; руководство большевистской партии помешало бы ей свершиться, в этом у меня нет ни малейшего сомнения» [11, с. 84].

Вся непродолжительная жизнь Ленина – это борьба: внешнеполитическая и внутриполитическая. В результате внешнеполитической – признание зарубежными государствами Советского государства, в результате внутриполитической – торжество однопартийной системы с единой идеологией в борьбе с собственными однопартийцами, сторонниками компромисса с другими социалистическими партиями и не ради собственных амбиций, а ради дела всей его жизни – революции. Хотя, уже в 1919 годе Рогожская Застава в Москве переименована в Заставу Ильича,

в Москве появилась Ульяновская улица, а в 1922 году в Петроградской губернии была Ленинская волость.

Поставив цель, В.И. Ленин не задумывался над методами ее выполнения: диктатура пролетариата, курс на вооруженное восстание, разгон Учредительного собрания, проповедь гражданской войны, красный террор, расстрел царской семьи и домочадцев – это лишь часть перечня событий эпохи становления советской власти, основанной на насилии и искоренении оппозиции. Выступая на заседании фракции Всероссийского центрального совета профессиональных союзов 12 января 1920 года, В.И. Ленин заявил, что война еще не закончена и все силы необходимо бросить на уборку хлеба: «… Если мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять, мы не остановимся и перед этим и спасем этим страну» [12].

Согласно мнению современников, В.И. Ленин восхищался «гением революции», идеологом революционного террора Сергеем Нечаевым, автором «Катехизиса революционера», где обозначен принцип, которому В.И. Ленин неукоснительно следовал: «Нравственно для него (революционера) все, что способствует делу революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему» [8].

То есть, с одной стороны, благородная цель: построить общество справедливости, рабочих и крестьян, с другой – отсутствие морали и нравственности в политике, следование целесообразности для построения этого общества.

Возвращаясь к риторическому вопросу: оправдывает ли благородная цель методы и средства ее достижения?

В данном контексте уместно привести теорию морального разрыва канадского и американского психолога альбера бандуры, известного работами по социальному научению, в которых он доказывает возможность порочного изменения личности в процессе социального взаимодействия. Так, с рождения у индивида постепенно формируются моральные и нравственные качества, которые регулируют поведение на основе ценностей, установленных в обществе. Однако, по мере взросления, возможно нарушение внутренних норм и ценностей для удобства, обогащения, выживания, что вызывает увеличение внутреннего напряжения, связанного с разрывом с собственными убеждениями, и появление субъективного дискомфорта – морального конфликта. Разрыв с убеждениями и ценностями, а. Бандура называет избирательным моральным разъединением. Используя различные защитные механизмы, человек стремится оправдать, узаконить свои действия, несмотря на то, что они идут вразрез с моральной системой. Постепенно происходит принятие все большего количества поступков, которые поначалу считались бы неприемлемыми, абсурдными, жестокими и отвергались.

Эта теория исходит из концепции, что на взаимодействие между поведением и мышлением влияют факторы окружающей среды, личные и поведенческие факторы, причем мораль также зависит от влияния познания, эмоций и социальных взаимодействий [**9**]. В период руководства страной В.И. Лениным человек с ружьем – символ революционных и постреволюционных лет. Исторические вызовы требовали жертв ради воплощения мечты либо отказа от нее, ведь даже после окончания гражданской войны, политическая борьба продолжалась в виде гонений на церковь, высылки интеллигенции – «философские пароходы», искоренения оппозиции, в том числе, соратников по социал-демократическому лагерю При этом, в движении, постоянной практике совершенствовались ораторские способности политического вождя.

Если рассмотреть моральную раздвоенность с точки зрения этой теории, то заграничные мечты В.И. Ленина, исторически оказавшаяся возможность их воплотить и реальная действительность (разруха, безграмотность, политические оппоненты, гражданская война, дискуссии представителей различных партий и др.) породили этот двойственный диссонанс, противоречие цели и средств.

Таким образом, история XX века в России, на наш взгляд, не может быть рассмотрена вне личностей, которые наделены харизматическими качестствами,

оказавшими влияние на общество. Парадоксально, но «до сих пор не зафиксированная отчетливо черта эпохи заключалась в том, что и формирование новых личностей – людей, наделенных яркими свойствами и оказывающих влияние на окружающих (тех самых, про которых говорят: «Это – личность!»), и выявление, активизация, реализация лучших их черт происходили в тисках того самого государственного устройства, которое имело одной из целей обезличить граждан, населяющих страну» [12]. Кроме того, яркий талант эти личности проявляли, уничтожая гражданское общество, имеющуюся и вероятную оппозицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Циолковский К.Э. Горе и гений. Калуга, 1916. https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lichnosti-v-istorii-v-filosofii-tolstogo-l-n/viewer
2. Травина Л.А., Мусина В.В. Роль личности в истории в философии Л.Н. Толстого//Культура. Духовность. Общество https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lichnosti-v-istorii-v-filosofii-tolstogo-l-n/viewer
3. Логинов В.Е. Роль личности в истории: анализ философских концепций // https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lichnosti-v-istorii-analiz-filosofskih-kontseptsiy
4. Чудакова М. Новые работы 2003-2006 Статья "О роли личностей в истории России XX века https://multiurok.ru/files/chudakova-m-novye-raboty-2003-2006-statia-o-roli-l.html
5. Кулешов С.В. Ленин жив? //историко-политологический журнал «Кентавр», М.: изд. «Феникес», 1993, № 1, – 160 с. С. 67
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с.
7. Нечаев С.Г Катехизис революционера, 1869, http://poznaemvmeste.ru/index.php/vsjo-v-odnom-meste-istoriya-rossii-kratko/9-pervyj-poslednij/1659-s-g-nechaev-katekhizes-revolyutsionera-1869-g
8. Louise Ward. Теория морального разрыва Альберта Бандуры, 2021, https://ru1.nsp-ie.org/teoria-desconexion-moral-bandura-972
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с.
10. Архив Гуверовского института войны, революции и мира, коллекция П. Валентинова – Вольского, ящик 3
11. Троцкий Л. Дневники и письма. – Эрмитаж. 1990.
12. Ковальченко И.Д. Ленин об этапах революционного движения в XIX веке в России// Вопросы истории, № 4, апрель 1960, С. 59-76 https://elibrary.com.ua/m/articles/view/

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ «МОРАЛЬ» И «ЭТИКА» В СОЗНАНИИ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

Вань Гуанфу
Аспирант, Российский университет дружбы народов
E-mail: kqsrus@mail.ru

Научный Руководитель: Нина Леонидовна Чулкина
Доктор филологических наук, профессор

Данное исследование отражает специфику понимания морально- этических основ и принципов в менталитете китайского и русского народов. Автор дифференцирует процессы осознания морально- этических норм и основных категорий китайским и русским народом.

Работа позволяет дифференцировать понятия «этика» и «мораль» с точки зрения общефилософских категорий, ориентируясь на специфику национального сознания. Автор раскрывает систему ценностей, присущую каждому народу и особенности ее восприятия и становления. Также выявляются ключевые категории этики и морали, их современная интерпретация и реализация в социальных нормах. Морально- этические основы сознания

Публикация включает рассуждения на тему значимости морально-этических ценностей в обоих народах и их особенное восприятие в соответствии с национальными культурно- историческими особенностями.

Целью работы является сравнение понятий «мораль» и «этика» в сознании данных народов. Объектом определена концептуальная система ценностей, предметом- различия указанных категорий в сознании китайского и русского народов. В данном исследовании выявляется философская специфика этики и морали и их интегративные характеристики.

Ключевые слова: *мораль, этика, сознание, национальный менталитет, осознание этических норм, цивилизация, обоснование морали, личностное осознание, ментальность, исторические факторы*

THE CONCEPTUAL CONCEPTS OF "MORALITY" AND "ETHICS" IN THE MINDS OF THE CHINESE AND RUSSIAN PEOPLES

Wan Guangfu
PhD, Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: kqsrus@mail.ru

This study reflects the specifics of understanding the moral and ethical foundations and principles in the mentality of the Chinese and Russian peoples. The author differentiates the processes of awareness of moral and ethical norms and basic categories by the Chinese and Russian people.

The work makes it possible to differentiate the concepts of "ethics" and "morality" from the point of view of general philosophical categories, focusing on the specifics of

national consciousness. The author reveals the value system inherent in each nation and the peculiarities of its perception and formation. The key categories of ethics and morality, their modern interpretation and implementation in social norms are also identified. The moral and ethical foundations of consciousness.

The publication includes discussions on the importance of moral and ethical values in both peoples and their special perception in accordance with national cultural and historical characteristics.

The purpose of the work is to compare the concepts of "morality" and "ethics" in the minds of these peoples. The object is a conceptual system of values, the subject is the differences between these categories in the minds of the Chinese and Russian peoples. This study identifies the philosophical specifics of ethics and morality and their integrative characteristics.

Keywords: morality, ethics, consciousness, national mentality, awareness of ethical norms, civilization, justification of morality, personal awareness, mentality, historical factors

*****

Проблема дифференциации понятий «мораль» и «этика», выявления их взаимосвязи и определения их места в жизни социума является актуальной во все времена и в различных науках, цивилизациях изучается и обсуждается. Каждая из человеческих цивилизаций уникальна и поэтому восприятие данных категорий представителями разных народов, эпох неоднозначно, интересно и требует тщательного изучения.

На примере нашего исследования важно подчеркнуть специфику восприятия данных категорий в сознании китайского и русского народа, определить общие черты и свойства, позволяющие их дифференцировать. Уникальность цивилизации традиционного Китая отличает его от христианских государств, в том числе, от России с многовековой историей и спецификой менталитета. Обычаи, традиции, взгляды на систему нравственно- этических ценностей позволяют культурам иметь интегративные характеристики, но в то же время обладать особенностями, подчеркивающими их ценность и особенность. Мораль и этика как общечеловеческие, философские категории отражены в научных концепциях данных стран, сознании народа и воплощении в быту повседневной жизни и нам интересно выявить, чем же отличается выражение морали и этики в сознании китайского и русского народов. Несмотря на то, что эти категории являются общефилософскими, в каждой из культур, в менталитете и поступках отражаются их особенности.

Именно поэтому целью работы мы определили сравнение понятий «мораль» и «этика» в сознании данных народов. Объектом конкретизирована концептуальная система ценностей, предметом- различия указанных категорий в сознании китайского и русского народов.

Для того, чтобы цель можно было реализовать, важно конкретизировать исследовательские задачи и их выполнить:

1. Определить общие детерминанты дефиниции понятий «мораль» и «этика»;
2. Исследовать особенности отражения морали и этики в китайской и русской культуре;
3. Выявить специфические черты вышеуказанных категорий в сознании китайского и русского народов.

Основные методы нашего исследования- это теоретико- методологический и исторический анализ источников по теме публикации, посвященных общему изучению понятий «мораль» и «этика» (О.С. Акматов и А.А. Бекбоев и пр.), реализации этических и моральных принципов в жизни китайского (Ли Цзи, Чжу Жуйшуан) и русского (Ю.М. Плюснин) народов.

Данные методы помогут нам более детально изучить определенную тематику и сделать авторские выводы.

Общие детерминанты дефиниции понятий «мораль» и «этика».

Изучаемые нами категории «мораль» и «этика» являются предметом исследования и дискуссий в философии, социологии и иных общественных науках.

Философская антропология мировой цивилизации рассматривает понятия этики и морали как основополагающие, без которых функционирование и развитие человечества в принципе невозможно. Иными словами, как утверждают О.С. Акматов и А.А. Бекбоев [1] именно в контексте данных категорий формируется моральное сознание, проходя через понимание, эмоциональное восприятие и отражение в сознании. При этом достаточно проблемным остается вопрос о взаимосвязи данных понятий и исследовании указанных категорий в контексте общего и целого, императивности и свободы выбора. Многие мыслители, как утверждает Л. В. Максимов [7] определяют эти понятия как общее и частное, присваивая свойство универсальности. Обладая возможностью применения к различным сферам жизнедеятельности, вне зависимости от территории и эпохи, этика и мораль прочно живут в душе и деятельности человека, отражаясь как на общемировом уровне, так и в личностном сознании. Именно понимание необходимости соблюдения норм и правил, оценивание их с точки зрения практического применения либо философского осмысления, способствует формированию морального сознания, этичного поведения. Кроме своей декларативности, данные категории призваны обеспечивать нормальное функционирование социума, комфортную жизнь людей и перспективы личностного развития.

Рассуждая о категориях морали и этики, многие мыслители четко обозначали понятия «долг», «добро», «справедливость» и иные составляющие, которые позволяют конкретизировать интегративный характер этих категорий. Однако, анализируя содержание данных компонентов, необходимо прийти к мысли об их возможном различии и о том, что содержательное наполнение зависит от национального менталитета, личностных особенностей и возможного трактования в обществе в контексте конкретной ситуации развития.

Этика и мораль, обладая универсальностью, позволяют формировать такие категории как осознание, долг, ответственность, социальное оценивание. Они взаимодействуют с когнитивной сферой (разум, воля), личностной (эмоции, чувства) и социумом (общественное одобрение либо порицание). Данные характеристики являются общими для различных культур и могут представлять основу для формирования национальной идеологии, сознания и отражения в социально одобряемых моделях поведения.

Морально- этические принципы отражаются в философских мировоззрениях различных ученых (И. Кант, Э. Дюркгейм, Э. Фромм и пр.) и представляют собой систему норм и императивов, регулирующих общественную жизнь, дифференцирующих поступки на социально одобряемые и осуждаемые. Введенный Кантом категорический императив отражает не только универсальность, но и обязательность осмысления, принятия и исполнения морально- этических норм и правил всеми людьми. Однако, в контексте соотношения этих категорий актуализируется вопрос о том, что не каждый этический поступок является по своему содержанию моральным [7, с. 17] и включает в себя высшие ценности и принципы, которые являются общечеловеческими приоритетами. И здесь необходимо рассуждать о содержании этики, которая призвана отстаивать конкретную жизненную позицию и в этом ее главная роль, и сущность.

Этические категории совести, долга и ответственности, справедливости детерминируют построение уклада жизни, поступков и поведения вне зависимости от национальности и территории проживания. Формируемое моральное сознание, закрепление этических категорий в чувствах, эмоциях и разуме является универсальным.

На настоящий момент мораль и этика, как отмечают современные исследователи (О.С. Акматов, А.А. Бекбоев и В. М. Алексеев) являются не только философскими, но и практическими, отражаясь в различных сферах общественной жизни (профессиональной, образовательной, деловой и пр.). Однако, несмотря на универсальность данных понятий, ценностно-смысловые ориентации, заложенные в сознании китайского и русского народов, приобретают различный оттенок в концептуальном и практическом плане.

Особенности отражения морали и этики в китайской и русской культуре

Каждая из культур, диаметрально противоположная другой, безусловно, имеет свои особенные характеристики. Социальные нормы, отражающие национальный менталитет, регулировали жизнь китайского и русского народов и выражались в философских концепциях и мировоззрении. Этика китайской нации, по мнению ряда ученых [1], [3] нашла свое отражение в конфуцианстве, иначе именуемом этикой ритуала [4]. В данной концепции большое значение играет установление баланса между природным и культурным в человеке. Для того, чтобы достичь данной гармонии, необходимо осмысление и принятие этических норм, выражение их в ритуалах и интеграция в общество путем реализации моделей социально одобряемого поведения.

Также, как подчеркивает Е. Ли, идеи даосизма играют не последнюю роль в становлении морально- этического сознания китайского народа. Данные философские концепции актуальны и на современном этапе развития китайского общества и поэтому те морально- этические категории, которые в них заложены, с течением времени не исчезли, а неукоснительно соблюдаются. Китайское общество является достаточно традиционным и отраженные в сознании этические категории не просто теоретические правила, а руководство к действию. Как китайский человек думает, личностно относится к нормам, правилам и ценностям, так и поступает. Русский человек знает, как правильно, но иногда, руководствуясь приоритетом цели, если невозможно совершить социально одобряемый поступок, может поступить аморально, чтобы получить социально одобряемый результат. В случае обнаружения, что поступок неэтичный, всегда есть возможность оправдаться либо переложить вину на условия общества, которые не позволяют поступить иначе.

Основной категорией этики даосизма является порядочность и умение держать себя, проявлять достойное поведение в любой ситуации. Это не просто обязанность, а естественная потребность человека, позволяющая всему живущему следовать своим путем, тем самым восстанавливать вселенский порядок.

Традиции конфуцианства и социальные нормы, которые регламентируют общественную жизнь с древних времен, давали опору «человеку в древнем обществе» [10, с. 113], а сейчас, превратившись в традиции, являются незыблемыми устоями функционирования общества. Неукоснительное соблюдение норм и правил- обязательный постулат, который важен для каждого гражданина Поднебесной с древних времен. В сознании людей данные категории закреплены с момента рождения и на каждом возрастном этапе имеют свои правила и границы.

В русском обществе, со времен Древней Руси этика и мораль служили основой выживания, сплоченности общества и четкое закрепление морально-этических категорий было обусловлено объективной реальностью. Для успеха совместной деятельности людям необходимо строить личные, доверительные отношения, т.к. это обусловлено правилами и нормами общежития. Русские люди в древние времена жили родами, общинами и для того, чтобы жизнь и быт были обустроены, необходимо соблюдать правила, не мешающие другим, поощряющие взаимопомощь и отраженные в определенных сводах правил, регулирующих повседневную, семейную жизнь, религиозные каноны. Множество категорий этики и морали приходят в сознание русского человека из религии. Православные принципы в контексте религиозного воспитания после крещения Руси сменили этику и мораль древних славян и в сознании людей этические категории отражаются в таких поступках как взаимопомощь, толерантность, доверие к окружающим.

Специфические черты морали и этики в сознании китайского и русского народов

Национальный менталитет китайского и русского народов имеет некоторые различия, обусловленные источниками формирования морали и этики, а также включения их в сознание и выражение в поступках.

Опираясь на исследования А. А. Хвостова, З. М. Гаджимурадова и Е. В. Афонасенко, возможно конкретизировать существенные различия морального сознания современных китайцев и русских, обусловленные развитием современного общества.

Русские, по мнению данных исследователей, характеризуются большей свободой в реализации моральных и этических принципов. Каждый человек призван самостоятельно определять меры долженствования, степень ответственности, возможность принятия социального одобрения либо порицания. При этом, проводя опрос среди русских, было выявлено, что они в большей степени подвержены влиянию общества, а негативные жизненные сценарии, либо невозможность (нежелание) принимать и выполнять морально -этические категории. В моральном сознании русского человека первична цель, а не способы ее достижения и достаточно часто предметом дискуссий становится пословица «Дорога в ад вымощена благими намерениями», т.к. способы достижения данной цели не всегда этичны.

В китайском обществе принято строго следовать нормам и принципам, которые начертаны для исполнения и подобные правила беспрекословно исполняются, т.к. с самого рождения в сознание человека вкладывается уважение к авторитету, общность со своим государством, конечно же, общепринятым нормам. В сознании китайского человека сложно оправдать негативно оцениваемые поступки морально значимыми целями и задачами. В данном случае сопоставляются цели и средства их достижения.

Сознание китайского человека предполагает неукоснительное соблюдение этических норм и правил в естественном порядке, т.к. они формируются в ходе воспитания практически с рождения. Ситуации, в которых необходимо осуществлять нравственный выбор между этичными либо неэтичными поступками, всегда разрешаются в пользу этики и морали, потому что даже не возникает мысли о том, что какие-то нормы возможно нарушить. Порядочность является неотъемлемым качеством китайского гражданина и на уровне сознательного восприятия закладывается не как тягостная обязанность, а как естественная модель поведения, которая не является вариативной. В отношении русского человека к этической категории порядочности поочередно просматривается принцип «не навреди другому» и «цель оправдывает средства». Порой эти постулаты противоречат друг другу, и в этом главная дилемма для русского, как поступить правильно либо в рамках морали. Для китайского человека такого вопроса не возникает. т.к. эмоционально невозможно принять поступки и реализовать модели поведения, которые в сознании не включены в этические категории и не рассматриваются как социально одобряемые. Даже если поступок не будет известен в обществе, то, как отмечает Ли Цзи [6], ответственность перед собой, активизация в сознании категории совести не позволят совершать поступок, который не будет «вписываться» ни в одну из морально- этических категорий.

В ходе проведенного нами анализа китайских и российских источников [5], [9] было определено, то закрепление норм этики и морали проходит по- разному, с учетом национального менталитета. Для русского человека необходимо эмоциональное принятие и лишь потом дальнейшее осмысление и сознательное применение данных категорий. Поступки по совести, ответственность, и иные этические категории будут приняты русским человеком, т.к. это позволяет достичь социально значимых целей, получить одобрение и быть положительно оцененным обществом.

Китайские положения конфуцианства основываются на справедливости, всеобщем благе и получении знаний через приобретение положительного

социального общества и закладывают в сознании основы «правильных» поступков как основы одобряемых и этичных моделей поведения.

Основные концепты даосизма-добродетель и воздержание оказывают значительное влияние на становление морального сознания китайцев и поведение имеет уже не просто социальную, деятельностную основу, а внутреннюю-психологическую, отражающую подсознательные структуры, объяснимые при помощи того, что данные нормы необходимо соблюдать неукоснительно, и они не подлежат обсуждению. В контексте данной концепции, как отмечено в работе Чжу Жуйшуан [11], баланс добра и зла, истины и лжи, является естественным и соблюдение этических норм, моральных правил представляется сознанию как личностный рост, самосовершенствование, повышение уровня Дао и стремление к гармонии.

В отличие от этого, русский человек рассматривает этику и мораль как совокупность норм и правил, выработанных в ходе исторического развития общества и обусловленных необходимостью выживания и обеспечения себя и близких всем необходимым. На настоящий момент необходимости в выживании как таковой нет. Потребности в физической безопасности при жизни в обществе обеспечиваются не только этикой и моралью, но и специальными правоохранительными органами. Поэтому указанные категории не являются незыблемыми и естественны к исполнению лишь законопослушными, в ряде случаев, верующими гражданами. Стремление заслужить общественное одобрение уже актуализируется в случае получения возможной моральной (либо материальной) выгоды, поэтому этика и мораль входят в сознание не естественно, с образом жизни, а в большинстве случаев в ходе педагогического воздействия.

В качестве основного вывода необходимо отметить, что отражение в сознании китайского и русского народов категорий этики и морали, несмотря на множество общих характеристик, имеет ряд существенных различий:

1. Степень свободы личностного отношения к принятию (непринятию) в сознании данных категорий и их содержательное наполнение. Русским людям присуще более свободное выражение личного мнения по поводу морали и этики и данные нормы обязательны к выполнению настолько, насколько приемлемы и комфортны для человека. Китайские граждане безоговорочно, в контексте естественного обучения и развития принимают и соблюдают положения данных категорий;
2. Различное по этапам и содержанию отражение в сознании категорий морали и этики. Китайскому народу свойственно осмысление, апробация различных норм и затем включение их в личностную систему ценностей, а не только понимание на уровне общественных императивов. У русского человека принятию предшествует эмоциональное восприятие, понимание личностной значимости и лишь затем включение в сознательную деятельность;
3. Источники формирования данных категорий. В Китае понятия этики и морали вытекают из национальных философских идей и концептуальных положений, у русского народа это были объективные предпосылки (естественные условия жизни, необходимость выживания в племени, общине), которые затем сменились религиозными устоями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акматов О.С., Бекбоев А.А. Морально-этические понятия в контексте философской антропологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №2-2 (89). С. 160-166.
2. Алексеев В. М. Виноградова Т. И. Вопросы духовного быта (публикация, предисловие и комментарии Т. И. Виноградовой) // Кунсткамера. 2020. №4 (10). С. 202-219.

3. Варакина М. И., Трофимова Е. С., Левченко Я. А. Философский дискурс о проблеме гармонизации отношений человека с обществом и природой в конфуцианстве // ЭСГИ. 2022. №2 (34). С. 74-86.

4. Васильев Л.С. Этика и ритуал в трактате «Ли Цзи» // Этика и ритуал в современном Китае: Сборник статей / Редколлегия: А.А. Бокщанин, Л.С. Васильев (отв. ред.), А.И. Кобзев. М.: Наука, 1988. С. 173.

5. Ли Е. В. Нравственно-этические учения даосизма и конфуцианства // ORIENSS. 2022. №Special Issue 26. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvenno-eticheskie-ucheniya-daosizma-i-konfutsianstva (дата обращения: 15.06.2024).

6. Ли Цзи Алгоритм воспитания нравственных ценностей в системе школьного образования Китая // Современное педагогическое образование. 2024. №1. С. 47-50.

7. Максимов Л. В. Этика и мораль: соотношение понятий // Этическая мысль. 2023. №4. С. 14-21.

8. Плюснин Ю.М. Личность на перекрестке культур: модели социализации в условиях межкультурного взаимодействия. Новосибирск: Издание института философии и права СО РАН, 2024. С. 18—20.

9. Разин А. В. Проблема обоснования морали // Философия и общество. 2022. №2 (103). С. 38-62.

10. Хвостов А. А., Гаджимурадова З. М., Афонасенко Е. В. Моральное сознание трех культур: китайская, русская, дагестанская молодежь // Развитие личности. 2007. №1. С. 112-122.

11. Чжу Жуйшуан Образ моральных ценностей у китайцев // Вопросы психолингвистики. 2016. №3 (29). С. 316-321.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблиц ы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Подписано в печать 20.07.2024г. Выход в свет 31.07. 2024г., объем 9,17 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 021-24/14.
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >